

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
В ПАРАЛЛЕЛЬНОМ МИРЕ**

ОЛЕГ ВЕРЕЩАГИН

ПУТЬ ДОМОЙ

Книга первая. СКАЖИ МИРУ - «НЕТ!»

Олег Верещагин
Скажи миру – «нет!»
Серия «Путь домой», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2471245
Путь домой. Кн. 1. Скажи миру – «НЕТ!»: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52251-4

Аннотация

Их было двое. Олег и Таня. Им было по 14 лет, они дружили, ходили в одну спортивную школу – занимались фехтованием. И однажды теплым летним вечером они отправились погулять. По знакомым до малейшей трещинки улицам родного рода. Увлеченные прогулкой, беседой и друг другом, Олег и Таня не сразу заметили, что городские огни сменились крошечной тьмой, бетонный мост через небольшую речку Пурсовку пропал без следа, а вместо городских окраин раскинулся непроходимый лес. Подростки быстро сообразили, что оказались в другом мире. Их даже не слишком пугала перспектива остаться в нем навсегда, но настораживали странные могильные камни, надписи на которых, сделанные на разных языках, гласили, что под этими камнями похоронены их сверстники...

Содержание

Рассказ первый	5
Рассказ второй	61
Рассказ третий	112
Рассказ четвертый	154
Рассказ пятый	220
Конец ознакомительного фрагмента.	247

Олег Верещагин

Скажи миру – «нет!»

*Мы будем помнить
Путь в архипелаге...*

В. Крапивин

*Я посвящаю эту книгу моим друзьям – тем,
кто своей жизнью опроверг слова «Игра важнее
тех, кто в нее играет», доказав, что все игры на
свете делаются ЛЮДЬМИ.*

*Я вспоминаю не бывшее никогда.
Эта история началась летом далекого 1988
года...*

*Только эхо в горах,
Как прежде, поет
Голосами друзей-мальчишек...
Голоса их все тише...
Время не ждет.*

Группа «ЧайФ»

Рассказ первый

Чужая земля

*Это было, это было в той стране,
О которой не загрозишь и во сне...*

Н. Гумилев

...— Продавец и спрашивает: «Мужик, а кто там у тебя сидит-то?!» — «Не знаю я. Но сыр любит — офигеть!»

Танька рассмеялась, но тут же ойкнула и запрыгала на одной ноге:

— Ой, я, кажется, на что-то наступила...

— Не на бутылку? — забеспокоился я. — Погоди, сейчас... вот сюда давай.

Я подставил ей руку и помог допрыгать до пенька, бросив в траву свои туфли и ее кроссовки. Танюшка прыгала и жалобным повизгиваньем обозначала свои невыносимые страдания, я всерьез беспокоился — мало ли что валяется тут в траве? С тех пор, как нашу речку почистили, на ее берегу повадились устраивать пикники — в меру своего понимания, то есть: бухали, закусывали и били бутылки о деревья, а иногда — друг другу о головы.

Если Танюшка распорол себе ногу, то в следующий раз колоть головы об их бутылки буду я. Можно и наоборот. Бу-

ТЫЛКИ О ГОЛОВЫ.

Я усадил ее на пенек и взял в руки левую ступню девчонки – холодную и мокрую от росы. Танюшка сопела мне куда-то в район правого виска, это было щекотно и невероятно здорово. Я задержал ногу девчонки, хотя уже отчетливо видел, что на нежной коже ничего нет – скорее всего, просто наступила на сучок. Сердце у меня постукивало где-то в горле, и я уже почти решился ее поцеловать (не ногу, а саму Таньку). А то что же это такое, мы знакомы уже год и еще...

– А ты, Олег, фетишист, – сообщила Танька мне в ухо. – Ногу-то отпусти, раз там ничего нет.

– Да ну тебя, – сердито отстранился я. – Я думал, ты правда порезалась или ногу проколола.

– Я тоже думала... Кроссовки дай. И носки.

Я нашарил в черной траве нашу обувку, передал Таньке кроссовки и присел рядом на пенек. Но обуваться мы не стали – просто сидели и смотрели на редкие огни за булькающей и шипящей на плотине рекой. На этой плотине хорошо стоять, кидая в белесую от пены воду камешки. Многим кажется, что вода там пахнет затхлостью, а мне нравится этот запах...

– Сколько времени? – спохватилась Танька. Я посветил зажигалкой на свою «Ракету». – Двенадцатый час?! Ой елоч-ки зелененькие! Я же должна на сахарный к папке ехать. Последний автобус через пятнадцать минут!

Она лихорадочно обувалась. Это был серьезный облом, у

меня, словно молоко, оставленное в тепле, скисло настроение.

– Я с тобой поеду, – вызвался я.

– А обратно пешком? – поинтересовалась она. – Автобус-то последний... Нет уж, ты пойдешь домой и ляжешь спать – приятных сновидений.

– Ну хоть до ручья провожу, – буркнул я, обуваясь. Танюшка независимо хмыкнула, но возражать не стала. – Завтра увидимся?

– Завтра будет завтра, знаешь такой мультик? – вопросом ответила она. – Ладно, пошли.

По хорошо знакомой тропинке мы углубились в тихую рощу. Справа, за ручьем, урчали тритоны-«бычки», печально покрикивала какая-то птица. Было абсолютно темно, лишь в проемах высоких крон временами серебристо подмигивали нам звезды да впереди нет-нет проглядывал желтый фонарь – как раз над остановкой. Собственно, до нее было не так уж далеко.

Я первым перешел по бревнышку через сонно шепчущий в зарослях ручей, подал руку – Танюшка оперлась, легко скакнула.

– Тут я сама, – махнула она рукой по тропинке, ведущей на подъем через кусты.

– Давай я автобуса с тобой подожду, – предложил я. У меня на языке вертелось: «Тебя там что, ждет кто-то?!» – но я помалкивал. Потому что в ответ вполне можно было

получить: «Ждет», – и зрелище молча удаляющейся спины. А так прощаться совсем не хотелось.

– Да нет, не надо. – Танька сделала два шага, потом остановилась. На фоне кустов я ее почти не различал – говорил с голосом из темноты, так странно... – Олег, знаешь что... – Я вопросительно поднял голову, и она, похоже, угадала это движение, как я безошибочно угадывал, что она сейчас улыбается. – У нас ведь сегодня последний день практики был.

– У нас тоже, – кивнул я и ощутил стремительное удовольствие от того, что теперь я на два месяца с лишним совершенно свободен; от того, сколько всего будет за эти два с лишним месяца...

– Я папку уговорила, – как-то излишне медленно сказала Танька, – и он из нашей школы документы забрал. И отдал в третью. Пока!

Она двинулась к кустам, а я остался стоять, приоткрыв рот. И закрыл его только когда из-за кустов послышался вновь ее голос:

– У кинотеатра, в десять!

– Ага, – пробормотал я и, спохватившись, гаркнул: – Приду!!!

В ответ раздался веселый смех...

...В роще было одно место, где царила полная темнота – кусты и деревья тут не позволяли видеть огни ни с шоссе, где остановка, ни с улицы Пурсовской. Я шагал, не особо торопясь (но все равно получалось быстро, я по-другому просто

не умею ходить), и думал, что завтра все-таки встану пораньше, чтобы успеть до встречи с Танюшкой заскочить в ДЮСШ и оправдаться за две пропущенные тренировки по фехтованию. А где-нибудь после обеда в штабе наверняка соберутся все наши – должны собраться, первый по-настоящему свободный день лета непременно нужно посвятить Большому Хуралу и обсуждению планов на это самое лето... Но больше всего, конечно, думал я о Танюшке.

Хотя... приходилось думать и о том, что мне сегодня будет. И *что* мне сегодня будет. Времени-то уже ого... Я еще прибавил шагу.

Огни в домах погасли. Вообще ни огонька. Не обратив на это толком внимания, я проскочил по берегу, рискуя свалиться, – и едва не сыграл в воду.

Моста не было.

Это оказалось до такой степени неожиданно, что я обалдело взглянул вниз, надеясь увидеть там рухнувшие бетонные плиты. Но там текла вода. И подальше... да и вообще – Пурсовка вроде бы оказалась в три, а то и в четыре раза шире, чем я привык ее видеть.

Чушь какая-то... Я посмотрел влево.

Там тоже не было огней. Ни светящихся в любое время ночи окон почтамта, ни красных огоньков телевышки в небе, ни проносящихся по мосту бегучих лучей фар.

Справа – на улицах Бугра – тоже не было огней. Там был... Я потряс головой и втянул воздух сквозь зубы, словно обжег-

ся. Там был лес, или я ничего не понимаю. Темная, хорошо знакомая масса.

Как, кстати, и за рекой. Теперь я четко различал темные силуэты высоких деревьев на фоне более светлого неба. Но больше всего меня ужаснуло не это, а отсутствие *звуков*.

Вы не замечали, что человека в первую очередь выдают звуки? Машина проехала. Залаяла собака. Хлопнула дверь. Прозвучали обрывки разговора, смех.

Я стоял посреди леса. Это знание пришло вместе с небольшим, но все же опытом турпоходов, имевшимся у меня. Только в лесу может быть *так*. На берегу лесной речки, где на многие километры вокруг нет человеческого жилья.

Я почувствовал, что меня охватывает паника, которой почти невозможно не поддаться, паника, рождающаяся из страха перед необъяснимым...

...— Олег! Оле-ег!

Танюшка кричала совсем недалеко, за деревьями, и я опрометью бросился на ее голос, даже сам не соображая, куда и зачем бегу. Я бежал не на *ее* голос, а на *человеческий* голос во внезапно и страшно изменившемся мире.

Мы врезались друг в друга, как два пушечных ядра, вцепились. Поняли, что это по-настоящему, — и застыли, немного отойдя от всплеснувшего тяжелой волной ужаса. Лично я совершенно не думал, что сбылась моя мечта — я обнимаю эту девчонку. Похоже, Танюшка — тоже. Ее колотило, хотя за прошедший год я убедился, что она смелая и решительная.

Нет, такой она и осталась. Я понял это быстро. Девять из десяти других девчонок впали бы в неконтролируемую и дикую истерику. Танька, продолжая дрожать, отстранилась и вполне твердым голосом изложила:

– Олег, шоссе нет. И остановки, и домов – вообще ничего, только лес. Я туда чуть-чуть прошла, а потом... – Она смутилась, но с усилием закончила: – Потом я испугалась и побежала.

– А я испугался так, что и побежать не мог, – признался я. – Стоял и головой крутил.

Она отстранилась и провела ладошкой по глазам – я понял: все-таки плакала. Но голос у Таньки по-прежнему был деловитым и собранным:

– Я так и не поняла, что случилось. А, Олег?

Я немного приободрился. Танька любила Грина, но не особенно жаловала классическую НФ, до которой я был большим охотником – разные там «проколы», «переходы» и «гиперы» зароились у меня в сознании... пока до меня не дошло, что это – по-настоящему... и это случилось *с нами*.

Тут уже мне захотелось позорно зареветь. Но я собрал в кулак всю волю, которая у меня нашлась, и мужественно сказал:

– По-моему, Тань, мы попали... ну, вроде как в параллельный мир. Смотри – речка, холмы, все, как у нас, а людей нет...

На меня опять сошел романтический стих, но Танька вер-

нула меня на землю, тихо сказав:

– А как же... наши? Папка... он же меня ждет, и твои...

На миг я представил себе, что мама, должно быть, уже ищет меня, и дед с бабулей, наверное, тоже... и снова удержал себя от слез. Смутно я чувствовал – мне сейчас надо быть сильным, потому что Танька – девчонка. Но она решительно сказала:

– Я не знаю, правильно ты говоришь или нет, но мы должны попробовать выбраться.

– Согласен, – кивнул я. – Только, Тань, надо ждать утра. Тогда мы хоть осмотреться сможем.

Мне повезло с девчонкой. Опять-таки девять из десяти уперлись бы рогами и начали требовать немедленных поисков выхода. Танюшка кивнула мне в ответ:

– Да, наверное... Олег. – Голос ее дрогнул. – Мы обязательно должны выбраться. Папка не сможет без меня, он... – Наверное, она заметила, как у меня дрогнуло лицо, потому что поспешно сказала: – Прости, я больше не буду про это.

– Да ладно, – вздохнул я. – Знаешь, надо, наверное, найти дерево, не ночевать же на земле. Если это лес, да еще рядом с рекой, то на водопой разное может прийти.

– Давай искать, – согласилась Танька, – только не расходиться...

...В роще росли тополя и вязы, но там, где в нашем мире начинался подъем на Бугор, плотно стояли дубы, невысокие, с грубо-трещиноватой корой, раскидистые. Одеты мы

были подходяще: я – в хороший гэдээровский спортивный костюм, синий с красным и белым, с подсученными рукавами, легкие белые туфли с мягкой подошвой и белую спортивную майку. Танюшка – в кроссовки, джинсы и ковбойку. Справа на речке – на том берегу, правда, – началось какое-то движение, слышались неясные звуки, и мы не стали медлить с выбором: я посадил Таньку на нижнюю ветку, потом вскарабкался сам.

Нам повезло. Метрах в пяти от земли ветви расходились широким веером, образуя круглую площадку метров двух в диаметре, усыпанную пружинящим слоем трухи. Мы сели на этот упругий матрас... и Танюшка наконец заплакала. Я приобнял ее, с трудом удерживая слезы и с отчаянием думая, что надолго меня может и не хватить.

Кажется, мы так немало просидели. Еще несколько часов назад я мечтал об этом... Потом Танюшка, похоже, уснула, и я уложил ее – осторожно, прикрыв сверху своей курткой. Стало холодно, но одновременно потянуло в сон, и я прилег ближе к «стенке», не опасаясь свалиться – сучья были мощные и частые. Сунул руки под мышки и сонно выругал себя, что не догадался наломать каких-нибудь веток или хоть травы нарвать.

Кажется, я отрубился именно на этой мысли. И проснулся в темноте от того, что Танька меня трясла за плечо – сильно, но тихо.

– Тань... ты почему?.. – забормотал я, не сразу проснув-

шись, но отметив по звездам, что уже часа два.

– Олег! – Голос Таньки оставался спокойным, но это было спокойствие ужаса. – Внизу кто-то есть.

Я перевернулся на другой бок и, затаив дыхание, высунулся между двух сучьев.

Бесформенная темная масса тихо шевелилась внизу, почти не издавая звуков – лишь временами слышалось легкое похрипыванье, словно у этого существа были неполадки с дыханием.

Двигая только правой рукой, я полез в карман и, достав складной нож, открыл лезвие. Машинально, не потому что надеялся на него, как на оружие. Просто слишком страшно было не иметь в руках вообще ничего, когда за спиной – Танюшка.

Существо не уходило. В голове было кипящее крошево из обрывков мыслей. Если полезет – надо бить по лапам или глазам... если у него есть лапы или глаза... если это вообще не что-то из «Хранителей»... вот бы мне мой охотничий нож...

Танюшка молчала, но я не был уверен, что ее надолго хватит. И я резко ослабел (так, что зашумело в ушах), весь вспотев, когда эта бесформенная тень плавно скользнула в темноту и бесшумно в ней растворилась.

Руки у меня позорно дрожали, я даже не смог сразу закрыть нож, а потому так и положил рядом раскрытым. Танька снова прижалась ко мне, и на этот раз мы легли уже спи-

на к спине, укрывшись моей курткой. Я лежал с открытыми глазами, ощущая, как бьется у девчонки сердце, и вслушиваясь. Страх не отпускал, бродил рядом, карабкался по дереву и усаживался на ветвях, покачивавшихся под его тяжестью.

Так страшно мне не было даже в недавнюю мою одинокую ночевку в лесу. Может быть, потому что сейчас я боялся не только за себя.

Как часто бывает, когда боишься спать, я не заметил, как уснул, и навалившийся кошмар показался продолжением реальности – мне снилось, что я лежу, как лежал, а через край нашей площадки перебирается какая-то жуть и вот-вот бросится на нас...

Я проснулся, вздрогнув и широко открыв глаза. Было утро, солнце уже поднялось, всю гомонили птицы. Танюшка стояла спиной ко мне в развилке веток – враспор руками и ногами. Она куда-то смотрела и была совершенно неподвижна.

Надо сказать, мне очень хотелось: а) в туалет; б) есть. Или наоборот, не знаю. Но я поднялся, отыскал и убрал выпавший из руки нож и подошел к ней, сказав:

– Доброе утро.

– Смотри, – вместо ответа тихо сказала Танюшка. – Я уже насмотрелась...

Она говорила не только тихо, но и спокойно. Я встал в другую развилку.

Лес был со всех сторон – на склонах холмов, по берегу

реки. Только в той стороне, где должна была располагаться почта, открывался более широкий вид. За болотами и цепочкой озер, над которыми кружили стаи птиц, вновь тянулся лес – без конца и края, укутанный туманом. В него слева острым углом врезался клинышек степи. Над рекой ворочались туманные остатки.

– Черт, – вырвалось у меня.

– Нам некуда идти, да? – Танюшка посмотрела на меня. У нее на лице было полно грязных разводов. – Мы тут одни?

– Не может быть, чтобы тут не было людей. – На этот раз я и вправду был уверен в том, что говорил. – Нам надо искать людей, Тань. Одни мы пропадем. Помнишь ночного гостя?

* * *

Я справился со своими «делами» раньше, чем Танюшка, и успел осмотреть дерево. Ночной гость с легкостью терся об него на высоте трех метров – но следы меня успокоили. Обычный медведь, облегченно подумал я, о чем и сообщил Танюшке – она вернулась повеселевшая, вытирая лицо подолом ковбойки.

– Сходи к реке, умойся! – предложила она.

– Не надо было тебе туда ходить одной, – строго сказал я, стараясь не смотреть на ее загорелый плоский живот. Столько раз видел на пляже, а тут что-то застеснялся... – Вообще лучше далеко не отходить друг от друга.

– Между прочим, тут нет лопухов, – задумчиво заметила она, завязывая подол узлом. – Ты не улыбайся, Олег. Если нет лопухов – значит, нет и человека... Куда пойдем-то?

– Сначала к речке, – решил я.

До речки было метров десять. Да, это была наша Пурсовка, но другой ее берег виднелся там, где в нашем мире начиналась уже Пурсовская улица. В невероятно прозрачной воде «ходили» рыбы – много и солидные.

– Игорька бы сюда Мордвинцева, – сказал я.

Танька вздохнула:

– Ребята, наверное, уже знают, что мы... – Она осеклась. – Давай попробуем их как-нибудь поймать, я есть хочу.

Я умылся и, как мог, прополоскал рот. Странно – я терпеть не мог чистить зубы, а теперь вдруг ощутил в этом настоятельную потребность.

Танюшка стояла на берегу, уперев руки в бока, и осматривалась. А я вдруг испугался – это был испуг быстрый, неожиданный и похожий на удар в солнечное сплетение.

Я ведь не смогу ее защитить, если что! (То, что я и себя не смогу защитить, меня в этот момент почему-то не беспокоило.) Как? Голыми руками?!

А если я не смогу ее защитить, то мне и самому лучше не оставаться в живых. Это я подумал как-то легко и без страха. А вслух сказал, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно непринужденнее:

– Тань, ты далеко не уходи... А лучше, – я перебросил ей

зажигалку, – разожги костер. Вон там сушняк... А я попробую что-нибудь поймать.

Это было смелое заявление. Я в жизни был на рыбалке один раз – с нулевым, естественно, результатом. Но тогда речь не шла о подступающем голоде. А сейчас есть хотелось уже довольно сильно... Но Танька поверила, похоже, – отправилась, взяв зажигалку, за хворостом. А я обратился к рыбам:

– Ну что? Будем сотрудничать или пойдем на конфликт?

Рыбы хладнокровно плавали то в одном, то в другом направлении, никак не реагируя на мои призывы. Я и представления не имел, как взяться за дело. Но и ждать чего-то не имело смысла.

Я разложил нож и отправился за палкой...

...Завтрак получился довольно противный – жареная рыба без соли может показаться вкусной только когда ты действительно проголодался, а из нас, как неожиданно грубо выразилась Танька, еще не вылетели домашние пирожки. Но зато я был горд собой – четыре крупные рыбы были подбиты самодельным копьем за полчаса. Танюшка сказала, что это крупные окуни.

– Куда мы пойдем, Олег? – спросила она, когда мы, побросав кости в угли, засыпали землей костер. – Может, останемся здесь? Вдруг...

Она не договорила, но я понял, что имелось в виду: вдруг мы попадем обратно домой так же, как попали сюда? Мне

хотелось на это надеяться, если честно. Но это значило сесть и ждать у моря погоды. Сколько? До зимы?

Я тряхнул головой:

– Тань, надо идти. Ну понимаешь – людей надо искать. Не может быть, чтобы их тут не было! Вдруг они что-то подсказут?

– Я согласна, – вздохнула Таня. – А куда пойдем? Тут кругом лес, только там, – она махнула рукой, – кусочек степи, ты же видел...

– Вот в степь как раз нам не надо, – покачал я головой. – Слишком много открытого места, а кто там живет – вообще неизвестно. Лучше искать людей в лесу. Историческая традиция говорит, что обитатели леса...

– Оле-ег, – с легкой улыбкой протянула Таня, и я, смутившись, умолк, а потом продолжил:

– В общем, надо идти в лес... Знаешь, Тань, – признался я честно, – я могу знать только то, чему меня учили... или что я читал... про ту, нашу Землю. Может, тут все не так. А если предположить, что так, то нам надо идти на запад, – я указал рукой, – в ту сторону, где аэродром... был аэродром. Там поселения были расположены гуще всего. Но это, Тань, если судить по Земле.

– Ну а как иначе-то мы можем судить? – вздохнула она. – Ладно, – в ее голосе прозвучала хорошо знакомая решимость, – пойдем, Олег, чего сидеть? Нам еще через речку перебираться, брод искать...

Пурсовку мы форсировали неожиданно легко – недалеко от дуба, где мы ночевали, нашлось мелкое место, и мы перебрали через реку без проблем. Было около десяти.

– Надо держать точно на запад, – сказал я, когда мы обувались на берегу. – Все время.

– Пойдем вдоль реки Калаис, – медленно, вспоминая карту (топографическая память у нее была отличная), сказала Танюшка. – Она течет почти точно на запад. Ну, двинулись.

Но мы все-таки помедлили немного, прежде чем войти в лес. Он стоял стеной: дубы, вязы, тополя теснились один к другому, в подлеске растопырявал до пояса зеленые пальцы мощный папоротник. Но темным лес не казался – его пронизывали солнечный свет и пение птиц где-то в вершинах. Чуть-чуть тянуло сыростью.

Потом мы переглянулись и вошли в чащу.

* * *

Такого леса я не видел никогда в жизни. Казалось, он и не знает, что на свете существуют люди, а на нас обращает внимания не больше, чем на любых своих обитателей – которыми лес просто кишел и которые нас тоже совершенно не боялись. За каких-то полчаса ходьбы мы видели таких роскошных оленей, что Танька обмерла от восторга; семейку барсучков, дружно перемещавшуюся по своим делам среди папоротника; здоровенного волка, спокойно наблюдавшего за на-

ми через кусты без какого-либо интереса; кабана, с хрюканьем рывшегося в ложбинке в поисках чего-то съестного... Мелкой живности на деревьях и земле было море. Я мельком подумал, что тут и медведи могут оказаться...

Станным было узнавать местность, очищенную от следов деятельности человека. Рельеф легко читался – мы шли мимо городского сада, только не было ни ограды, ни кладбища, ни водонапорной башни...

– Это же наш мир, – сказала Танька. – Ну честное же слово! Олег!

– Надо было читать фантастику, – ворчливо заметил я, понимая вообще-то ее удивление. Я и сам, честно говоря, удивлялся, да еще как. Неужели этот мир – копия нашего? Волга, Рейн... Карпаты. Вулкан Везувий и острова Шпицберген...

Блин.

– Ага, ты сам удивился! – возликовала Танюшка.

– С чего ты взяла? – спохватился я.

– По лицу видно. Смотри, Олег!

Впереди – спокойно, плавно и бесшумно – пронес свое короткое угловатое тело на длинных ногах бурый лось. Мы переждали, пока он уйдет, хотя лось не вызывал страха – только уважение.

– Фу, – перевел я дух. – Пойдем, Танюшк.

Хорошо, что ходить по лесу было для нас привычным делом. Мы умели это делать и любили это делать.

– А тут кончается город, – сказала Танюшка через ка-

кое-то время. В самом деле – мы уже с минуту шли вдоль оврага, за которым в нашем мире лежал аэродром. – Может, напрямую переберемся?

– Там могут быть гадюки, – сказал я, но первым спустился вниз, держась рукой за кусты, а другую подавая Таньке, хотя она и сама неплохо справлялась. Мы вылезли на откос, отряхнулись...

...И выяснилось, что на месте аэродрома – довольно широкая луговина. Из высокой серо-желтой травы с пышными метелками тут и там поднимались искрящиеся крапинами слюды гранитные останцы. Лес окружал луговину широкой дугой, но до него было километра три, не меньше. Сонно звенел тихий нагретый воздух. И плавали высоко-высоко черные кресты птиц.

Мне почему-то было страшно выходить на это открытое место. По-моему, Танюшка испытывала сама то же ощущение. Во всяком случае, в ее глазах появилась задумчивость, а белые мелкие зубки прикусили уголок губы.

– Боишься? – спросил я.

– Я?! – фыркнула она.

– Ты.

– Ага, сейчас.

– Боишься.

– Испугалась!

– Я – боюсь.

Она посмотрела на меня расширившимися глазами. Оче-

видно, не ожидала такого признания. Потом вздохнула и передернула плечами:

– Пошли...

...Трава доходила до колен. Сразу стало жарко-жарко, я стащил куртку и обвязал ее вокруг пояса. Стало хотеться пить, но мы еще в походах научились правилу – о воде не говорят просто так. Но думать было можно, и я с неудовольствием решил, что без емкостей нам будет плохо – каждый раз искать воду, когда она нужна, дело сложное. Гораздо сложнее, чем многим кажется в наших местах.

Мы добрались до первого из гранитных камней. Он отбрасывал холодную тень, острую и четкую, почти не колебавшуюся на траве. Я уже прошел мимо, но Танюшка задержалась.

– Смотри, Олег. – И она указала на плоскую грань камня, чуть скошенную внутрь.

Я подошел и чуть наклонился. На этой грани, влажной, холодной и скользкой, были глубоко и неровно выбиты белые буквы. Их края давно сгладились, словно строчки оплыли от огня, но читались хорошо.

Friends!

We don't know, who are you.

Spring near the last stown.

Go on the west.

40 miles from her.

Good luck!

Я понял только несколько слов: «Друзья... мы... вы... ка-

мень... идти на... 40 миль...» Но Танюшка уверенно перевела:

– «Друзья! Мы не знаем, кто вы. Родник около следующего камня. Идите на запад. Сорок миль отсюда. Удачи!» Олег, – она выпрямилась, – тут есть люди.

– Или были, – хмуро заметил я. – Надпись-то старая. И почему английская?

– Не знаю, – вздохнула Танюшка. – Но все-таки... Сорок миль – это сколько?

– Километров семьдесят – семьдесят пять, – перевел я. – Два... нет, три дня. Вообще-то нам по дороге, можно идти туда. Пойдем?

Теперь уже Танюшка начала осторожничать.

– А что там, в сорока милях? – подозрительно спросила она. Я просто пожал плечами, немного раздражаясь – было жарко и хотелось пить:

– Не знаю, но мы все равно идем туда. Или нет?

– Идем, – вроде бы решила она. И неожиданно предложила: – А может, я покричу? Э-э-э-эй!!! – завопила она, подпрыгнув.

Я фыркнул и засмеялся. Танюшка обиженно свела брови, но потом толкнула меня в плечо и тоже хихикнула:

– Ладно тебе... Пошли попьем.

Куда веселей мы зашагали к «следующему» камню. Танька вообще никогда не была болтливой, но сейчас ее понесло, и она бесконечно говорила, выдвигая версии о том, что нас

ждет в указанной точке. Доминировало убеждение, что там — путь домой.

Я, если честно, надеялся на то же. Но предпочитал не говорить об этом вслух.

Десять стрел на десяти ветрах,
Лук, сплетенный из ветвей и трав, —
Он придет издалека,
Меч дождя в его руках.

Белый волк ведет его сквозь лес,
Белый гриф следит за ним с небес;
С ним придет единорог,
Он чудесней всех чудес.

Десять стрел на десяти ветрах,
Лук, сплетенный из ветвей и трав, —
Он придет издалека,
Он чудесней всех чудес,
Он войдет на твой порог,
Меч дождя в его руках.

Борис Гребенищikov

Мы добрались до леса вновь минут через сорок. Воду — а родник выбивался из-под камня упругой струей в песчаный кратер у основания глыбы — набрать было не во что, а жаль. Она оказалась ледяной и очень вкусной.

Снова захотелось есть, и с каждой минутой голод нарас-

тал.

– Олег, – сказала Танюшка, когда мы уселись передохнуть под деревьями на опушке и разулись, чтобы дать отдохнуть ногам и хоть немного просушить носки, – без еды мы не дойдем.

Сказано это было серьезно и без малейшей паники. Я еще раз подумал, что она совершенно необычная девчонка. Но счел нужным одернуть спутницу:

– Дойдем. Туда – дойдем даже без еды, хотя будет трудно. Но лучше, конечно, поискать еду по дороге какую-никакую.

Мы замолчали, и я понял, что засыпаем. Вроде и прошли не очень много... Наверное, за прошедшее время растренировались.

– Олег, – сонно сказала Таня, – давай поспим немного.

– Давай, – охотно согласился я, сползая в лежачее положение и устраиваясь удобнее. Помедлил и предложил нерешительно: – Тань, если хочешь – можешь... ну, меня использовать вместо подушки.

– Ага, спасибо. – Она перекатилась ближе и как-то очень естественно устроилась на моем плече. Я помедлил и приобнял ее рукой, на которую она улеглась.

Приятно было – непередаваемо. Руки Танюшка спрятала под мышки, а носом – наверное, уже сама не понимая, что делает, – уткнулась мне в шею. И тепло задышала.

Короче, мне тут же расхотелось спать. Я обмер с открытыми глазами. Нет, ни о чем таком я не думал. Я просто пе-

реживал почти физическое счастье.

Ради этого стоило оказаться в лесах другого пространства. Честное слово. Хотя, конечно, я понимал, что Танюшка уже спала, когда прислонилась ко мне.

И все-таки это было счастье...

...Проснулся я от того, что перестал чувствовать руку – она превратилась в резиновый жгут. Танюшка во сне сползла ко мне под бок и лежала на животе, затрудненно дыша – уперлась лицом в мою куртку.

Проснулся я и ото сна, если так можно выразиться. Сон был из тех, что не пересказывают. Я бросил быстрый взгляд вниз и подумал: хорошо, что Танюшка спит, потому что даже сквозь плавки и брюки все было отчетливо видно. В смысле, у меня.

Я переложил онемевшую руку другой и сел. Слегка воровато посмотрел на Таню. Мы проспали больше двух часов. И мне срочно надо было отойти.

Поднявшись, я сделал несколько шагов к камышам. Пошвыстывая, поднял голову к вершинам деревьев; потом, уже натягивая штаны, вновь рассеянно окинул взглядом камыши...

И увидел скелет.

Нельзя сказать, что я испугался или растерялся, хотя в реальной жизни скелетов не видел – даже как пособий на уроках, у нас были схемы. Но и не скажу, что я не ощутил вообще ничего. Странно, словно время вокруг стало тягучим-тя-

гучим, а все предметы, наоборот, – очень четкими.

Я сделал несколько шагов, дыша открытым ртом. В горле пересохло.

Скелет не трогали звери – уже не знаю почему. Но кости не были растащены, и даже сохранилось кое-что из одежды: потрескавшийся, утеревший цвет кожаный то ли жилет, то ли панцирь с порыжевшими от ржавчины металлическими бляхами; сапоги, на которых уцелели подковки – на носке и каблуке, – и застежки ремней поверху голенища; широкий пояс с зеленой от окиси пряжкой, на котором крепились... ножны. Да, ножны! На скелете были еще какие-то ошметки то ли ткани, то ли кожи. Но я вглядывался именно в ножны, из которых торчали рукояти – чуть изогнутая большого ножа и обычная крестовина длинного меча. Рукояти даже на глаз «сварились» с ножнами.

Я подошел к скелету вплотную. И только теперь понял, что меня обманули глаза, – до скелета было ближе, чем мне казалось, а сам он оказался меньше!

Скелет принадлежал подростку – девчонке или мальчишке – моих лет. Вернее, по крайней мере одного со мной роста. Я увидел, что на левом запястье скелета широко висит изъеденный ржавчиной браслет.

А потом я понял, что это часы. Массивные, незнакомые мне часы со странным восьмиугольным корпусом – стекло было чистым, и я видел циферблат с многочисленными дисками и цифрами, на которых навсегда замерли стрелки.

Я наконец заставил себя закрыть рот. Еще раз посмотрел на оружие, жилет, грубые сапоги.

И на часы. Как во сне, я нагнулся ниже и различил надпись: Omega. А под ней мельче: Switcherland. Это была швейцарская «Омега», я о такой читал в книжках. Дорогие часы...

Я перестал что-либо понимать.

– Олег!!! – завопила Танька за кустами. – Олег, ты где?!

– Елки... – вырвалось у меня, и я поспешил наверх, заставляя себя успокоиться хотя бы внешне.

Танюшка вылетела из-за деревьев и треснула меня кулаком в грудь так, что я охнул. А Танька затрясла меня за плечи, как отбойный молоток, шипя:

– Ты где был, кретин?! Я же... я чуть дуба не дала!.. Протыпаюсь... где ты был?!

– Тань, Тань, ты чего?! – ошалело бормотал я. – Я отошел... ну, по делам...

– Не смей так больше делать, дурак! – Она треснула меня по плечу и отвернулась, закрыв лицо локтем.

– погоди, Тань... – Я топтался рядом, не зная, что делать. До меня дошло, что ей на какие-то страшные мгновения показалось, что она осталась в этом непонятном мире *одна*. – Ну прости меня, – убито попросил я, не зная, что сказать еще.

– Больше так не делай никогда, – уже тихо попросила она, все еще не поворачиваясь. – Я очень-очень испугалась,

Олег... Ну все, уже успокоилась, вот. — Она повернулась и по-настоящему улыбнулась, но тут же попросила снова: — Только больше не уходи... Поесть ничего не нашел?

— Можно камышовых корней надрать и испечь, — не придумал ничего лучшего я. — Там камыш есть. — И тут же обругал себя последними словами.

— Камыш... — вздохнула Танька. — Пошли за камышом, чего же...

— Танька, — бухнул я, — там скелет.

* * *

Если честно, Танька — по крайней мере на вид — восприняла скелет спокойнее, чем я. Разве что немного расширила глаза, но даже нагнулась к останкам, тоже рассматривая часы.

— Олег, он не умер, — тихо сказала она и выпрямилась. — Его же убили. Смотри.

Мне стало стыдно. Девчонка различила то, чего не увидел я в своем обалдении. Череп слева — над виском — был проломлен, неровно, ромбом. Вернее — ровным ромбом.

— Чего это, Тань? — Голос у меня отчетливо сел. Она промолчала. А до меня дошло, что это похоже на след от наколечника стрелы.

Как в кино.

— Пошли отсюда, Олег. — Танюшка зябко повела плеча-

ми. – Ну его, этот камыш...

Мне очень хотелось сделать так, как она предлагала. Но я вдруг понял, что хочется есть. И вечером будет хотеться есть еще больше. И мне. И Танюшке.

А скелет – что он, скелет? Такой же мальчишка – на девочку не похоже, – как и я. Мертвый. Даже больше, чем мертвый.

– Тань, ты подожди, а я сам надергаю, – решительно сказал я. Потому что я был мужчиной, как ни крути.

Она упрямо повертела головой. И села разуваться – первой лезть в воду...

...Мы набрали камышовых корней в мою спортивную куртку, и я нес этот мешок. И думал, что вечером попробую поставить петлю на зайца – вдруг попадется?

К речке Калаис – или как она в этом мире? – мы вышли только к вечеру, и я присвистнул. Спросил Танюшку:

– Узнаешь?

Она кивнула, озираясь. Все-таки, лишённые привычных ориентиров, мы забрали в сторону и вышли к реке ближе от города, чем рассчитывали. Но теперь можно было не беспокоиться – километров тридцать, весь завтрашний день, достаточно просто идти против течения. А сейчас мы опять стояли возле небольшой луговины, по которой текла река.

– Кто это, Олег? – испуганно спросила Танька. – Какие огромные!..

Сперва я просто увидел мохнатых быков, которые пили

метрах в ста от нас, не больше. А потом у меня восторженный холодок прошел по спине, и я прошептал:

– Тань, это туры. Стой тихо.

Последний тур на Земле, как мне помнилось, был убит в XVII веке. А тут – мы стояли так близко от этих громадин, что можно было слышать, как хлупает вода, которую они тянут. Потом светло-шоколадные животные бесшумной цепочкой ушли в лес.

– Туры, – тихо повторил я. – Пошли, Тань, пошли. Они красивые, но от них лучше держаться подальше.

* * *

Костер мы разожгли на небольшой полянке и еле дождались, когда появится первая горячая зола, в которой можно будет испечь камыш. А потом так же еле дождались, пока он испечется. И ели его, обжигаясь, урча и пачкаясь золой – по крайней мере, когда я глянул на Таньку, сидевшую, скрестив ноги, по другую сторону огня, то у нее все вокруг губ было грязным. Судя по тому, как она засмеялась, – у меня тоже. То ли нам с голоду показалось, то ли камыш и правда был вкусным, но мы слопали весь. Я хотел было значить немного, но Танюшка настояла на том, что утром он остынет и будет невкусным. Откуда она это знала – представления не имею, но я легко с ней согласился, и мы доели печеные корешки.

– Еще два дня – и дойдем, – оптимистично заявила Та-

тьяна. Я кивнул, подумав: куда дойдем, интересно? А вслух попросил:

– Спой, Тань.

Она ни секунды не отнекивалась и не ломалась. Посмотрела на меня через огонь, а потом перевела взгляд на угли.

Я хорошо помню эту ночь, костер на полянке – и тихий, но мелодичный и ясно слышный голос Танюшки. Я не говорил, что спеть. Но она догадалась сама...

Вечер бродит по лесным дорожкам...

Ты ведь тоже любишь вечера.

Подожди, постой еще немножко,

Посидим с товарищами у костра.

Вслед за песней позовут ребята

В неизвестные еще края,

И тогда над крыльями заката

Вспыхнет яркой звездочкой мечта моя.

Видишь целый мир в глазах тревожных

В этот час на берегу крутом.

Не смотри ты так неосторожно —

Я могу подумать что-нибудь не то¹.

¹ Слова и музыка А. Якушевой.

Меня разбудил дождь. Он полил сверху, легко пробивая крону дерева, на котором мы устроились в широкой развилке, — нам опять повезло... если бы не ливень, а это был настоящий ливень. Танюшка проснулась на несколько секунд позже меня и сперва что-то сердито пробормотала, а потом жалобно вздохнула:

— Дождь... Вниз спускаться?

— Нельзя, Тань. — Я перебрался осторожно к ней, проклиная свою высотобоязнь, и натянул на нее свою куртку. Не защита, конечно, но Танюшка благодарно прижалась ко мне, и мы приготовились мокнуть до утра. Я всмотрелся в часы и сумел различить, что только половина второго. И я, и Таня были здоровыми, закаленными ребятами и уж летом-то под дождем простыть не боялись. Но ясно стало, что уснуть не удастся.

— Олег, — тихо сказала Танюшка, — как ты думаешь, дома нас ищут?

— Ищут, конечно... — неохотно ответил я. — И ребята тоже ищут.

— Они и подумать не могут, что с нами... А помнишь, — я вдруг понял, что она улыбается, — как мы домового ловили, который на чердаке громыхал?

— А это оказалась сова, — подхватил я, — конечно, помню!

И как Вадим физиономией в свежую шкуру влетел, а мы решили...

– ...что домовой ему лицо разодрал! – добавила Танька. – И полезли наверх с ножами, а Санек говорит про шкуру: «Тут у люка кто-то стоит!»

– Еле отговорили его стрелять, – задумчиво заключил я. Мы еще немного повспоминали своих друзей. Потом Танюшка вздохнула:

– Я вот думаю про скелет. Странно все-таки. Средневековый мальчишка – а в часах. И вообще – дичь какая-то. Стрелой его убили... Надо бы нам поосторожнее быть, Олег. Присмотреться, когда придем на место. Что бы там ни было.

– Логично, – согласился я. – Танюшка, ты попробуй уснуть, а то завтра мы же идти не сможем. Давай поближе, – и я фактически перетащил на нее куртку, оставшись в футболке. В первые несколько секунд дождь показался страшно холодным, но потом я привык, даже перестал дрожать. Танюшка вроде бы согрелась – по крайней мере совсем затихла. Я думал даже, что уснула, но она вздохнула и призналась:

– Настроение отвратительное. Не хочется пиццать, а все равно...

– Ну попищи, – согласился я. – Я потерплю.

– Ладно, не буду, – тут же поправилась она. – А сколько времени?

У нее часов не было. И я ответил спокойно:

– Скоро утро.

Та еще была ночка. Утро наступило отнюдь не «скоро» — оно еле-еле приползло, почти не различимое в тучах, укутавших горизонт и небо над головами. Дождь почти прекратился, но все равно сеялся почти по-осеннему из облаков, лениво переползавших по небу, — там был ветер. Хорошо еще, не похолодало — скорей даже наоборот, воцарилась влажная духота.

Если ночью вы промокли и не выспались, то утром голод покажется вам втрое сильнее, чем должен быть. Поставленные мной с вечера два силка оказались пусты, но это меня даже не особо расстроило.

Пока лазили по кустам — вымокли еще больше. У Танюшки круги залегли под глазами, а само выражение глаз было усталым и отстраненным, как у человека, испытывающего боль. Она молча вернула мне куртку, и мы двинулись вдоль реки — через мокрый папоротник, под соскальзывающими с деревьев струйками.

Я вспомнил, как читал про экспедицию Роберта Скотта. Как они упорно стремились к полюсу, преодолевали трудности, страдали... И как меня поразила мысль, что стремились-то они, в общем-то, *к пустому месту*. Там, на этом полюсе, были те же снег, холод и ветер. И все.

А они шли, как будто их ждал там роскошный отель. И

сейчас я подумал – а не похожи ли мы на тех англичан? Может быть, и мы идем в никуда? Кто-то невесть когда написал по-английски очень приблизительные координаты... Координаты невесть чего.

Танька пробиралась впереди. (Если кто не знает – и дикие звери, и люди предпочитают нападать с боков или сзади. Так что самое опасное место при переходе – не впереди, как думают многие.) Мы молчали и временами сдержанно зевали и вздрагивали. Я думал еще и о том, что на дневку надо разводить костер, а как – неизвестно. Мокрые дрова... Хорошо еще – есть зажигалка. Но и ей мокрое не очень-то разожжешь без растопки...

– Все-таки мы не лесовики, – сказала Танюшка, и я понял: она думает о том же.

– Ничего, – обнадеживающе кивнул я, – доберемся.

Было бы еще куда... Но этого я не сказал.

Мы еще почти три часа шагали в полном молчании. Дождь снова пошел, и какой-то осенний, в смысле, уныло-безнадежный, хорошо еще не холодный. Но сырость нами уже не ощущалась.

– Олег, – вдруг сказала Танюшка, – мы куда-то не туда идем.

Она остановилась, не оглядываясь на меня.

– Да ну, – сердито сказал я, – речка вот она... Пошли, Тань, пошли.

– Да погоди ты... Калаис же не точно на запад течет, а

еще и на север чуть. А мы идем точно на запад. Ну проверь, проверь!

Я вздохнул и воспользовался надежным способом – навел на светлое пятно в тучах (солнце) часовую стрелку «ракеты» и мысленно очертил угол между ней и цифрой «2», а потом разделил этот угол пополам. Двенадцати еще не было, и юг находился справа – там, куда указывала биссектриса.

Танюшка была права. Мы шли точно на запад.

– Да, это не Калаис... – пробормотал я.

– Это его приток, я забыла, как он называется, – уверенно сообщила Танюшка. – Может, это и к лучшему, но он короче, чем Калаис.

– Ничего страшного, – бодро заметил я. – Уж на запад-то мы курс и без реки сумеем удержать... Пошли, Тань.

– Что ты все «пошликаешь»?! – внезапно рассердилась она. – Я промокла! Я есть хочу! Я устала, в конце концов!

– Тань, я тоже, – терпеливо сказал я. – Выберемся на открытое место и попробуем разжечь костер.

– Да, костер он разжечь решил! Из чего, как?! Мокрое все! И... – Она осеклась и закусила губу. Опустила глаза: – Извини.

– Ничего, – по-прежнему спокойно ответил я. И больше ничего не стал говорить.

Мы опять зашагали вперед. Я видел перед собой спину Таньки, обтянутую мокрой ковбойкой, потемневшие от воды волосы, слипшиеся прядями, – по ним за ворот текла вода,

и мне стало жалко девчонку — до спазмов в горле.

я пытался уйти от любви
я брал острую бритву и правил себя
я укрылся в подвале я резал
кожаные ремни
стянувшие слабую грудь
я хочу быть с тобой
я хочу быть с тобой
я так хочу быть с тобой
и я буду с тобой
твое имя давно стало другим
глаза навсегда потеряли свой цвет
пьяный врач мне сказал что тебя больше нет
пожарный выдал мне справку что дом твой сгорел
но я хочу быть с тобой
я хочу быть с тобой
я так хочу быть с тобой
и я буду с тобой
в комнате с белым потолком с правом на надежду
в комнате с видом на огни и с верою в любовь
я ломал стекло как шоколад в руке
я резал эти пальцы за то что они не в силах
прикоснуться к тебе
я смотрел в эти лица и не мог им простить
того что у них нет тебя и они могут жить
но я хочу быть с тобой
я хочу быть с тобой
я так хочу быть с тобой

и я буду с тобой
в комнате с белым потолком
с правом на надежду
в комнате с видом на огни
и с верою в любовь²

* * *

Костер разжечь и правда не удалось, как я ни старался. Зато на севере небо вдруг просветлело – голубая полоса подрезала тучи и начала стремительно расширяться, надвигаясь на нас. В этом было что-то тревожное, но мы радовались, глядя, как солнечный свет буквально течет к нам по земле, вспрыгивая на холмы и скатываясь в лощины и овраги.

Мы остановились на речном берегу и с удовольствием следили за этим.

– Все-таки хорошо, когда лето, – сказала Танюшка, и я подтвердил это энергичными кивками. Через минуту мы уже купались в солнце, хлынувшем с небес. – Давай просушимся хоть...

От мокрой земли в самом деле тут же начал подниматься пар, солнце играло в гирляндах капель, и только на юге быстро сокращался остаток облачного неба, унося дождь еще куда-то.

² «Наутилус Помпилиус».

– Давай, – согласился я и в замешательстве взялся за язычок замка. Снял куртку, выжал ее как следует. Мы с Танюшкой, не сговариваясь, отвернулись друг от друга; я поочередно выжал брюки, футболку, даже носки и разместил все вещи на ветках, которые предварительно отряхнул от воды. Из туфель подальше вытянул языки и пошире расшнуровал.

Танюшка за моей спиной сопела – жалобно, сердито и упрямо. Не поворачиваясь, я спросил:

– Джинсы не выкручиваются, что ли?

– Угу, – ответила она. – Помоги... Да повернись, что ты...

А я что? Я ничего, как говорил попугай Кеша... Она же оставалась в черно-красном купальнике, как я ее сто раз видел. В руках держала джинсы. Она была вообще-то сильной, но выкрутить грубую ткань с лейблом «Lee», пошитую в Ярославле, конечно же, ей было не под силу.

– Не разорви, – предупредила она. Ну, это было зря... Такой пошив рвать надо грузовиком... Танюшка держала, а я крутил изо всех сил. Ей то и дело выворачивало руки, из-за чего она смешно морщилась.

– Ну вот, все. – Я встряхнул джинсы и перекинул ей. – Давай теперь сами погреемся.

– А? – как-то опасливо спросила она. Я молча выбрал камень и присел на него, поставив пятки на край и обняв колени. Через несколько секунд теплая спина Танюшки привалилась ко мне сзади.

– Мы все равно отсюда выберемся, – тихо сказал я, чуть

откинув голову назад. Становилось жарко, и я подумал, что впереди в любом случае еще долгое-долгое лето.

– Конечно, выберемся, – согласилась Танюшка. И я, увидев у своей щеки ее закинутую через плечи руку, осторожно пожал тонкие пальцы.

– А поесть я что-нибудь добуду, – пообещал я.

– Давай немного поспим, – предложила девчонка, – очень хочется.

– Тань, идти надо... – начал было я, но потом кивнул: – Давай. Только веток натаскаем, а то простынем. – Я соскочил с камня и полез за ножом.

* * *

Я думал, что проснусь часа через два – больше даже в теплый солнечный день без одеяла не проспишь на природе, тело остывает и само будит. Но проснулся я аж во втором часу и обнаружил, что накрыт своими вещами и Танькиными тоже. Я выкопался из-под них и потянулся с подвывом.

Танька – по-прежнему в купальнике – бродила внизу по отмели и за чем-то часто нагибалась. Я лег на краю берега на живот – трава высохла – и, опустив подбородок на кулаки, начал следить за ней. Потом негромко свистнул.

Она вскинула голову и, улыбнувшись, помахала какими-то двумя мешочками. Не зашумела – по воде все слышно отлично. А через секунду уже карабкалась наверх.

– Ракушки, – сообщила она, отдуваясь. – Там их много, на отмели... Перловицы. Не устрицы, конечно...

– Устриц пусть буржуи едят, – весело ответил я. Мне было очень хорошо при мысли, что она меня укрыла. – А это мы вечером рубанем, на привале. Давай сполосни носки и одеваемся.

Мне сейчас хотелось есть еще сильнее, чем раньше. Танюшке, конечно, тоже. Но мы бодро засобирались. Высохшая одежда, конечно, залубенела, но это ничего. Только вот Танюшка вдруг ойкнула и с размаху села на то место, откуда встала.

– Голова закружилась, – успокаивающе, но в то же время жалобно объяснила она, когда я подскочил.

– Ничего, посиди еще немного. – Я отошел перегрузить ракушки в свою куртку, которой вновь предстояло играть роль мешка.

А ведь у меня тоже голова временами кружится... Неужели от голода так быстро начала?!

Эта мысль пугала...

...Косвенное подтверждение тому, что мы идем правильно, мы получили через какой-то час, когда речка почти сошла на нет, превратившись в ручеек. Мы шли по самому берегу – галечному и пологому. И Танюшка остановилась, даже подавшись назад. Я тут же – честное слово, рефлексивно! – оказался перед ней, сжимая в кулаке нож.

Но бояться было нечего. Мертвых вообще не надо боять-

ся.

Слева пологий откос был расчищен от зелени – давно, но надежно, только трава росла там. И среди этой травы лежали три каменные глыбки. Кто-то принес их сюда, уложил и выбил на плоских гранитных боках белесые строчки.

– Могилы, – прошептала Танюшка. – Олег, я боюсь.

Скелета она не испугалась. А могил почему-то – да.

– Подожди, Тань. – Я осторожно подошел ближе, сам испытывая неприятное ощущение. Не страх, но какую-то щемящую опаску.

Henry O’Nail

19.01.70–17.05.85

Save God Max Odder

07.12.69–17.05.85

Save God Peter G. Segewick

16.03.70–17.05.85

Save God – Трое, по пятнадцать-шестнадцать лет, – через плечо сказал я. – Больше двух лет назад погибли...

– Англичане? – Танюшка все-таки подошла.

Я кивнул:

– Написано по-английски... Генри, Макс и Питер... Наверное, эти ребята были вместе с тем... ну, скелет которого. Только его уже некому было хоронить.

Мы посмотрели по сторонам, прошлись вокруг. Но ниче-

го не нашли. Я, если честно, и не ожидал, а вот Танюшка, похоже, разочаровалась. Уж не знаю, что она собиралась обнаружить.

Я тем временем еще раз определился с западом и выбрал ориентиры, до каких доставал взгляд. Это занятие меня так увлекло, что я и не заметил подошедшей девчонки. А она обратила мое внимание на то, чего не замечал я.

Густой лес впереди – километров на пятнадцать, почти до горизонта – сменился рощами и лугами. Веселенькая такая местность, да еще солнечная... Но Таня указала на одну странность.

– Смотри. – Она вытянула руку. – Это что, дым?

Я только сейчас заметил, о чем она говорит. В самом деле – в двух или трех местах на равнине словно бы держались расплывшиеся облака дыма. Серый флер, задерживавший траву и деревья, прозрачный, но все же различимый.

– Не знаю. – Я всмотрелся. – Больше на туман похоже... Прوماхнем до темноты эту равнину?

– Ага, – согласилась Танюшка.

* * *

Вблизи этот странный туман выглядел облачками бледно-бледно разведенной черной краски, сквозь которую все видно, а сама она почти незаметна. Первое такое облачко окутывало симпатичную рощицу, и я было сунулся туда, но

Танюшка вцепилась в меня:

– Не ходи! Вдруг это какой-то газ!

– Да ну, газ, – для проформы и самоутверждения пробурчал я, но внутрь и правда не пошел. Серое облачко действительно как-то отталкивало, и мы и от остальных держались подальше.

Мы все-таки добрались до леса – как раз к тому моменту, когда солнце за него село. Не стемнело, но резко смеркло.

– На опушке заночуем? – спросила Танюшка устало. Я хотел было кивнуть...

И не кивнул.

Я никогда в жизни не ощущал того, что называется «взглядом в спину». Только в книжках читал. Но, наверное, что-то такое сидит в каждом человеке – от предков, что ли? И просыпается, когда «подопрет».

Уж куда сильнее, чем подперло нас...

Короче – я ощутил этот самый взгляд. Тяжелый и... не то что угрожающий, нет. Но неприятный, словно меня оценивали.

Я обернулся – спокойно, будто решил просто взглянуть на путь, пройденный за день. И – вот честное слово! – на какую-то даже не секунду, а на ее хвостик – увидел промельк движения. В том самом месте, где мы спустились с откоса.

Пятнадцать километров – это много, на таком расстоянии нельзя увидеть одно живое существо, даже крупное. Тут словно черная капля перелилась...

Группа. Стадо, косяк, что угодно. Только как-то странно для животных, словно выглянули – и назад. Животные так себя не ведут.

Именно группа. И если эти – кто бы они ни были – появились именно в этот момент, то они нас, конечно, не видели. А если наблюдали уже давно?..

– Нет, Тань, – спокойно сказал я, – давай уйдем подальше. В лес.

* * *

Ракушки оказались никакими, хотя мы, морщась, сдабривали их пеплом, чтобы хоть чуть-чуть посолить. Однако есть хотеться перестало. Я улегся на траву, закинув руки под голову. Танюшка сидела боком, одной рукой опершись оземь, другой – перебирая пустые раковины, красиво отблескивавшие перламутром изнутри в свете гаснущего костра.

– В них бывает жемчуг? – спросила она вдруг.

– Нет, кажется, – рассеянно сказал я, – это в речных жемчужницах... Но у нас их давно не осталось.

– Ну здесь-то, может, есть? – предположила Танюшка, и я вздохнул.

– Да я забыл, что мы... Может, и есть.

– Олег, а почему мы ушли с опушки? Кого ты увидел?

– Никого, – равнодушно отозвался я. – Просто не хотел торчать там. На всякий случай. Не сами же по себе те ребята

погибли?

– Ну, это давно было... – успокоенно протянула Танюшка. – А вот интересно – откуда тут англичане? Или они американцы?

– Или кто угодно, говоривший по-английски, – дополнил я. – Кто их знает, откуда. Мы тут вообще ничего не знаем.

– Завтра дойдем, Олег? – спросила она.

Я пожал плечами:

– Ну, сорок миль завтра кончатся точно. А там посмотрим – знать бы еще, что мы ищем?

– Ход домой, что же еще? – твердо и уверенно удивилась Танька.

Меня просто убила эта ее уверенность. Даже ответа не нашлось, да я его и не искал. Разве что мне подумалось, что разочарование Танюшки при такой уверенности будет тяжелым. Вдруг она его не перенесет?! Чокнется или еще что...

– Тань! – вырвалось у меня.

– Что? – спокойно удивилась она, отряхивая ладонь о джинсину.

– Да ничего, – так же спокойно ответил я. – Просто – Тань-нь-нь... Колокольчик звенит, слышишь?

Она почему-то смутилась – опустила голову, стрельнула зелеными искрами из-под волос. Сказала:

– Хватит тебе. Ты что, в любви признаешься?

Теперь уже я опустил глаза. И, рассматривая куртку у себя на груди, ответил:

– А если так? То что?

– Да ничего. – Танюшка поворошила угли в костре. – А помнишь, как первого июня мы были в Чутановке, у Вадима на даче?

– Когда вечером разожгли «пионерский» костер и я у тебя спрашивал, не больно ли кусаются комары? – усмехнулся я.

– Очень тактично и участливо спрашивал, – уточнила Танюшка.

– Видимо, тебе это доставляло удовольствие? – Я кивнул и получил в лоб веточкой, а девчонка продолжала: – Но я не про это... И не про костер... Помнишь, как мы шли со станции? И ты ухитрялся одновременно поддерживать меня под руку, отгонять комаров, тащить на себе свой и мой рюкзаки, опираться на деревянную шпагу и трепаться со мной?

– Помню, – кивнул я, действительно с удовольствием вспоминая эти совсем недавние события. – А ребята вечером напали на нас из-за кустов...

– Придурки, – сердито вставила Танюшка, – я так испугалась... И ты с ними дрался и всех заколол.

– Их и было всего трое, – уточнил я.

– Все равно... Было так... – Она покрутила рукой в воздухе. – По-настоящему...

– Я на будущий год могу выиграть первенство город – район по рапире, – сказал я. – Ты придешь за меня болеть?

– Конечно, приду, – закивала Танюшка. Я приподнялся на локтях:

– Тань, а это правда, что ты говорила про школу? Что ты перешла в нашу школу?

– Правда, конечно, – она смотрела на меня через огонь, и я не мог различить выражения ее глаз. Странно. Огонь должен освещать. Но он прячет, делая лица одинаковыми. Около огня невозможно разглядеть, какое у человека выражение глаз, улыбается он или насмехается... Но сейчас я знал, что Танюшка говорит *правду*.

– А почему, Тань? – тихо спросил я. И подумал, что мы уже долго знакомы. И много раз уже сидели вот так у самых разных костров. Но такого разговора у нас еще не было. – Почему ты так решила?

– Потому что... – Она замялась и жалобно попросила: – Не надо, Олег, я же все равно...

Я увидел – даже в свете костра! – как она покраснела. И засмеялся от внезапно заполнившего меня – как ситро заполняет кружку! – пузырястого, шипящего чувства радости. Причем для этой радости у меня не было ни слов, ни даже мыслей.

– Знаешь, я удивился, когда ты согласилась идти к нашим, – вместо продолжения разговора сказал я. – Думал, ты испугаешься.

– Как Ленка Власенкова? – вспомнила Танюшка. – Ленка потом, помнишь, рассказывала, что сперва, как к нам в штаб попала, хотела сразу удрать. Думала – притон какой-то... Нет, я сразу сообразила, что и ребята, и девчонки у вас хо-

рошие... А вот я удивилась, когда знаешь что? Когда ты к нам домой пришел. До сих пор не знаю, как ты мой адрес разыскал?

– В клубе собачников, – признался я. – Твоего Черныша там хорошо знают... Туда-то я пришел, а вот около твоего дома минут сорок ходил. Если бы мне твой отец открыл, я бы, наверное, сбежал.

– А открыла я, – задумчиво сказала Танька. – Знаешь, Черныш, наверное, не ест. Он не любит, когда меня долго нет.

– Кузя тоже, – вспомнил я своего пса. Танюшка засопела. Серьезно так, с претензией на слезы, и я поспешил попросить: – Тань, может быть, ты споешь опять?

– Ты меня отвлечь хочешь, – вздохнула она.

Я кивнул:

– Ага. И сам хочу отвлечься, угадала. Спой какую-нибудь нашу.

– Сейчас. – Она села прямее и склонила голову набок... Но прежде чем начать петь, сказала вдруг: – Помнишь, как твой Сергей говорит? «Насильно слушать у костра вранье никого не заставишь – это не у телевизора...» Слушай, Олег.

В школьное окно смотрят облака,
Бесконечным кажется урок,
Слышно, как скрипит перышко слегка
И ложатся строчки на листок.

Первая любовь, юные года,
В лужах голубых – стекляшки льда...
Не повторяется, не повторяется,
Не повторяется такое никогда...

Песенка дождя катится ручьем,
Шелестят зеленые ветра...
Ревность без причин, споры ни о чем —
Это было будто бы вчера.

Мимолетный взгляд удивленных глаз
И слова – туманные чуть-чуть.
После этих слов в самый первый раз
Хочется весь мир перевернуть.

Первая любовь, снег на проводах,
В небе – промелькнувшая звезда...
Не повторяется, не повторяется,
Не повторяется такое никогда...³

* * *

Спокойной ночи у нас не получилось. Вернее – не получилось у меня.

Я проснулся от стремительного ощущения падения – и

³ Музыка С. Туликова, стихи М. Пляцковского.

схватился обеими руками за края кровати, а на самом деле – за широкий сук, на котором лежал верхней частью тела. Говорят, что такое снится, когда во сне растешь, и я, еще толком не очнувшись, вроде бы даже вспомнил свой сон.

Но тут же забыл его. Какой тут сон, когда наяву творились вещи почуднее!

Сперва мне показалось, что за деревьями мельтешат светлячки – только какие-то разноцветные и излишне активные. Но это потому, что я еще до конца не проснулся. В следующий миг до меня дошло, что это на самом деле очень далеко – километров за тридцать, не меньше! – и никакие это не светлячки.

Трассирующие пули, как в кино про войну, – вот что это такое. Только не так густо, как показывают в фильмах; то тут, то там, реденько.

Честно – я обалдел. Так, сидя, и остолбенел, даже рот приоткрыл, наблюдая за бесшумным – расстояние было точно большим – полетом цветных точек. Это могло значить одно – люди тут есть...

Точнее, это еще значило, что у этих людей имеется оружие посерьезнее мечей. Неясным оставалось лишь одно: что это за люди. А это-то как раз и было самым важным, если честно.

Стрельба продолжалась совсем недолго. Кроме того, она не могла меня разбудить. Так от чего же я проснулся?

Все это время я лежал неподвижно, повинаясь какому-то инстинкту, появившемуся внезапно и очень кстати.

Потом внизу, там, где мы жгли костер, зашуршал пепел. Хрустнули полусгоревшие ветви. И уже беззвучно проплыли куда-то в сторону тени.

Раз. Два. Три... Семь. Восемь... Двенадцать.

Страх отпустил меня не сразу, оставив после себя унизительный холодный пот, спазмы в желудке и кислятину во рту. Я не знаю, кого видел, даже очертаний толком не различил. Знаю, что избежал смертельной опасности. Каким-то чудом...

Мне пришлось пересилить себя, чтобы спуститься с дерева, — да и то я выждал чуть ли не полчаса, не опасаясь, что усну. Страх не давал... Подсвечивая зажигалкой, всмотрелся в пепел.

Он был истоптан. В нескольких местах отпечатались следы. Не звериные... но и не очень похожие на людские. Какие-то нечеткие, словно оставлявшие их были обуты в бесформенную обувь.

Мне вновь стало страшно, и я, погасив зажигалку, долго не мог влезть на дерево, холодея каждый раз, когда срывалась нога. Мне казалось, что вот-вот кто-то вцепится в плечи и поволочет в темноту. Мне в сознательном возрасте ни разу не доводилось надуть в штаны, но сейчас я был близок к этому и наверх вскарабкался в полнейшем изнеможении, весь дрожа.

Танюшка спала, и я даже разозлился на нее. Но сопение девчонки действовало успокаивающе; я устроился, скорчив-

шись у нее в ногах, сунул руки под мышки и... сам не заметил, как все-таки уснул.

* * *

– Смотри, Олег.

В голосе Танюшки было потрясение. Надо сказать, я ее понимал.

Мы стояли внизу голого каменного откоса. Не помню, чтобы я видел такой в нашем мире в этих местах, да это и не важно. Откос уходил влево и вправо, словно огромный нож вспорол в этом месте лес на несколько километров, вывернув вал перемешанной с галькой земли. Конечно, это было не так. Но похоже.

Однако не этот геоморфологический памятник нас удивил. Нам хотелось есть, до природных ли тут недоразумений? А вот на этом валу – в сотне метров справа от нас – лежал большой серый валун.

И это был не просто валун.

Когда-то чья-то рука придавала валуну очертания лежащего человека. Он опирался щекой на кулак левой руки, а правой придерживал рукоять меча, вытянутого вдоль ноги. Черты лица были только намечены, но все же хорошо различалось, что неведомый скульптор изобразил подростка – с правильным лицом, с упавшей на щеку прядью волос.

– Пошли. – Я потянул Таньку за плечо. – По-моему, мы

добрались.

Танюшка стрельнула в меня взглядом – недоверчивым и обрадованным, – и я понял, что для нее путь закончился.

А у меня такого чувства не было.

Не было – и все тут.

Мы подошли к каменной глыбе. Она оказалась в три раза больше человека, и, подойдя вплотную, я увидел, что скульптура старая. Старше надписей, которые мы видели тут.

– Ну вот, Тань. – Я вытер лоб и незаметно оперся на камень, пережидая короткий приступ головокружения. – Пришли. Что дальше?

Она вновь взглянула на меня:

– Ты не веришь? – тихо спросила она. Я покачал головой. – И с самого начала не верил? – Я снова покачал головой. – Но, может, мы просто не сюда попали, может, эта статуя никакого отношения...

– Может быть, – устало прервал ее я. – Но я, Тань, *не знаю*, куда нам еще идти. Вот мы пришли, сорок миль кончились или вот-вот кончатся. *Я не знаю*, куда мы должны были прийти. И вообще... – Я махнул рукой и присел на край камня. Голова не переставала противно кружиться. То ли от голода, то ли давление резко упало – больше года уже не было со мной такой фигни... Наверное, и на лице это как-то отразилось, потому что Танюшка посмотрела на меня с испугом и тронула за плечо:

– Ты чего?

– Ничего, ничего, – поспешил успокоить ее я и рывком поднялся. – Понимаешь, Тань, для них – ну, для тех, кто надписи оставлял, – этот памятник мог что-то значить. А вообще – нечего киснуть. Это место ничем не хуже любого другого.

– Я домой хочу. – Губы у Танюшки вдруг поехали, задрожали. – И есть... – Она справилась с собой, но отвернулась и начала водить пальцем по камню.

– Есть мы добудем. – Я заставил себя собраться. – Обязательно добудем, что ты... И домой выберемся, погоди только, Тань...

Мне очень-очень хотелось зареветь. Оказывается, и я на что-то надеялся. Вопреки всему надеялся... Но реветь не имело смысла, и я решительно взялся за Танькино плечо под ковбойкой:

– Тань, вставай. Пошли. Нам вообще нельзя на одном месте сидеть.

Она не спросила – почему. Вместо этого с надеждой посмотрела на меня:

– А давай вокруг походим немного, а, Олег? Вдруг что-то найдем, а?

– Давай, – согласился я. Без особой надежды, просто для успокоения – даже не своего, а Танюшки...

...Форт мы нашли через десять минут.

Кто-то сложил башню-шестигранник из мощных каменных глыб, неведь как и когда сюда попавших. Она была не очень высокой – в три моих роста, не больше, но широкой. По верхнему краю шли узкие бойницы. Когда-то эту башню ромбом окружал деревянный частокол, но большинство здоровенных бревен перегнили в земле и валялись рядом в беспорядке, остальные накренились, и только одно-два стояли прямо. К башне примыкал приземистый блокгауз. Провалившуюся крышу и накренившиеся внутрь стены покрывал мох. Никаких следов штурма или хотя бы пожара видно не было, зато над входом – плотно сбитой из досок дверью, расположенной на уровне моей головы, – был нарисован белой краской идущий лев с поднятой передней лапой, как на гербе. Краска стерлась и смылась, но в неровности камня въелась, и на расстоянии рисунок оставался отчетливым.

– Это английский гербовый лев, – определил я. – Тань, я тебя подсажу, а ты попробуй открыть дверь.

– Угу. – При виде форта она вновь резко оживилась. – Давай.

Я, сцепив руки в замок, подкинул ее к двери, и Танюшка ловко вцепилась в какие-то выбоинки. Нетерпеливо вытянула ко мне руку, я перебросил ей открытый нож. Наверху скрипнуло, хрустнуло, посыпалась сырая деревянная труха,

и Танюшка соскочила обратно. Указала вверх подбородком с гордым видом.

Дверь была открыта – отошла на полметра. В щели проглядывал свет.

– Подсади опять, я посмотрю.

Я принял от нее нож и покачал головой:

– Лучше я, мало ли что...

– Я же тебя не подниму, – улыбнулась она. – Давай, Олег.

– Эххх... – Я неохотно, но сноровисто подсадил ее и приготовился ждать. Но буквально через минуту Танюшка с ошарашенным видом свесилась обратно. Она, кажется, лежала на животе и обеими руками отводила волосы от лица. Глаза у нее были ошалелые:

– Олег, тут оружейный склад, – сказала она.

– Дай руку, – выкинул я вверх ладонь.

Рассказ второй

Старые друзья

*А наш огонь никогда не гас,
А что невелик — ничего...
Не так уж много на свете нас,
Чтоб нам не хватило его!*

А. Макаревич

Нет, что бы Танюшка ни говорила, но это ничуть не походило на оружейный склад. По крайней мере как я их себе всегда представлял — строгие ряды стоек с оружием. (В жизни я их — складов — все равно не видел.) Скорее это напоминало оружейную башню из повести Крапивина «В ночь Большого Прилива», где вооружался главный герой Сережка, — эту книжку я очень любил...

Было еще одно сходство — пожалуй, более верное, только очень уж неприятное, поэтому я и не подумал о нем сразу. Если я что-то понимаю, то люди свалят оружие так — одной большой, остро-расползающейся кучей — в одном случае.

Если сдаются. Перед моими глазами встала картинка из фильма (или, может быть, я ее сам выдумал): люди проходят между двумя рядами других людей и складывают, почти бросают, оружие в конце этого живого коридора. С лязгом и

шорохом выползают из ножен потерявшие хозяев клинки...

Все как здесь. А где хозяева? Я даже огляделся с неприятным холодком, почти ожидая увидеть где-нибудь у стены скелеты.

Конечно, там ничего не было.

– Странненько, – сказала вдруг Танюшка, и я вздрогнул. Девчонка задумчиво смотрела на эту кучу. – Их как будто... бросили. Потому что не нужны.

– Это еще не самое странное. – Я почему-то ощутил нервную дрожь. – Странней то, что все оружие здесь – боевое.

– А? – Танюшка посмотрела на меня, сведя густые брови. – Это как?

– Мы с тобой тут уже долго, но не видели ни одного человека, – задумчиво сказал я. Когда говоришь вслух, мысли легче оформляются. И иногда сам удивляешься тому, что говоришь. Пока думал, все выглядело не так... – А тут все оружие именно... ну, античеловеческое, понимаешь? Никто же не ходит на медведя или волка со шпагой или саблей. Топор там нужен. Рогатина какая-нибудь. А тут нет оружия на зверя. Только на человека.

– Ну... – Танюшка вообще-то не спорщица, но сейчас, наверное, почувствовала, как мне хочется, чтобы меня опровергли. И начала опровергать. – Может, его потому и бросили, что оно тут не нужно. А всякие топоры с собой унесли.

Мне стало смешно. Не очень хорошее это было веселье, истеричненькое. Мне представилось, как некие люди входят

сюда, сваливают мушкетерскую снарягу, затыкают за пояса топоры и уходят. Д'Артаньян, переквалифицировавшийся в кержака-раскольника... Но какой-то резон в Танюшкиных словах все-таки был. Я подошел к оружейной куче.

– Не, Таньк, – медленно и уверенно сказал я. – Этими штуками пользовались. И за ними ухаживали, смотри.

Действительно, оружие ничуть не походило на брошенное за ненадобностью. Кромки клинков все еще сохраняли голубовато-серебристую заточенность, а остальное полотно, наоборот, было серым и выщербленным. Не музейного вида было оружие. Не лакированное, понимаете? Если в книжках пишут правду – с таким хозяин расстается только вместе с жизнью.

Я почувствовал, как во мне разрастается любопытство и восхищение этим оружием. Руки буквально зудели, тянулись к клинкам.

– Танюшка, я, наверное, кое-что возьму, – разыгрывая неуверенность, сказал я.

Танюшка вздохнула:

– Игрушки нашел?

– Все-таки... защита. – Я опустил на корточки. – Ого!

– Я тоже покопаюсь, может, найду что поинтереснее. Оде-
яло, например, – сообщила она, обходя оружейную свалку.

– Не порежься, – машинально сказал я.

Среди клинков преобладали прямые шпаги и их производные. Я считал себя спецом по холодному оружию и все-

гда испытывал к нему слабость как к оружию благородному, но сейчас у меня просто разбегались глаза. Я брал новые и новые образцы, выдвигал и рассматривал клинки, касался разнообразных гард и ножен, тянул, пробуя на прочность, потрескавшиеся широкие перевязи... Выбрать было очень трудно как раз из-за невероятного обилия, и скоро я понял, что ничего не выберу – как тот осел, который сдох с голоду между двумя кучами моркови. Поэтому я просто закрыл глаза, встал, сделал два оборота и на ощупь поднял то, что попало под руку.

– Выбрал? – насмешливо спросила Танюшка. Она сидела на корточках со своей стороны кучи, держа на коленях какой-то кинжал.

– Угу... – отозвался я, разглядывая то, что мне досталось.

Мне повезло. Наверное – в награду за решимость. Ножны оружия оказались простые, обтянутые черной кожей со стальными скрепами. Рукоять тоже не восхищала – покрытая шероховатой кожей же (ее обвивала прочно впрессованная металлическая нить), с навершием в виде шляпки гвоздя, защищенная ребристой гардой-раковиной и нехитрым плетением толстой проволоки (бронзовая, почему-то подумал я, хотя не знал точно). Лезвие – шириной в три пальца у основания, без выборок, гладкое – имело в длину сантиметров девяносто, не меньше, и к концу сбегало до двух пальцев ширины.

Поднявшись на ноги, я провел несколько фраз. Танюшка

смотрела без насмешки – она видела меня на дорожке и знала, что это серьезно.

– Возьмешь эту шпагу? – спросила она.

– Это не шпага, – ответил я, любуясь оружием. – Это палаш. У шпаги обе стороны заточены на всю длину, а лезвие в сечении – ромб или линза. А тут лезвие – клин, и обух заточен только на треть от острия.

– Спасибо за лекцию, – поблагодарила она. – Так ты его берешь?

– Беру, – кивнул я. – Правда, он, Танька, тяжелый. Раза в три, если не больше, тяжелее рапиры, а я к ней привык. Смотри, как у меня медленно все получается... и инерция какая. – Я вновь показал несколько фраз.

– По-моему, все нормально, – критически всматриваясь, сообщила Танюшка.

– Это тебе кажется, – вздохнул я. – У меня вся сила в скорости... А, беру его!

Ножны крепились на широкой перевязи. Причем на лопасти было место для второго клинка, а на груди – еще один чехол. Я повздыхал и зарылся в кучу под ироничным взглядом Таньки, объяснив:

– Место же есть, а пустое – некрасиво.

Я больше ничего не успел найти. Танька, бесшумно что-то там раскладываявшая, подала голос:

– Ого, смотри!

Она протягивала мне арбалет. Вернее, мне сперва пока-

залось, что арбалет – винтовочное ложе, покрытое поцарапанной лакировкой, короткий лук с толстой тетивой, металлический кованный спуск – красивое и не очень тяжелое оружие. Я подержал его в руках и поднял глаза на девчонку.

– Может, мне этот арбалет взять? – задумчиво спросила она.

– Это не арбалет, – ответил я. – Это аркебуза.

– Ты меня за неграмотную не считай, – холодно заметила она, опасно сверкнув глазами. – Я даже картинку помню в учебнике. Аркебуза – это ружье. С фитилем.

– Да нет, Тань, – не стал смеяться я. – То есть правильно все, это аркебуза. Но вот такие штуки – самострелы, которые стреляют не стрелами, а пулями, – тоже называются аркебузами. Ты посмотри, там стрелы есть?

– Сейчас... вот, – она подняла в руке кожаный мешочек с завязкой, судя по всему, тяжеленький. – Ты прав, как всегда. Стрел нет, а это?.. – Она раздернула завязку и удивленно сказала: – Олег, это же подшипники!

Я принял мешочек – да, он весил о-го-го. А внутри и правда оказались никелированные подшипники.

Ну что ж. Отличные пули. Но тоже наводит на мысли...

– Бери, – посоветовал я. – Метров на сто он бьет наверняка, и не хуже пистолета.

– А как им пользоваться?

Вопрос был коварный. Но я не мог ударить в грязь лицом и, высокомерно хмыкнув, заявил:

– Ну, это просто. Смотри...

Это в самом деле оказалось «просто». Аркебуза имела странно современную конструкцию. Почти автоматный затвор отводился назад до упора, в отверстие наверху ложа вкладывалась пуля, затвор отпускали, и он чуть продвигался вперед, фиксируя ее в стволе. После этого аркебузу можно было вертеть как угодно – пуля не выкатывалась. Правда, и разрядить оружие становилось возможно лишь выстрелом. Танюшка несколько раз вхолостую щелкнула спуском, кивнула и продолжила поиски – похоже, и она увлеклась. За год нашего знакомства она набралась от меня немало, в том числе – и любви к оружию.

Я смотрел, как она копается с решительным видом, по временам сдувая с носа прядь русых волос, и, поймав себя на том, что широко улыбаюсь, поспешно вернулся к поискам.

Почти тут же я нашел еще один клинок – как подгадал, в пару к палашу. Это был ромбический в сечении кинжал в полруки длиной, с широко разведенными и выгнутыми по сторонам клинка длинными усами гарды. Удобную насеченную рукоять венчал солидный конический набалдашник. Прикинув оружие в руке, я закрепил кинжал во второй петле лопасти – он подошел идеально. Я даже подумал, что отсюда он и выпал.

Танюшка тоже нашла себе один клинок – широкий, в ладонь, плоский кинжал длиной сантиметров тридцать, с простой, но удобной пожелтевшей костяной рукояткой в мелких

выемках. На одной стороне лезвия – в две трети длины где-то – шла пилка, и я уже настроился приколоться, что девчонки даже в оружии видят инструмент... но передумал. Пилка в самом деле могла оказаться полезней моего палаша.

Под руку мне попались три цельнометаллических кованых ножа с широкими концами – метательные, и я задумался. Олег Фирсов и Игорь Басаргин, которые постоянно тренировались метать ножи, учили и меня, но я оказался бездарным учеником... Правда, ножи мне понравились, и я сунул их – влезли хорошо – в чехол на груди, после чего встал, сожаляющим взглядом окинув кучу, которую приходилось оставлять.

Рядом с Танькой, кроме арбалета, пуль в мешочке и кинжала, к которому она подобрала ножны, лежала широкая перевязь в мелких клепках и короткий прямой нож. Сейчас она увлеченно тянула что-то из кучи – какой-то ремень. Я решил заняться поисками шпаги для нее, но меня остановил удивленный возглас Танюшки:

– Олег, пистолет!

Она держала этот самый ремень в руке – патронташ с большой кобурой. В гнездах ремня тускло поблескивали патроны – штук двадцать. Они походили то ли на толстые сигареты, то ли на тонкие тюбики губной помады. Заполнены была половина гнезд.

– Это револьвер, – я открыл кобуру (заметив, что в гнездах под крышкой есть еще семь патронов) и достал оружие. –

Наган, семизарядный.

– Ты умеешь с ним обращаться?

– Теоретически, – признался я в ответ на вопрос девчонки.

– Я и теоретически не умею... Забирай и благодари за находку.

– Спасибо! – пылко и искренне ответил я, тут же перепоясываясь и подгоняя ремень по себе. Я прижал им перевязь – чтобы не болталась – и поймал брошенный на меня задумчивый взгляд Танюшки. – Я смешно выгляжу?

– Знаешь, нет, – медленно ответила она. И не договорила: – Вообще наоборот... – а потом тряхнула головой: – Теперь медведи нам не страшны!

– Да нет, – огорчил я ее. – Из нагана медведя не убить. Это опять-таки против человека оружие... Вернее его завалить из твоей аркебузы.

– Ага, значит, на медведей ты предоставляешь охотиться мне?! – возмутилась Танька. – Это по-джентльменски!

– Давай лучше тебе что-нибудь еще найдем. – Я присел было, но уткнулся палашом в пол и под насмешливым взглядом Танюшки вынужден был неловко поправить оружие. Да, кажется, надо привыкать... Пока что с оружием на поясе я ощущал себя скорее странно, чем по-мушкетерски. Но вот зато клинок Татьяне отыскался сразу.

– А чего он такой длинный? – критически спросила она. Я вытащил из ножен – мягких, красной кожи – действитель-

но почти метровый, чуть изогнутый остроконечный клинок, заточенный с одной стороны, с овальной маленькой гардой, защищавшей рукоять под две руки. Клинок был тонкий и гибкий.

– Это корда, кавалерийская сабля, – объяснил я, – самое девчоночье оружие. Им можно рубить и колоть... Давай подгоним по тебе, вставай.

Девчонка послушно поднялась. Перевязь для корды, как я и ожидал, была сделана на спину; я накинул ее так, чтобы рукоять поднималась над левым плечом, начал было, пропустив руки под мышки, подгонять ремень на груди у Танюшки, но внезапно страшно смутился – хотя еще ни к чему не прикоснулся – и отдернул руки, надеясь, что не покраснел.

– Давай это... застегни, как удобнее, Тань.

Не поворачиваясь, она склонила голову и завозилась с ремнем – без единого слова. Я стоял сзади и молчал, злясь на себя. Глупость какая-то – мы же с ней еще на Земле в походах спали чуть ли не под одним одеялом, и... а тут словно обожгло.

– Так? – Она повернулась ко мне, большим пальцем отбросив со лба волосы.

Я кивнул. Потом спохватился и спросил:

– Нигде не тянет?

– Все нормально, – заверила она и провела ладонью под перевязью. – Глупо выгляжу?

– Знаешь, нет, – вспомнил я ее недавний ответ на подоб-

ный вопрос.

– А ар... кебузу где носить?

– Тоже за спиной, – сообщил я. – Давай поищем еще пули.

Мы немного покопались среди оружия. Я поймал себя на мысли, что мне хочется взять еще несколько клинков, и, чтобы не соблазнять себя, отошел в сторону и достал револьвер. Откинул шторку барабана – наган оказался полностью заряжен, донца патронов медно поблескивали. Запихивая оружие назад, я подумал, что трудно будет выхватить его быстро. Крышку, что ли, отрезать? Выпадать начнет...

Навершие палаша снова попало мне на глаза, и я только теперь заметил, что на этой плоской шляпке гравирован значок. Это была свастика – самая настоящая свастика, только скругленная какая-то.

На миг во мне шевельнулось отвращение. Глубоко заложенное, генетическое, что ли? Но уже в следующую секунду я почти с испугом понял, как совершенен и уместен этот рисунок. И отвел глаза, решив, что палаш от него хуже не станет. Правда, мысль все-таки странная.

Чего совершенного в свастике?!

– Смотри, Олег, перчатка! – Танюшка, отчаявшись, похоже, найти пули, подошла ко мне, держа в руке перчатку – левую. Это была крага – высокая и жесткая, хотя тонкая на вид, желто-коричневого цвета и потрескавшаяся. – На, примерь!

Я примерил. И обнаружил две странные вещи. Во-первых, ладонь – от запястья до кончиков пальцев – была подшита

тонкой металлической сеткой. Я вспомнил, что читал про такие вещи в «Графине де Монсоро». Кстати, до конца книжку не осилил. А второе...

У меня маленькая рука. Довольно-таки хорошо набитая – и рукоятью рапиры, и гантелями, и черенком лопаты, – но маленькая даже для мальчишки.

А перчатка была мне впору. И я почти с испугом подумал, что носил ее до меня такой же мальчишка, как я, а потом он...

Меня тряхнуло нервной дрожью, словно заглянул в холодную пропасть, где не различишь, что там на дне, и только ветер доносит то ли гул ледяного потока, то ли запах гниения...

– Я возьму это, спасибо, Тань, – с этими словами я убрал крагу под перевязь. Она кивнула – рассеянно, даже не посмотрев на меня, потому что водила пальцем по освободившемуся участку пола. Потом подняла на меня свои серьезные зеленые глаза:

– Смотри, что тут написано.

С удовольствием придерживая рукоять палаша, я обошел раскиданную нами кучу оружия и, нагнувшись, в самом деле увидел надпись. Кто-то неизвестно когда выцарапал на каменном полу английское слово или аббревиатуру.

Белые штрихи на сером:

TRAP

По английскому у меня была четверка. Может быть, даже не вполне заслуженная, и я мог только смотреть на это слово с умным видом. Танька, не поднимая головы, продолжала водить пальцем по штрихам. Потом сказала:

– Тут написано по-английски – **ЛОВУШКА**, Олег.

У нее по этому языку было «отлично».

Мы будем жить с тобой в маленькой хижине
На берегу очень быстрой реки.
Никто и никогда, поверь, не будет обиженным
На то, что когда-то покинул пески.
На берегу очень быстрой реки,
На берегу этой тихой реки,
В дебрях чужих у священной воды,
В теплых лесах безымянной реки.
Движенья твои очень скоро станут плавными,
Походка и жесты – осторожны и легки.
Никто и никогда не вспомнит самого главного
У безмятежной и медленной реки.
На берегу очень дикой реки,
На берегу этой тихой реки,
В дебрях чужих у священной воды,
В теплых лесах безымянной реки.
И если когда-нибудь случится беда —

Найди верный камень там, где скалы у реки.
Прочти то, что высекла холодная вода, —
Но ты эту тайну навсегда сбереги.
На берегу очень дикой реки,
На берегу этой тихой реки...

«Nautilus Pompilius»

Впервые за несколько дней мы были по-настоящему сыты. Впервые – сидели у огня в помещении. Впервые – на одеялах, которые еще немного пахивали сыростью.

Прежние хозяева (или захватчики?) этой башни запасли огромную поленницу сухих, звонких березовых и ольховых дров на втором этаже, куда уводила винтовая лестница (она же вела и к люку, выходявшему, наверное, на крышу, на сторожевую площадку, но мы туда не полезли). На поленнице лежали тонкие, но прочные и легкие серые одеяла – Танюшка, осмотрев и подергав их, сказала, что это настоящая верблюжья шерсть. Одеял было десятка три, все не новые, но чистые. А за поленницей – в промежутке между ней и стеной – нашлись совершенно неожиданно слегка подмокшие сухари и несколько консервных банок с незнакомыми этикетками на непонятном языке, мне показалось – голландском. Консервы были тронутые ржавчиной, но не вздувшиеся, и Танюшка сварила в найденном тут же котелке суп с мясом, а с сухарями сделали бутерброды. Пока она занималась этим, я перетаскал вниз часть дров и половину одеял, из которых устроил два лежбища. В щель дверного косяка забил пару

кинжалов и, удовлетворенно попинав дерево, вернулся к костру как раз в тот момент, когда Танюшка объявила о готовности ужина.

От сытости я осоловел и откинулся на сложенное валиком одеяло. С оружием я чувствовал себя совсем иначе, чем без него. Танюшка, сидя напротив, рассматривала мою куртку.

– Продрал, а у меня ниток нет, – вздохнула она, – расползется...

– Не расползется, – ответил я, – немецкая, надежная.

– На завтра консервы и сухари еще есть, а потом – все, – подвела она итог и засмеялась: – Вот, а? Три часа назад и об этом не мечтала, а теперь недовольна!.. Котелок и одеяла надо взять, а?

– Возьмем, – кивнул я и встрепенулся: – Э, в смысле?

– Ну, мы же не тут останемся, – пожала плечами Танька. – Надо все равно искать людей.

– Надо... надо ли? – И я быстро, но обстоятельно рассказал о том, что было ночью.

Танюшка сидела, не сводя с меня глаз. Молчала. Потом вдруг сказала:

– Поучи меня фехтовать, Олег.

* * *

Ручей тек по склону холма за блокгаузом куда-то вниз, в сырость, где, похоже, была речка – один из притоков Цны.

Тут я и нашел их – хозяев этого места.

Шесть скелетов лежали в русле ручья – один на другом, так, что перепутались кости. Не знаю, принесли их сюда уже мертвыми или убили прямо тут. Но что они были убиты – сомнений не возникало. Черепа – рассечены, кости – переломаны во многих местах.

Я набрал воды выше по течению и еще раз всмотрелся.

Да. И эти скелеты принадлежали подросткам...

...На этот раз я заклинил дверь еще прочнее. Танька сидела, закутавшись в одеяло, и внимательно смотрела на меня.

– Еще убитые? – догадалась она с ходу. Я кивнул, ставя котелок у огня и с размаху садясь на одеяла. Содрал с ног туфли и носки – от них воняло. – Завтра постираю, – тут же сказала девчонка, и получилось как-то совершенно не обидно, естественно. – Много?

– Шесть. – Я подергал себя за волосы и тяжело вздохнул: – Тань, я так понимаю. Минимум десять наших ровесников-англичан погибли тут больше двух лет назад. Но и сейчас тут есть какие-то люди... и еще кто-то. Тань! – Я глянул ей в глаза. – Тут опасно. Очень. И я не знаю, сможем ли мы в ближайшее время отсюда выбраться. Вот так.

– Удивил, – задумчиво сказала она. – Я, Олег, давно это поняла, только боялась вслух самой себе признаться... Что будем делать?

– Искать способ возвращения. – Я подбросил в огонь поленце. – Но завтра мы уйдем, Тань. Тут, конечно, хорошо. И

тепло, и не какает. Но нас тут могут прибить, как тараканов. Особенно если нас и правда... выследили. Хочется надеяться, конечно, что тут есть и положительные герои... А сейчас давай спать, Тань. — И я начал стягивать футболку, предвкушая, как лягу в почти настоящую постель.

Закутавшись в одеяло, я улегся как можно удобнее — лицом к огню. Танька все еще сидела, потом спросила вдруг:

— Олег, ты меня не бросишь?

Я аж снова сел.

— В каком с-с-смысле?!

— В самом прямом. — Танька не спускала с меня взгляда. — Решешь, что медленно иду... или что хлопотно вообще со мной...

— Тань, — нерешительно сказал я, — ты чего несешь? Ты не заболела? Как это я тебя брошу?

Вместо ответа она тоже начала укладываться. Я еще какое-то время посидел в одеяле, пытаюсь «отойти» от заявления девчонки, потом покачал головой и улегся, так и не восстановив душевного равновесия.

— Доберемся до Цны и пойдем берегом на север, — сказал я в потолок.

— Там болота, — из-за огня ответила Таня.

— Может, это и к лучшему. — Я подобрал одеяло, подоткнул плотнее. Потом, вздохнув, дотянулся, выпростав руку, и положил рядом револьвер.

На всякий случай.

За ночь я закопался в одеяла так, что с трудом отрылся обратно. И пригрелся так, что снаружи показалось холодно. Не высвобождая рук, я высунул нос и один глаз наружу...

...Танюшка стояла в проеме открытой двери голышом. Упершись ладонями в притолоку и чуть наклонившись вперед – так, что лучи восходящего солнца залили золотом ее спину и... то, что ниже. А потом она, словно купаясь в солнечном свете, встала боком и прижмурила глаза...

...Нет, в принципе, я, конечно, знал, что, как и где у существ противоположного пола находится. И не только по теории или там фоткам-порно, попадавшим в нашу компанию, но и вживую. Постельного опыта у меня, конечно, не было, но вы мне покажите мальчишку, который дожил до четырнадцати лет и не «щупался» с девчонками под видом какой-нибудь «игры»? Короче, я великолепно представлял себе, где что у «них» есть и как выглядит.

Но...

Я и раньше, бывало, «дорисовывал» себе то, что скрывает Танюшкин купальник – особенно по вечерам, лежа в постели, на грани бодрствования. Потом приходили те самые, причудливые и головокружительные сны. Фантазии были сладкими и немного пугающими, потому что следующим шагом были мысли о вполне естественном продолжении, о

том, что у нас с Танюшкой *это* когда-нибудь будет наяву... а я не знал, что думает об этом она. Только вот ни сны, ни фантазии не шли ни в какое сравнение с этим обычным зрелищем – обнаженная девчонка, купающаяся в утреннем солнце. Мне вдруг представилось, как я откидываю одеяло... встаю... подхожу к ней... обнимаю...

Я зажмурил глаза и завозился, словно просыпаясь. Услышал, как легко и быстро прошуршали мимо девчоночьи шаги.

– Та-ань?.. – сонно позвал я ее и сел, расставив ноги и не откидывая одеяло. Зевнул и помотал головой. – Доброе утро.

– Доброе. – Она появилась сбоку уже в купальнике, запрыгивая в джинсы. – Поедим бутерброды, консервы на вечерний привал. – Я кивнул, изо всех сил стараясь сделать вид, что еще не вполне проснулся. – Кстати, – она вроде бы усмехнулась, судя по голосу, – ты в курсе, что кое-кто в Кирсанове называет нас «хорошей парой»?

– А? – Я не нашел ничего лучшего, как оглянуться через плечо в ее сторону. – Это кто же нас так называл?

– Ну, это в целом не важно. – Она накинула ковбойку и принялась скатывать одеяла – пару, одно в другое. – Кстати, носки я постирала, и они уже высохли. И возьми тоже пару одеял... И еще раз покажи мне, как влезать во всю эту сбрую.

– Мне и самому надо потренироваться, – признался я, становясь на колени и начиная сворачивать те одеяла, с которыми уже сроднился. – Все-таки согласна со мной – идем вдоль

реки на север? – Танюшка кивнула. – Больше ничего тут искать не будем? – Она покачала головой и улыбнулась. Потом уже озабоченно сказала, перестав валять дурака:

– Ты цнинские леса хорошо знаешь?

– Не очень, – признался я, – вернее – не все, но левобережье знаю. Да и ты знаешь.

Она снова кивнула. И задумчиво спросила вдруг, глядя по сторонам:

– «Ловушка»... Все-таки – кто они были и что имели в виду? И что тут вообще происходит?

– Спросила, – вздохнул я и начал одеваться, но подмигнул и добавил: – Ничего, разберемся!

...Одевшись и затянув ремни снаряжения, я с удовольствием прошелся по комнате. Поймал немного ироничный взгляд Танюшки, но не смутился, а, наоборот, раскланялся перед ней, как мушкетер в кино.

– А знаешь, красиво, – немного удивленно, но искренне призналась она и вздохнула: – Влезу-ка и я в свою снарягу...

Я хмыкнул. Вообще настроение было хорошим, мы ели стоя, то и дело начинали смеяться, и вообще откуда-то всплыла уверенность, что все еще будет хорошо. Потом мы влезли все-таки на верхнюю площадку, и картина стала намного яснее. Оттуда открывался неплохой вид.

– О, – я приставил ко лбу ладонь. – Забирать надо на северо-запад, тогда обойдем болота и Ляду. Помнишь такую речку?

– Помню. – Танюшка кивнула, нахмурилась и выдала: – И выйдем... м-м... где-то за Тулиновкой. Если мерить нашими мерками. Но вообще там тоже болота вдоль реки.

– Обойдем, – предложил я и, подумав, смущенно извинился: – Ты прости, Тань, но я твои вещи нести не смогу. У меня руки должны быть свободными.

– Ой, глупости какие, – нахмурилась она. – Я и сама отлично могу нести свое.

– Вот и хорошо, – кивнул я и еще раз огляделся...

...Когда я читал «Хранителей» Толкиена, то всегда внутренне замирал над строчками, где описывались Черные Всадники. Их безликость была притягательнее и страшнее, чем самые жуткие описания – пятна тьмы, вокруг которых замирало все живое. И сейчас, стоя на верхней площадке башни, я испытал то же чувство.

В каком-то километре от башни (не в той стороне, откуда мы пришли, а перпендикулярно нашему движению), где плоский холм поднимался над лесом, на его вершине стояли несколько фигур, казавшихся черными. И каким-то... *чувством* я хорошо ощутил: они смотрят сюда.

– Вниз, Тань! – зашипел я, но она уже и сама заметила черные фигуры. Мы ссыпались вниз, соскочили в траву из двери и бросились в лес – как два испуганных кролика, если честно. Снаряжение мешало мне бежать, да и сам я держался позади, сжав в руке револьвер и оглядываясь.

Вроде бы нас никто не преследовал, но мы отмахали по

лесу бегом километра два, наверное, с излишним шумом. И остановились только в каком-то глухом буреломе, около ручейка, где толклись комары.

Я встал на колени и долго пил с руки, отгоняя другой мошкару. Танюшка озиралась, потом тихо спросила:

– А чего мы так испугались? Может, это наоборот... какие хорошие?

Я медленно поднялся на ноги, вытер мокрой рукой лицо и так же медленно покачал головой. Я не знал, как описать охватившее меня ощущение при виде тех черных фигур.

Но одно знал точно. Ничего «хорошего» в них не было.

Я вновь достал из кобуры револьвер – большой, с вытертым местами воронением. И подумал: а смогу ли я выстрелить из него в человека? Я не был уверен, что сумею это сделать, защищая себя.

Но был *почти* уверен – сумею, если придется защищать Танюшку.

С ней, пока я жив, не должно случиться ничего плохого.

– Нет, Тань, – покачал я головой. – Едва ли они хорошие.

* * *

С ходу мы влетели в болотистую низину ручья. Было душно, под ногами хлюпало, одежда прилипла к телу. Комары висели над нами и наслаждались.

– Знаешь что, Тань? – наконец сказал я. – Это неприятно,

но это реальность. Ландшафт-то тут такой же, как у нас. А вот природа... Мы от самого Кирсанова идем по лесу, а где у нас такое видать? Вот это болото – я его не помню.

– Я тоже, – призналась Танька и, достав нож, начала чистить ногти. Это я замечал за ней и раньше. И было это знаком волнения. Кроме того, это демонстрировало – я успел изучить – то, что Танюшка перекладывает всю ответственность на меня.

Мда. Очень вовремя.

– Ладно. – Я махнул рукой в ту сторону, где вроде бы имелось повышение. – Пойдем туда. А там посмотрим.

– Олег? – Танька убрала нож и посмотрела мне прямо в лицо. – А они... ну, эти... нас не догонят?

– Не знаю, Тань, – честно ответил я. – Сейчас их нет, а потом... Нет, не знаю. Пошли...

...Я оказался прав. Мы выбрались из заболоченного бурелома в обычный лес примерно через полчаса, и я удовлетворенно-гордо огляделся – так, что Танюшка фыркнула:

– Орел, орел.

– Орел не орел, – скромно ответил я, – а между нами и ими сейчас это болото.

– Часть которого – у нас в обуви, – довольно ехидно добавила Танька.

– Вредный ты все-таки человек, Тань, – задумчиво сообщил я, убирая наган. – Честное слово.

Она гордо задрала свой прямой носик – я ей, кажется, по-

льстил. Что вполне естественно. Я мысленно поставил себе плюсик и предложил:

– Пошли?..

...В сосновом редколесье почва была песчаная. Я таких сосен не видел никогда в жизни – в обхват, не меньше, с медно-красными стройными стволами и раскидистыми кронами где-то высоко в небе. Мне вообще-то сосновые леса не нравятся – в них пусто и гулко, словно деревья рассорились друг с другом. Но в *этом* лесу все было особенным, а воздух казался легким и пахучим.

Мы разулись и шли, помахивая обувью и носками – сушили их по возможности. Шишки и иголки тут почему-то под ноги почти не попадались, не то что у нас на Прорве, идти было приятно, и мы просто шагали рядом.

– Такое ощущение, – вдруг сказала Таня, – что близко река... Но до Цны еще ой сколько... Может, мы выходим к Ляде?

– Не может быть, – уверенно сказал я в ответ. – Мы не могли так ошибиться. Это просто потому, что в сосняке всегда так кажется.

– Может быть, – кивнула Танюшка и тяжело вздохнула, но ничего не добавила. А я не стал спрашивать. Ясно было, что ничего оптимистичного в ответ я сейчас не услышу.

А песок был теплым, сухим и сыпучим. Танюшка обогнала меня и вышагивала впереди – ушагала довольно далеко... и вдруг остановилась и как-то напряглась, а потом я услышал

ее голос:

– Ну, что я говорила – река...

Но голос у нее был странно неуверенный. И через секунду я понял – почему.

* * *

Сперва мне показалось, что мы стоим на высоком озерном берегу. Налетавший теплый ветер ерошил нам волосы, слева и справа метрах в десяти от наших ног лежала водная гладь. Но потом до меня дошло, что это не озеро, а *река* – непредставимо широкая, чудовищная река, чей противоположный берег терялся у горизонта... и мы стоим в том месте, где она делает петлю. Прямо перед нами – километрах в двух – лежал похожий на запятую лесистый остров, за ним разворачивался широченный, величественный изгиб плеса, красивого, как на фотках. Слева виднелись еще несколько островков – поменьше.

– Да это же Волга! – ахнула Танюшка и нагнулась вперед, отставив мягкое место, обтянутое джинсами. Я на это даже не обратил внимания. Во-первых, я с опаской смотрел на этот обрыв, стараясь держаться подальше (не терплю высоту!), – и мне хотелось оттащить Танюшку.

А во-вторых – до меня дошло, что мы видим.

– Тань, – я сглотнул. – Знаешь, что это? Это Ергень-река.

– Какая Ергень-река? – сбивчиво спросила Танюшка, на-

конец (уф!) выпрямляясь и делая шаг назад.

– Ергень-река, – повторил я. – Она текла на месте Цны... только была намного шире и полноводнее... В палеолите. Нам же говорили на географии.

– Не помню, – замотала головой Танюшка. – Мы что же, в прошлом?!

– Н-н... нет, не думаю, – решительно ответил я. – Просто в этом мире эта река уцелела... Какая она огромная!

– И красивая, – добавила Танюшка с теми же нотками восхищения, что звучали и в моем голосе. – Пойдем вдоль нее?

– Знаешь, Тань... – Я помедлил. – Нам лучше переправиться.

И подумал: чем больше препятствий будет между нами и теми – тем лучше. Полезней для здоровья.

– Переправиться?! – Таня удивленно оглянулась на меня. – Ты что, заболел?! Тут километра четыре!

– Да побольше, – прикинул я. – Но течение слабенькое. Построим плот...

– Чем? – коротко и язвительно спросила девчонка. Мне осталось только издать неопределенный звук. – А плаваешь ты...

– Как топор я плаваю, – поспешно добавил я, чтобы не давать Танюшке возможность пространно изложить мою характеристику как пловца. – Знаю. Значит, будем думать.

– Ой, смотри, Олег! – Таня отвлеклась от темы переправы. – Смотри, кто... это же мамонты!!!

Я повернулся в сторону, куда она вытянула руку, – и тоже лишился на какое-то время дара речи. Танюшка не ошиблась, хотя это было и невероятно. В каком-то полукилометре от нас на «нашем» берегу к воде подходили неспешно шесть огромных рыжих лохматых животных. Мы видели раскачивающиеся хоботы и загнутые почти в кольцо бивни. Передний мамонт оглушительно затрубил, откинув голову и подняв хобот. Мы с Танюшкой невольно шарахнулись назад, переглянулись и засмеялись.

– Наши слоны – самые лучшие, покупайте русских слонов! – сквозь смех процитировал я фразу из нового мультика «Следствие ведут Колобки», который мы видели недавно.

– А смотри, – полусерьезно добавила Танюшка, – выходит, и правда, Россия – родина слонов!

Я хотел сказать, что и не сомневался в этом. Но не успел.

Пока я – какую-то секунду – обдумывал, *что* вижу, Танюшка (еще раз подтвердив, что реакция у девочек быстрее, чем у парней) выкинула руку:

– Смотри! Это же... лодки!!!

До меня дошло, что это действительно лодки. Они вышли из-за острова: одна впереди, следом еще пять... шесть! Из-за дальности расстояния невозможно было понять, кто в них и сколько там людей. Танюшка схватила меня за плечо, и опять я опоздал понять – те шесть лодок настигли первую, окружили...

День был солнечный. Мы не могли – я уже сказал – уви-

деть людей, но зато увидели острые вспышки над лодками. Словно разбрызгивала искры электросварка, только беззвучно.

– Олег, это же бой, – выдохнула Танюшка. – Они убивают друг друга!

Я не ответил, только ощутил, как меня натянуло – словно трос натягивают на барабане.

Красив был этот речной плес, и зеленый, словно с картины, остров, и мамонты, и желтый песок пляжа правее нас, и небо над Ергенью, и лес позади нас.

И посреди этой красоты сверкали над лодками клинки. И, если приглядеться, можно было видеть, как падают в воду темные пятнышки...

Мы с Танюшкой окаменели. Я прижал ее ладонь у себя на плече своей рукой и даже не думал, могут нас заметить с воды или нет... и что будет, если заметят.

Кажется, это продолжалось не очень долго. На воде осталось четыре лодки – кажется, те, кого преследовали, сумели потопить две вражеские, но и сами пошли на дно. Уцелевшие развернулись и начали уходить обратно за остров.

– Ты все еще хочешь переправиться? – хриловато спросила Танюшка.

– Тань, надо, – ответил я, и Танюшка убрала руку с моего плеча. Вздохнула и неожиданно сказала:

– Надо... Пошли, спустимся на берег и будем искать плавник.

Если честно, я боялся спускаться на берег. В основном из-за мамонтов, а еще из-за того, что не знал, не засекут ли нас там. Но пока мы искали спуск, мамонты куда-то ушли, а лодки выскользнули из-за острова и растворились где-то в речной дали.

Тропинка не находилась, и мы, махнув на все рукой, съехали по песчаному обрыву, там, где он вроде бы не выглядел особо крутым. Съехали удачно, даже оставшись на ногах.

На пляже на нас навалилось чувство незащищенности. Горизонт отодвинулся, река казалась необъятной, а я вдруг с испугом сообразил, что обратно наверх – по крайней мере здесь – мы вылезти не сможем.

– Вон там плавник. – Танюшка указала на кучу примерно в трехстах метрах от нас. Там действительно лежала целая полоса обкатанных, выбеленных песком, водой, ветром и солнцем деревяшек. Наверное, прибило течением. Я пошел первым, размышляя, как и чем скреплять все это барахло. Ясно же было, что решать эти вопросы мне.

На этот раз я увидел то, что увидел, раньше Тани. И это, пожалуй, было хорошо.

За первым обглоданным белым стволом лежал человек.

Мокрый песок вокруг него почернел от крови...

...Танюшка повела себя спокойно и выдержанно. Она,

правда, поднесла к губам ладонь, а глаза расширились. Но вопрос, который она задала, был деловитым и быстрым:

– Он жив?

– Не знаю... – замялся я. – Это парень с одной из тех лодок, наверное...

Мальчишка был чуть постарше меня. Он лежал ничком, неловко вывернув левую руку; правая пряталась под туловищем. Хотя лицо и было повернуто в нашу сторону, мы его не видели – светло-русые мокрые волосы, очень длинные, скрывали его полностью. Из одежды на мальчишке были явно самодельные, с грубым швом, кожаные штаны – и то ли напульсники, то ли небольшие брассарды на обеих руках, тоже из толстой кожи, с металлическими заклепками.

– Он ранен, Олег. – Танюшка чуть присела. – Ему надо помочь!

– Да, конечно. – Я решительно шагнул вперед. У меня был охотничий опыт, а крови я вообще никогда не боялся; в походах нам приходилось иметь дело с травмами и ранами своих же товарищей. Танюшка присела рядом со мной, но по другую сторону тела.

– Он дышит, – сказала она. Побледнела – это я заметил. Кажется, и я – тоже; одно дело – распоротая стеклом пятка или порез ладони, а другое – ранение, от которого кровь пропитала песок. – Олег, как же он доплыл?!

– Помоги перевернуть, – вместо ответа сказал я и подсунул руки под грудь и живот мальчишки. По мне прошла

дрожь – правая рука попала в липкое и горячее.

– А-а-а... – однотонно и почти музыкально простонал мальчишка. Сцепив зубы, я подал тяжелое тело на Танюшку, а она осторожно уложила его спиной на песок. И, охнув, отвернулась. А я не успел, да и нельзя было, коль уж взялись помогать.

Мальчишке распороли живот. Рана была широкой и кровоточила из-под ладони, которой он наплотно ее зажимал.

– Вот ведь... – Я с усилием проглотил кислый комок. Странно, в свои четырнадцать лет я умел потрошить и свежевать добычу... Но распоротый *пацан* – это совсем другое дело.

– Тань... – успел сказать я и, отвернувшись, рухнул на четвереньки, после чего не по-хозяйски распорядился съеденным утром завтраком. Потом стоило немалого труда заставить себя повернуться. – Тань, мы ничего не можем сделать. Он, кажется, в печень ранен... – Я отплюнулся блевотиной.

– Я вижу. – Танюшка взяла обеими руками свободную ладонь мальчишки, потом убрала с его лица волосы. И я увидел, что его глаза – серые с золотистыми точками – открыты. Зрачки мальчишки были расширены, губы побелели. Шевельнулись... зубы ало поблескивали от крови. – Мальчик, – это прозвучало глупо, – ты живой?

– Он может не понимать русского. – Не скажу, что мне было жаль незнакомого парнишку, но что-то такое давило в груди. Неприятное и непонятное.

– Наши... – Белые губы зашевелились снова. – Русские... рус... ские... – Он, словно слепой, пошарил свободной рукой, наткнулся на коленку Тани и сжал ее. – Я... ум...мираю...

Он вытянулся на песке. Вздрогнул длинно. Глаза странно *остыли*, рука упала с Танюшкиной ноги на песок – бесшумно. Вторая рука тоже сползла, открыв рану, но та уже не кровоточила.

Я подумал еще раз, как он мог плыть с такой дырой.
Танюшка заплакала навзрыд.

Белый снег,
Серый лед,
На растрескавшейся земле...
Покрывалом лоскутным на ней —
Город в дорожной петле...
А над городом плывут облака,
Закрывая солнечный свет.
А над городом желтый дым...
Городу две тысячи лет,
прожитых под светом звезды
по имени Солнце...

И две тысячи лет —
Война!
Война без особых причин.
Война – дело молодых,
Лекарство против морщин.

Красная-красная кровь
Через час – уже просто земля,
Через два – на ней цветы и трава,
Через три она снова жива
и согрета лучами звезды
по имени Солнце...

И мы знаем,
Что так было всегда,
Что судьбою больше любим,
Кто живет по законам другим
И кому умирать молодым...
Он не помнит слова «да» и слова «нет»,
Он не помнит ни чинов, ни имен,
Он способен дотянуться до звезд,
Не считая, что это сон,
и упасть опаленным Звездой
по имени Солнце...⁴

Мы с Танюшкой похоронили неизвестного русского мальчишку тут же, под берегом. Оттащили его туда... Сперва я потащил за ноги, но Танюшка вдруг закричала, продолжая плакать, что я фашист и зверь, что она меня ненавидит, и, не переставая всхлипывать, перехватила тело под мышки и помогла дотащить так, чтобы не моталась голова. Я нашел плоский камень и выцарапал на нем одним из метательных ножей:

⁴ Группа «Кино».

Неизвестный мальчик, русский

примерно 15 лет

Погиб

– Таня, какое сегодня число?! – окликнул я девчонку, что-то искавшую дальше по берегу. Она отмахнулась. Я сосредоточился, припоминая... и вдруг с испугом понял, что не помню этого, сбился!!! Двадцать шестое?! Двадцать седьмое?! Двадцать пятое?! Кажется, двадцать шестое... Я выцарапал дальше:

26 июня 1988

Танюшка принесла охапку какой-то травы. Сказала, глядя в другую сторону – на реку.

– Вот... это чтобы песок не на лицо...

...Я обрушил часть берега и положил сверху камень. Какие-то обрывки мыслей и слов крутились каруселью в мозгу, как осенние листья, вскинутые ветром. Песок был сырой, но сох на глазах, становясь не отличимым от общего фона

берега.

Вот и все.

– Олег, извини, – попросила Танюшка, – я гадости тебе кричала...

– Ничего, – коротко отозвался я.

– Обними меня, пожалуйста, – жалобно сказала она, – мне страшно.

Я положил левую руку ей на плечи. Не обнял, а именно положил, без каких-то мыслей. Да и Танюшка, похоже, ни о чем не думала, кроме того, чтобы найти хоть какую-то защиту от страха.

– Мы умрем здесь, Олег. – Ее плечи вздрогнули.

– Нет, – со всей возможной твердостью ответил я. – Нет, Тань. Пошли строить плот. Мы умрем, если будем сидеть сложа руки.

– Да, конечно. – Танюшка встряхнулась – и физически, и морально. – Пошли.

* * *

Ни я, ни Танюшка никогда в жизни не строили плотов, хотя в теории знали, как это делается, да еще и не одним способом. Дело осложнялось тем, что у нас не было инструментов или хотя бы веревок, и мы вынуждены были поступать, как поступали, наверное, самые-самые первобытные люди – сплетать ветви отдельных стволов и надеяться, что эти креп-

ления не развалится посреди реки. Меня это особо беспокоило. Я работал и представлял себе, как где-нибудь на полпути к острову все это сооружение разъезжается – и...

Беспокоило даже не столько то, что я утону, сколько то, что я *позорно* утону *на глазах* у Танюшки.

После этого останется только сгореть со стыда. Не вполне, правда, понятно, как это осуществить, если я утону...

Сплетала ветки Танюшка – уже в воде, стоя в ней по колено, – а я таскал подходящие деревяшки и поглядывал по сторонам. Плавник отлично держался на воде и, хотя плотно подогнать ствол к стволу не удавалось, становилось ясно, что, если не случится ничего особенного, мы, пожалуй, переплывем Ергень. Часа за полтора-два.

Напоследок я нашел две относительно прямые, но разлапистые на концах ветки – а Танька наскоро переплела эту разлапистость, чтобы обеспечить хотя бы минимальный гребной эффект.

– Можно сесть, спустив ноги в воду, – предложила она, но я помотал головой:

– Нет, эта халабуда и так еле пойдет, а тут еще мы тормозить будем.

Опять-таки я не признался, что просто боюсь сидеть, спустив ноги в глубокую воду, – в голову сразу начинала лезть всякая чушь про осьминогов и акул... хотя, казалось бы, откуда им тут взяться – в реке?

Мы сняли брюки, разулись и умостили одежду, одеяла и

оружие на поднимающихся повыше ветках. Танюшка усе-
лась на носу; я толкнул плот подальше и, забравшись на
него сам, взял второе весло.

Конструкция «ходила» под нами, что и говорить. Но я
успокаивал себя тем, что скандинавские драккары тоже не
сколачивались, а «сшивались» сосновыми корнями и еще
как «ходили»... а как ходили?! Только драккары не были так
неповоротливы на плаву – нас сносило втрое быстрее, чем
мы продвигались вперед, вынося на плес, за остров. А мне
почему-то не хотелось там оказаться.

...Странный – визгливый и ухающий – звук разнесся над
рекой, разбилась об остров, вернулся эхом: «Вип-випа-а-а!!!»
Мы обернулись (лодка бы точно перекинулась!), и Танюшка
сдавленно пискнула, указав в сторону покинутого нами бе-
рега.

Там, где мы стояли, когда вышли на берег, чернели
несколько плохо различимых, но все-таки явно человече-
ских фигур. Одна поднесла к лицу длинную трубу...

«Вип-випа-а-а!!!» – взвизгнуло над рекой.

– Это за нами, – сказал я. Странно, но большого страха
я не ощущал, скорее – острое волнение, как во время игр в
войну два года назад. – Гребем, Тань.

Грести мы оба умели, но «весла» досадно и раздражающе
проскакивали в воду, почти не увеличивая скорости плота.
Точно – нас выносило на плес... но и берег становился чуть-
чуть, а ближе. Я оглянулся снова. На мысу никого не было, но

спокойней мне не стало. Теперь я точно знал: неизвестный враг нас выследил.

Возле острова течение резко – почти пугающе – убыстрилось. Мы бросили грести, глядя на обрывистый берег, из которого торчали древесные корни. Деревья нависали над нашими головами, но что там еще – на острове, – понять было невозможно.

– Башня, Олег! – выкрикнула Таня. На нас упала *ледяная* тень, я в самом деле увидел над берегом приземистую каменную башню... но уже в следующий миг она пропала из виду.

На плес нас вышвырнуло с почти ракетной скоростью. Тут оказалось чудовищно мелко – я загреб и достал дно! Вода была очень прозрачной, и мы буквально обалдели, увидев, сколько под нами ходит рыбы и каких размеров она достигает! Я плохо разбирался в рыбах, Танюшка – немногим лучше меня, но что до величины – даже если учесть, что под водой все кажется больше, то все равно: тут ходили чуть ли не метровые рыбины! Потом они все как-то неспешно разошлись в стороны, и Танька сказала:

– Ого.

В самом деле – «ого». Мимо плота проскользила «будка» с телевизор размером, за которой волоклись два кнута усов. Сом имел в длину метров десять, не меньше! Я окаменел на своем месте, даже не в силах потянуться за наганом, и сидел так, пока вода не потемнела вновь да Таня не окликнула:

– Чего ты не гребешь?

Я поспешно заработал веслом.

На берегу, к которому мы все-таки приближались, из кустов вылезло к воде пить какое-то здоровенное животное. У меня было всегда хорошее зрение, и я мог бы поклясться, что это был шерстистый носорог! А что – если тут есть мамонты...

– Как думаешь – попаду? – нарушила ход моих размышлений Танюшка. Она положила «весло» себе на колени и держала в одной руке аркебузу, а в другой – пулю. Резинка ее плавок сползла чуть вниз, и я не без труда сообразил, о чем она говорит. Рядом с плотом – совсем близко – держала курс большая и невозможно надменная щука.

– Целься ниже, – предложил я. Охотиться Танюшка не любила, но рыба – другое дело... а голод – не тетка и не дядька. Она ловко зарядила оружие и прицелилась, как я ее учил, когда мы стреляли из моей «мелкашки». Аркебуза упруго и сильно шелкнула, коротко бухнула – не булькнула даже! – вода... и всплыла щука. Череп у нее был пробит, рыба делала судорожные движения, но, прежде чем она ушла вглубь, Танюшка с торжествующим воплем цепко ухватила добычу за хвост и, беспощадно насадив на один из сучков, повернулась ко мне с видом удачливого сорокопута-жулана:

– Ты видел?! – ликующе спросила она, и я улыбнулся в ответ:

– Видел, видел...

– Так, ты греби, – деловито достала Танюшка свой нож, – а

я ее сейчас прямо... чтобы сразу, как пристанем, а консервы сэкономим.

— Ладно, ладно, — согласился я. Танюшка, что-то мелодично напевая, занялась рыбой, выкидывая отходы прямо в реку. Судя по всему, она вполне освоилась, а я, если честно, с каждой минутой все больше мечтал добраться до берега.

— Мы ее запечем в глине, — строила грандиозные планы Танюшка. — Жаль, что соли нет, но ничего, воспользуемся золой... и будет вкусно... оп! Нет, все-таки я очень меткая — с первого выстрела и наповал, только булькнуло... На животных охотиться противно, что бы ты ни говорил, а тут здорово...

Она еще что-то говорила. Но я, если честно, отключился. Я напряженно обдумывал вопрос: почему те люди — на обрыве — трубили? Просто так? Да нет, если я что-то вынес из прочитанных книжек — они подавали сигнал...

Наверное, все-таки есть в мире какие-то злые силы, внимательно следящие за тем, что мы думаем и чего боимся. Иначе никак нельзя объяснить случившееся дальше.

Меня словно подтолкнули — я обернулся и обмер. За нами шла лодка — наверное, выскочила из-за того же острова и быстро нас нагоняла, между нами было метров двести, не больше! И лодка шла очень быстро — длинная, узкая, с высоким носом, украшенным каким-то развевающимся бунчуком. Весла мелькали слева и справа, как лапки у бегущей по воде водомерки.

Там – на лодке – увидели, что я оглянулся, и до нас донесся визг и вой. Такие, что я взмок от холодного пота, – казалось, что в лодке сидят не люди, ничего общего с человеческими криками гнева или ярости эти голоса не имели. Сидящие в лодке махали оружием – снова блестело солнце на клинках.

Я посмотрел на Таню. Щуку она насадила обратно на ветку и была бледна, как снег. Губы у нее шевелились. Наверное, она думала, что говорит со мной, но я ничего не слышал. – Тань, – услышал я свой голос, – наган, быстро.

И, протянув руку, снова повернулся в сторону лодки.

Теперь я видел, что на носу у них – не бунчук.

Это была человеческая голова – высохшая, с развевающимися длинными волосами.

В лодке было не меньше десятка странных существ. Тощие, полуголые, они были похожи на негров и казались выходцами со страниц «Копей царя Соломона». Даже сейчас мне в голову пришло именно книжное сравнение. Негры... или кто?... потрясали круглыми щитами, ятаганами и короткими копьями с массивными наконечниками.

«Откуда тут негры? – рассеянно подумал я, беря револьвер, – ребристая рукоятка была теплой и влажной от девчончьей ладони. – Ой, как они орут, даже противно...»

Страх куда-то ушел, словно в сторону шагнул и смотрит, дрожа, на то, как я действую.

– Тань, – попросил я, – постарайся, чтобы плот не качало.

– Хорошо, – очень спокойно ответила она. Я с усилием взвел курок, подумал, что не проверял револьвер и будет очень интересно, если патроны испортились...

До лодки оставалось метров сто. Я видел, что лица гребцов закрыты деревянными раскрашенными масками, украшенными перьями.

«Откуда тут негры?» – снова подумал я и крикнул – глупо, наверное, но...

– Поворачивайте! Я буду стрелять!

В ответ понесся визг и скрежет.

Словно воочию я вновь увидел рану в боку мальчишки. И понял – отчетливо понял! – что нас убьют. Обоих.

Если я не убью их.

Я положил ствол в развилку одной из веток и устроился максимально удобно. Руки у меня дрожали – но они точно так же дрожали у меня и перед стрельбами на соревнованиях.

– Назад! – крикнул я и сам удивился своему голосу – злому и отрывистому. Похожему на короткий лай.

Негр на носу поднялся в рост, прикрываясь щитом и отводя правую руку, в которой блеснул длинный нож.

Я задержал дыхание и нажал спуск.

«Трах!» – подпрыгнул револьвер.

Негр вскинулся, взмахнул руками и полетел в воду. Маска с него сорвалась, и то, что я увидел, не было человеческим лицом.

Никакой это был не негр. А кто такой – или что такое, – я предпочел не думать.

Крики смолкли тут же. Лодка резко развернулась и по-мчалась обратно – сидевшие в ней даже не попытались по-добрать плавающего лицом вниз товарища.

– Убил, – сказала Танюшка. Я дернул плечом, открыл шторку барабана и перезарядил камору. Горячая гильза увесисто булькнула в воду. – Олег, ты его убил.

Руки у меня не дрожали.

Тело убитого колыхалось в волнах.

– Тань, надо грести. – Я повернулся, сунул револьвер в кобуру и тщательно ее застегнул. У Танюшки зелень выступила даже вокруг рта. – Надо грести, – повторил я.

* * *

Я постарался оттолкнуть плот от берега. Танюшка выплясывала на берегу, поспешно одеваясь и бросая взгляды на реку. А у меня кружилась голова – позорно кружилась, но мне было так плохо, что я не боялся этого. За все свои четырнадцать лет в обморок мне падать еще не приходилось, а вот поди ж ты... Не помню, как я оделся, – перед глазами снова и снова вставал стоп-кадр: падающий в воду не-негр, которого я убил. Я твердил себе снова и снова, что эти существа убили бы нас, не выстрели я, но лучше не становилось. «И чего меня так развезло, – вяло думал я, – сперва-то все

хорошо было?..»

— Олег, тебе плохо? — встревожилась Танюшка. Я кивнул — просто уронил голову. — Из-за *этого*? Олег, они бы нас убили, ты же нас спас!

— Да знаю я все это, Тань. — Я буквально заставлял себя одеваться. — Все равно плохо... Да ладно. — Я приказал себе встряхнуться. — Пошли, я разойдусь.

И все-таки заставил себя бодро зашагать впереди Танюшки вверх по склону — к лесу.

* * *

Этот берег Ергени зарос почти исключительно дубами — невысокими, но чудовищно крепкими. Только изредка встречались островки высоких стройных ясеней да на полосах луговин — словно кто-то прочесал лес чудовищными граблями — росли высокая сочная трава и кусты орешника. На одной из опушек Танька нашла невесту каким чудом выросшие в конце июня белые — семь штук, крепких и нечервивых.

Давно уже надо было остановиться, но мы шли и шли, пока солнце не село за деревья окончательно. Тогда мы, не сговариваясь, молча улеглись под «первый попавшийся» дуб, спина к спине, и как-то сразу уснули, выключились...

...Помню, что мне снилась мама, и я проснулся, захлебнувшись слезами. Лицо у меня было мокрое. Наяву я уже

года два не плакал, даже если было больно, обидно, страшно или трудно, да и спал давным-давно спокойно. Но сейчас мне не было стыдно, и я, уже проснувшись, еще какое-то время тихо всхлипывал, пока сон уплывал все дальше и дальше.

Солнце почти село, было полутемно. На краю прогалины несколько оленей щипали траву. Когда я приподнялся, они разом вздернули головы и неспешно удалились в лес.

Танюшка стремительно села, вытаращив глаза. Кажется, она даже хотела закричать: то ли ей тоже что-то приснилось, то ли она меня не сразу узнала. Но потом, поморгав, спросила:

– Ты что, плакал?

– А что, похоже? – Я сыграл удивление. – Нет, это со сна глаза красные... Нельзя спать на закате... Тань, ты едой займись, а я пойду дрова поищу.

– Правда, есть хочется. – Она потерла живот. Кажется, поверила... – Еще знаешь чего хочется? Вымыться... Ладно, я займусь едой...

...Хвороста тут хватало, как в любом некультуренном лесу. Я приволок здоровенную охапку, а под мышкой – сухое деревце.

Консервы опять удалось сохранить. Больше того – на опушке Танька нарыла соль, там оказался солонец. В котелке она сварила рыбу, грибы пожарила на манер шашлыка, и довольно скоро мы ужинали.

– Я тебе готовлю, ты меня защищаешь, – негромко произ-

несла Танюшка. Я вскинул на нее удивленные глаза. Девчонка смотрела в огонь задумчиво и отстраненно. – Может быть, так все и должно происходить? – Она посмотрела на меня. – Завтра я тебе постираю, только ручей найдем подходящий.

– Постираешь? Мне? – Мне сделалось смешно. – Вот спасибо...

– Я серьезно, Олег, – сказала она. – Я же говорю: сейчас, хоть мы в ужасном положении, но, наверное, все, как должно быть: я стираю и готовлю, ты охотишься и защищаешь... – Она улыбнулась и безо всякого перехода тихонько запела...

А хочешь, я выучусь шить?

А может, и вышивать?

А хочешь, я выучусь жить,

И будем жить-поживать?

Уедем отсюда прочь,

Оставим здесь свою тень.

И ночь у нас будет ночь,

И день у нас будет день.

Ты будешь ходить в лес

С ловушками и ружьем.

О, как же весело здесь,

Как славно мы заживем!

Я скоро выучусь прясть,

Чесать и сматывать шерсть.

А детей у нас будет пять,

А может быть, даже шесть...

И будет трава расти,
А в доме – топиться печь.
И, господи мне прости,
Я, может быть, брошу петь.
И будем как люди жить,
Добра себе наживать.
Ну хочешь, я выучусь шить?
А может, и вышивать...⁵

* * *

Сорока надоедливо стрекотала, перелетая с ветки на ветку. Она нагло держалась левее нас, на постоянном расстоянии в десять метров. Словно оповещала, негодяйка: люди идут!

Люди и правда шли. Точнее, мы не шли, а в основном прыгали. С кочки на кочку. С коряги на корягу. Некоторые опоры под ногой тонули... Рекорд поставила Танюшка, провалившись по бедра.

И откуда только тут взялось это чертово болото?! Деревья стояли голые, вымороченные, только у некоторых на самых верхушках сохранились зеленые метелки. Душила влажная жара, но, если нога проваливалась глубже, то ее тут же охва-

⁵ Слова и музыка В. Долиной.

тывал ледяной холод. Казалось, стылые иголки колют сквозь обувь и носок.

— Ну, сволочь... — процедил я сквозь зубы в адрес сороки. Глаза заливал пот, но я увидел, как она насмешливо покачала хвостом и принялась за свое. — Пристрелю гадину... Тань, ты как?

— Нормально, — пропыхтела она. — Шесты надо было срубить.

Я промолчал. Это был мой недосмотр. Опасный, хотя болото вроде бы не было глубоким. Не успел я об этом подумать, как впереди показалась широкая зеленая полянка с цветами.

— Да уже кончается, — уверенно сказал я и, почувствовав, как подо мною начинает тонуть очередная коряга, красиво прыгнул на лужайку.

Я не знал, что такое «бездонное окошко».

Помню, что раньше всего я ощутил *холод* — и это было ужасно. Словно меня схватил за грудь ледяной огромный кулак и почти выдавил из меня жизнь. Над поверхностью у меня остались плечи, руки, которые я инстинктивно выбросил в стороны, и голова. Танюшка смотрела на меня удивленно, настолько быстро все произошло... но удивление сменилось ужасом. И она бросилась вперед с криком:

— Оле-ег!!!

— Не... подходи, — вытолкнул я, взяв руками с растопыренными пальцами по жиже, а она проваливалась, распол-

залась, и что-то жуткое, неотвратимое понемногу втягивало меня глубже. Я не испугался, нет, потому что не получалось представить, что я могу умереть. Точнее, ужас был, но этот ужас шел от моей фантазии, питавшейся прочитанным и увиденным. Я в подробностях представлял себе, как утону... и не верил, что утону именно я.

Это не над моей головой сейчас сомкнутся водоросли.

Это не я еще сколько-то буду жить, опускаясь в ледяную глубину и глотая густую жижу в попытках дышать.

Это не я!!!

Танюшка бросала мне ремень корды – самое длинное, что у нее было, – лежа на животе и вытянувшись в струнку. Ей не хватало полуметра – я всегда хорошо прыгал...

Жижа коснулась моих губ – я отплюнулся, поводя руками.
– Оле-е-ег!!! – снова закричала Танюшка.

– Ма-ма-а!!! – закричал и я – и захлебнулся. Жижа закрыла глаза, но сквозь нее я еще видел, *видел* размытый круг солнечного жара, и мои руки, остававшиеся наверху, ощущали живое тепло...

По пальцам что-то ударило, и я вцепился в это что-то. Схватился другой рукой – а через миг меня с натугой, но сильно выдернуло на поверхность.

Вместе с Танюшкой длинную лесину тянул крепкий бело-брысый парнишка – грубая кожаная куртка была распахнута и стянута странно знакомым ремнем, вельветовые серо-зеленые штаны подвернуты до колен, босые ноги – в грязи. На

поясе парня висел кинжал-дага, почти как у меня, и даже странно, как я в один миг это все заметил... А в следующий миг второй рывок выволок меня на сушу, где я и остался лежать на животе, хватая воздух широко открытым ртом, а Танюшка тормошила меня и трясла...

Я рывком перевернулся на бок. Парень, с размаху плюхнувшийся рядом на пятую точку, грязной рукой отбросил со лба замусоленные пряди и улыбнулся.

– Не может быть!.. – прохрипел я.

– Может, – сказал Сережка Земцов. – Может, Олег... Привет.

* * *

Наверное, наступает предел, за которым удивляться просто не получается. Реки, мамонты, жуткие твари в масках, башни, скелеты, оружие... Теперь вот еще – наш (точнее – мой старый, а Танюшкин недавний, но верный) друг, обросший и дико одетый. Ну и что? Он же меня спас...

Но все-таки, оказывается, можно удивляться и дальше. Сергей, ничего не рассказывая, только таинственно посмеиваясь, провел нас через болото, потом мы протиснулись чуть ли не ползком густющим сумрачным ельником... и он завопил весело:

– Ленка! Встречай, я не один!

– Ленка здесь?! – ахнула Танюшка. Но навстречу нам из

кустов уже выскочила босая девчонка в спортивных брюках и майке, темноволосая и синеглазая, они с Танькой бросились обниматься.

Я плыл по течению уже абсолютно, думая только о том, как немного сполоснуться от грязи, подсыхающей на мне, а потом прилечь. Мозги ворочались со скрипом. Сергей за плечо протасил меня через кусты, и мы оказались в начале тропинки, спускавшейся к большому навесу-шалашу, возле которого горел костер. Оттуда бежали ребята и девчонки – галдя, смеясь и размахивая руками. Это были мои друзья – порядком заросшие, обтрепавшиеся, но несомненно они!

– Все здесь? – отстраненно поинтересовался я, с великолепным равнодушием созерцая эпическую картину.

– Вас не хватало, – пожал плечами Сергей. – Мы-то думали, что хоть вам повезло...

– И давно вы здесь? – спросил я. Сергей недоуменно посмотрел мне в лицо:

– Да ты что, Олег? Мы же скоро месяц, как пропали *оттуда*.

Рассказ третий

Чужая война

*И не вырваться, не скрыться —
Мир прилип к холодной грани,
И смеются наши лица
На заплаканном экране...*

Из книги С. Лукьяненко «Лабиринт отражений»

Кирсанов – небольшой город. Пропажа даже одного подростка для него – печальная сенсация. Но если одновременно пропадают *двадцать пять* ребят и девчонок?!

И даже не это самое интересное. А самое интересное, что мы общались почти ежедневно с «пропавшими». Весь тот месяц, пока они находились, по их собственным уверениям, *здесь*.

А они оказались здесь в один день и почти в одном месте – только Сашка и Наташка Бубненковы проплутали два дня да Колька Самодуров, которого «прихватило» на охоте, – шесть. (Кстати, у него с собой оказалась его чешская «вертикалка» 12-го калибра с солидным запасом патронов.) В этом конкретном месте они находились уже три недели; неподалеку отсюда в полуобвалившейся избушке нашли склад отлично смазанного холодного оружия...

...Водопад новостей вывалился на нас вечером, у костра. Я почти с нежностью рассматривал знакомые рожи, испытывая невероятное облегчение – даже прислушиваться начал не сразу, настолько велико было блаженное обалдение; мы все-таки нашли «своих», да еще каких!

Правда, помочь с возвращением они нам не могли. У них был ворох гипотез (половина – Санины, чьи ж еще?), но не имелось ни единой, в достоверности которой был бы уверен хотя бы сам ее автор.

Настоящая буря поднялась, когда Танюшка сообщила, что никуда они не пропадали, цветут и пахнут возле родимых семей в славном Кирсанове, и не ищут их ни милиция, ни школа, ни родители, ни КГБ, ни друзья...

А меня как раз тут и ошарашило...

...что и нас НИКТО НЕ ИЩЕТ!!!

Я даже не сразу осознал эту дикую информацию. Но я помнил, например, как тот же Колька вернулся «с браконьерки» и похвастался дюжиной уток. А на следующий день мы виделись в школе!!! Да и остальные...

Но это значит, что мы с Танькой сейчас сидим в «Севере»... или гуляем по Кирсанову... или пьем сидро с бутербродами у меня на веранде...

И остальные, может быть, тоже с нами.

Там.

И здесь.

Я помотал головой, открыл рот и сказал почти отчаянно:

– Послушайте, ребята!..

– За что ты мне нравишься, Олег, – нарушив долгое молчание, сказал Игорек Северцев, – так это за умение всегда внести нужную ноту в разговор. Как дубиной по затылку.

– Замолкни, Север... – процедил Вадим.

– Да что изменится от того, что я замолкну... – Игорь махнул рукой с серебряной «печаткой» на безымянном пальце. Кстати, его одежда сохранилась едва ли не лучше, чем у всех остальных, – Север всегда предпочитал купленную у фарцовщиков хорошую кожу.

Снова посыпались идеи – в основном заимствованные из научно-популярной фантастики разного уровня. Но сейчас в голосах – вот идиотизм, да?! – отчетливо звучало облегчение. Все беспокоились за родителей, а теперь выходило, что и незачем вроде бы...

Этот галдеж перебил Арнис. Он поднялся и обвел всех внимательным взглядом, после чего с легким акцентом сказал, разделяя слова:

– Да вы что, не понимаете?! Мы ведь теперь не сможем вернуться домой! Даже если будет возможность!

– Почему?! – изумилась Ирка Сухоручкина.

– Да потому, – вмешался Олег Крыгин и, подняв голову, посмотрел вокруг. – Потому что там уже *есть* мы. *Мы. Есть.* Друг у друга, у наших родаков и тэ дэ и пр.

Вновь воцарилось молчание. Гробовое. В этом молчании отчетливо переваривалась идея, оформившаяся около кост-

ра.

– Я все равно хочу домой, – вдруг сказала Ленка Черникова. И захлюпала, закрыв лицо руками. У сидевшей рядом Наташки Мигачевой сделалось хмурое лицо, губы припухли. Я видел, что и Игорек Свинков – Бэн – заморгал, потом отвернулся. Андрюшка Соколов подался к Наташке, взял ее за руку...

– Да ну, ерунда, не может этого быть, – задиристо и почти зло сказал Игорь Мордвинцев. – Чушь, бредятина...

– Чушь, потому что тебе страшно про это думать? – спросил Вадим. Он не поднимал глаз от огня.

– Заткнись! – Игорь вскочил, но его рывком усадили на место.

– Еще и негры какие-то, – уныло подвел итог Колька Самодуров. – Месяц мы тут сидим, и никаких негров не видели...

– Они не негры, – буркнул я. – Похожи телом – длинные, тощие... А лица... нет, морды... – Я махнул рукой.

– Это еще ерунда... – подала голос Танюшка, сидевшая рядом со мной. – Вы, ребята, может, на нас сейчас наезжать будете... Но знаете – эти твари за нами шли по следам. Мы только за рекой от них оторвались.

– За Ергенью? – спросил Вадим.

Я осведомился:

– Догадались, что это Ергень?

– Догадались... Еще чище... Сань! – Вадим поднял нако-

нец голову. — Похоже, надо менять место.

— Да подождите же! — закричала Ленка Власенкова. — Подождите! Я что-то не поняла — домой как?!

— Никак, — буркнул Арнис, втыкая в землю между ног длинный нож с темной деревянной рукоятью.

А Олег Крыгин добавил:

— Да пойми ты, дуручка. — Ленка слушала его, открыв рот, даже не обиделась на «дуручку». — Нечего нам там делать.

Мы — и есть — там. Уяснила?

— Так что делать-то?! — крикнула Ленка. Он развел руками.

— Да ошибся Олег, и Танька ошиблась, — снова подал голос Игорь Мордвинцев.

Танюшка фыркнула, а я спокойно ответил:

— Не ошибся я, Игорек. Я с тобой за день до того, как мы сюда попали, ходил на тренировку по мелкашке.

— Как я отстрелялся? — глупо спросил Игорь. Я переждал несколько нервный хохот и серьезно ответил:

— Ничего. Но я лучше.

— Кто бы сомневался, — вздохнул Игорь.

Я посмотрел на него и добавил:

— Вот именно — кто бы.

— Давайте подойдем к этому математически, — заявил Сая. — Дано: двадцать семь несовершеннолетних. Не алкашей, не идиотов — и вообще выше среднего. Задача: остаться в живых. Неужели не решим?!

– Шпаргалок не запасли, – не без яда ответил Олег Фирсов. Он вообще сидел какой-то пришибленно-непохожий на себя.

– Учить надо было лучше, – отозвался Санек.

– Кто бы говорил, – не остался в долгу мой тезка, но не стал углублять и расширять конфликт.

Опять начался общий беспредметный спор, в котором я не участвовал и от которого очень устал. Я поднялся и незаметно отошел в сторону – метров на пятьдесят, почти к самому ельнику наверху склона. Первое, что я там, впрочем, сделал – очень неэстетично, – это помочился на одну из елок. Меня почему-то разобрал смех, когда я вспомнил, как эти дни пользовался листьями подорожника вместо туалетной бумаги. Но смеяться как-то расхотелось, когда я подумал, что, наверное, теперь мне до конца жизни придется ими пользоваться. А зимой? Елы-блин-те-палы...

Я загрустил, глядя в звездное небо. Потом немножко встряхнулся, сообразив, что один плюс в этом есть – ни мама, ни дед с бабушкой не волнуются: не пишут заявлений в милицию, не бегают по улицам...

А что им бегать, если Олег – вот он? Никуда не делся... Меня пробрало холодком, когда я это подумал. Как же такое произошло?! И что мне... нам теперь делать?!

– Олег.

Я обернулся и узнал по фигурам и походке Вадима и Андрюшку Альхимовича. Сзади шел Сергей. Я не удивился –

где-то на подсознательном уровне во мне жила уверенность, что настоящий разговор еще впереди и разговаривать будем именно мы: Вадим – расчетливо-обстоятельный, чуть себе на уме, чуть ироничный; Андрюшка – решительный, храбрый, лучше других разбирающийся в дикой природе; Сергей – веселый, быстрый в решениях, задиристый и остро чувствующий...

И я. Как ни крути, если честно – самый эрудированный в компании и больше других увлекающийся историей.

Мы почему-то смутились и обменялись «приветами» – словно встретились после десятка часов «разлуки» возле чьего-нибудь дома. Только они далеко – наши дома...

И все-таки Саня был в одном прав. Мы «выше среднего». И мы приучили себя принимать решения и достигать цели, еще когда играли в войну несколько лет назад – в том возрасте, когда большинство ребят просто не понимают значения слова «ответственность».

– Шумят? – кивнул я в сторону костра.

Вадим кивнул:

– Шумят, а что еще... Что дальше делать будем?

Вопрос был задан деловито, а не растерянно.

Сергей хмыкнул:

– Да уж не гипотезы строить, как мы сюда попали. И не как вернуться домой.

– Домой вообще-то хочется, – возразил Андрей, сунув руки в карманы «афганки». – Но делать там, похоже, нам нече-

го. Если только сердечный срыв родителям обеспечивать, но мы и так на этом фронте немало постарались... Извини, Вадим.

– Ничего, – ответил тот. Его родители – отчим и мать – умерли; мать – не так давно. – Ты, Олег, говоришь – твари какие-то. Они правда опасные?

– Я убил одного, – ответил я и вздрогнул от воспоминания. – Если ты думаешь, что это я просто так, то ты плохо думаешь... А тех, в лодке, они перебили на наших с Танькой глазах. Да и других ребят тоже, скорее всего, убили они.

– Вот еще загадка, – заметил Вадим. – Что за ребята? Русские, англичане...

– погоди, – прервал его я. – Давайте решать проблемы...

– ...по мере их поступления, – добавил Сергей.

Я кивнул энергично:

– И первым делом я бы отсюда ушел. Не хочу, чтобы меня ночью зарезали. Но ведь не уговоришь никого... Как вам пришло в голову оружием-то запастись?!

– Просто из интереса, – признался Вадим. (Он вообще не любил холодного оружия, где уж до моего фанатизма.)

– Охотитесь с Колькиным ружьем?

– Бережем, – ответил Вадим. – Мы два арбалета нашли и пули... То есть не арбалеты, а эти... аркебузы.

– Из ружья только дважды стреляли, и оба раза в каких-то ненормальных коней, – добавил Сергей. – Зубы – как у волка, а так – конь конем.

– Нет, на нас звери не нападали, – заметил я. – Только эти... Хотя, – добавил я, – если честно, не заметил большой разницы.

– Вообще говоря, у нас же есть опыт автономного существования, – задумчиво сказал Андрюшка. – И разве мы не отряд?

– Отряд. – Сергей кивнул. Кивнули и мы с Вадимом.

Это было правдой. Большинство из нас дружили с детства. Но и появившиеся позднее хорошо вписались в команду. Мы все были друзьями, и этим все сказано.

И сейчас наша дружба была нам нужна больше, чем когда бы то ни было, – вокруг нас лежал опасный и враждебный мир. Похоже, нам предстояла тяжелая борьба за существование.

И я выразил все эти мысли словами:

– Я очень рад, что нашел вас, ребята.

* * *

– Даже если они и следили за вами – через болото им нахрапом не пройти, – уверенно сказал Андрей. – Мы-то еле-еле тропинку отыскивали!

– Ну как вам объяснить, – сердито и беспомощно сказал я, швырнув на угли сухую ветку, – нельзя нам тут оставаться, надо уходить, у-хо-дить!

– Да погоди, никто с тобой и не спорит, – успокаивающе

хлопнул меня по колену Вадим. – Просто одну-то ночь это дело терпит. Терпит, а?

– Терпит, – буркнул я, ощущая, что и сам хочу спать. Только теперь, когда мы сидели у гаснущего костра вчетвером, спало чудовищное напряжение, висевшее на мне, как оказалось, почти всю последнюю неделю.

– Вот, – удовлетворенно кивнул Вадим. – А завтра соберемся и пойдем. Неплохо бы еще решить – куда.

– Неплохо бы вообще решить, что делать дальше, – заметил Сергей.

– Давайте утром, а? – попросил Вадим. – Ну спать же охота, честное слово!

– Утром так утром, – вздохнул я. – Где тут спать?

– С левого края, – ответил Андрей. – Так, как ты сидишь, – с левого, а то смотри, к девчонкам залезешь. Вадим вон был бы не против...

Вадим просто отмахнулся. Собственно, из своих отношений с Наташкой Крючковой он тайны никогда и не делал, да и зачем?

– А что, – я начал расшнуровывать туфли, все еще не поднимаясь, – дежурных не выставляете?

Они переглянулись и ничего не ответили, только Андрей сделал недовольное лицо. Углубляться в тему я не собирался и, расстелив на туфлях носки, поставил их возле угляй, а сам, раскатывая одеяло, отправился под навес. Сергей побрел за мной. Вадим и Андрей остались сидеть у костра –

хотя Вадим больше всех жаловался, что хочет спать.

– Рубашку куда дел? – поинтересовался я.

– А... – Он отмахнулся. – Распустил о сучок. Мне эту куртку Ленка смастерила из оленьей шкуры. Хорошая вещь.

– А одеяла у вас с того же склада? – уточнил я. Сергей кивнул, потом обнял меня за плечи и засмеялся:

– Черт, как я рад, что ты здесь!

– Есть кому снова сломать нос? – уточнил я.

– Ладно тебе, – не обиделся Сергей. Я вспомнил этими словами нашу первую встречу – почти четыре года назад, когда я в потасовке на берегу реки нахальным пинком сбросил в воду белобрысого мальчишку... а тот вылез и первым же ударом сломал мне нос. Сергей к тому времени уже несколько лет занимался боксом со своим отцом. Друзьями мы стали, когда он пришел извиняться и выяснилось, что мы оба любим читать и играть в солдатиков, нам нравится журнал «Пионер» и т. д. Я иногда всерьез задумывался, кто из них мой лучший друг – Вадим, которого я знаю со своих шести лет, или Сергей. И не мог решить.

Под навесом в самом деле имелось свободное место. Я уложил рядом наган и только потом сообразил, что сделал это, – но оружие убирать не стал.

Мне в жизни не приходилось мучиться бессонницей – я всегда засыпал, коснувшись щекой подушки. Почти так произошло и на этот раз, только я успел увидеть в прорехе крыши почти полную луну – и зачем-то ей подмигнул...

Утро началось, как начинались все утра в обычном походе. Через тебя обязательно кто-то начинает лазить — «осторожно», конечно! — кто-то гремит черт-те чем — «как можно тише», естественно! — кто-то о чем-то спорит — «вполголоса», само собой!

Для нормального утреннего сна все это создает совершенно непредставимые условия. Удерживает от ругани только то, что и за собой знаешь те же грешки.

«Просыпаться надо в хорошем настроении», — говорит моя мама (*Моя? Прие-еха-ли...*). В принципе я с ней согласен, хотя это не всегда получается. Но надо стараться, а то настроение останется паршивым на весь день. А нам оно надо, как говорит Андрюшка Соколов?

Однако, когда я выбрался со своего спального места, выяснилось, что на этот раз «спор вполголоса» имеет под собой самое серьезное основание. Спорили Саня с Вадимом. Если учесть, что наша компания начиналась, в сущности, именно с них, это было странно. Кроме того, спорили они ожесточенно, уже перейдя в стадию «а ты кто такой?!». За Саней возвышался Сморгч, на его лице было написано искреннее огорчение. Игорь был, несмотря на большую физическую силу, добродушным и мирным (если не разозлят) человеком. Сашка Свинков, стоявший рядом с Саней, наобо-

рот – походил на маленького и очень злого зверька. За своего кумира Саню он был готов перегрызть горло слону, лишь бы посадили. Олег Крыгин торчал возле Вадима с непроницаемым лицом истинного арийца из «Семнадцати мгновений весны» (каковым сходством он открыто гордился). Мне даже показалось, что вся эта компания готова самым натуральным образом взяться за холодное оружие.

– Девчонки, по-моему, они ссорятся, – озабоченно сказала Ленка Власенкова. Она сидела на пеньке и обувалась, да так и застыла с кедом в руках. Проснулись уже практически все, только из-под одного одеяла торчала белобрыся макушка Арниса да флегматичная Кристинка дрыхла, повернувшись ко всему на свете спиной.

Смысл спора был ясен, как летнее небо. Вадим воплощал в жизнь наш ночной разговор. Саня же настаивал на том, что в эти места никто дороги не найдет, а значит, нечего и колыхаться, а надо спокойно позавтракать. Вообще говоря, подобные споры возникали у нас не так уж и редко. Обычно я в них не вмешивался... но сейчас мне вспомнились умирающий мальчишка на речном берегу, страшные маски в догоняющей нас лодке, свой ужас, связанный с этим... В результате таких кратких раздумий я вскочил и заорал:

– Да вы что?! Вы думаете, я шучу?! Я же вам ясно говорю, долбецам, – они по нашим следам идут! Мы...

– Эй! Э-эй!

Все повернулись на этот вопль. Со стороны елок по склону

лощины мчался Сергей – я и не заметил, что его нет в лагере. Рядом с ним неслась Ленка Черникова. Следом летел Игорь Северцев. Валька, его сестра, крикнула:

– Игорек! Чего там?!

– Эти!!! – завопил он, и я увидел, что Север бежит с обнаженной шпагой – длинным кавалерийским клинком. Ленка пулей пролетела под навес и начала в бешеном темпе собирать какие-то вещи. Сергей, схватившись за плечо Вадима, чтобы не проскочить дальше, мучительно мотал головой, пытаясь что-то сказать.

Впрочем – все уже было сказано...

...Честно – в первые несколько секунд царила даже не паника: хаос. Я героически пытался выхватить наган, но потерял застежку, а посмотреть на кобуру не мог, потому что не получалось оторвать взгляда от ельника, откуда вот-вот должны были появиться враги. Танюшка сзади трясла меня за плечи и что-то выкрикивала. Пробежал Колька со своей двустволкой, рассыпая патроны. Арнис, сонно моргая, сидел, обхватив руками колени, и пытался понять, что к чему. Игорь Мордвинцев натягивал кроссовки Наташки Мигачевой и не мог понять, почему не лезут, а Наташка эти самые кроссовки в бешеном темпе искала...

Короче, не знаю. Может быть, мы так бы и пропрыгали до появления «негров». Но, когда паника достигла полного «апофигея», в нее решительно вмешался Андрюшка Альхимович.

– Отставить! – заорал он, отшвыривая кого-то к навесу и хватая за шиворот пробежавшего мимо Олега Фирсова. – Девчонки, быстро собирайтесь! Бэн, Басс, Мордва – охраняйте их! Соберетесь – сразу уходите через болото по той тропинке, где сарай! Остальные наверх, на стражу!

Странно, но я как-то сразу успокоился. Застежка нашлась. Я не глядя оттолкнул Танюшку и, взведя курок нагана, полез вверх, к елкам.

* * *

Наверное, они все-таки заплутали в болоте, потому что мы их не увидели, а лишь слышали голоса – да и то уже когда быстрым шагом, вытянувшись цепочкой, уходили туда, куда перед этим ушли под охраной девчонки. Тропинка за нашими спинами сразу же потерялась, и примерно через час мы выбрались на сухое место – к полуразрушенному, с просевшей крышей, сараю, возле которого сидели на вещах девчонки и ходили, как маятники, наши товарищи. Нас встретили восторженными воплями, но Сергей всех оборвал:

– Тихо! Они все еще близко. Уже, наверное, в нашем лагере.

– Ну что, Сашен?! – шепотом заорал Вадим. – Еще минут десять – и досиделись бы!

– Хватит! – Я подошел к ним. – Хватит, говорю. Надо уходить. Дальше и быстрее.

– Поедим на ходу, – поддержал Андрей. – Девчонки, еду не забыли? – ответом были разногласо-отрицательные реплики. – Раздайте... И уходить надо не за Цну, а наоборот – обратно, на восток.

– Н-но... мы оттуда пришли... – заикнулась Ленка Рудь.

– Да какая разница?! – досадливо сказал Колька. – Тут главное – подальше умотать... Кстати, я один патрон посеял.

– Прорастет, – отмахнулся Вадим. – На востоке – Волга, до нее километров... километров... – Он нахмурился, а Танюшка, чистившая от грязи низ своих джинсов, ответила:

– Около четырехсот километров.

– Почему именно к Волге? – буркнул Саня. Его лицо еще больше заострилось.

– Да нипочему, – пояснил Сергей. – Просто – в другую сторону от черных.

Я находился в легком напряжении – мне все время казалось, что сейчас кто-нибудь скажет: мол, это мы с Танюшкой притащили тварей на хвосте. Кажется, Татьяна тоже об этом думала... Но мы слишком плохо думали о своих – ни тогда, ни потом никто даже не упомянул об этом.

– Ладно. – Саня вздохнул. – Пошли, если так. А на ходу пожеем. Хлеб за ночь не появился?

* * *

Идти для нас было делом вполне привычным. А тут еще и

места были в общем-то знакомыми, и у меня снова возникло ощущение, что вот-вот появится самый обычный проселок, или выйдем мы на деревенскую околицу... Может быть, все это казалось еще и потому, что теперь мы шли не вдвоем с Танюшкой, а целой компанией?

На ходу вновь подняли старинную русскую тему: вопрос «что делать?». Нет – ясно, что надо убегать, то да се... А *далее*? По-моему, большинство все еще обсасывали мыслишку о возможном возвращении домой.

Не я. Я романтичный человек. И я очень люблю свою маму; наверное, мысль о том, что она осталась без меня, рано или поздно свела бы меня с ума. Но возвращаться-то как раз не имело смысла. Куда? К кому?

Я — рядом со своей мамой. Ну а я – вот он, и, похоже, ничего другого мне не дано. Значит, надо как-то жить тут. Понять, что за мир нас окружает, и жить.

Танюшка шагала рядом, несла через плечо скатку из своих одеял и о чем-то сосредоточенно думала. О чем? Что не будет больше в жизни мягкой постели, книг, телевизора, вареного сахара, магнитофона?

Мне захотелось обнять ее. Просто обнять. Но я не сделал этого: подвыдернул из ножен палаши и бросил его обратно, а потом нагнал Вадима.

– Слушай, – вполголоса сказал я ему, – по-моему, мы делаем глупость.

– То есть как? – Он промокнул рукавом ковбойки пот на

лбу. – Ты же сам говорил...

– Да я не об этом, – отмахнулся я. – Вспомни, как мы в войну играли. Там враг был не настоящий, а мы толпой не ходили. А тут... черт его знает, что вон за теми деревьями, а у нас нет охранения.

– Да. – Вадим остановился. – Сопляками мы были умнее... Лейтенант Верещагин, – он стал шутливо-серьезен, – берите передовой дозор.

– Есть, капитан Демидов. – Я отсалютовал на нацистский манер, принятый когда-то в нашем отряде, прославившемся в почти настоящих войнах. – Игорек! Басс!

Подбежал Басаргин, и мы вместе ускорили шаг. Оглядываясь через плечо, я увидел, что Вадим остановил всех и распоряжается – девчонок в середину, усиленные группы на фланги и в тыл...

...Мы достали палаши, не сговариваясь. У Игоря тоже был палаш, только с рукоятью другой формы. Я заметил, что Басс копирует мою манеру держать оружие, и озабоченно подумал: а ведь холодным-то оружием во всей компании худо-бедно умею пользоваться лишь я...

– Ты влево, я вправо, – распорядился я и уставился на свою сторону. В голову лезли вроде бы не посторонние, но отвлекающие мысли. Переделать кобуру так, чтобы револьвер можно было выхватывать левой... А если сейчас вон из-за тех кустов выскочат?... Глаза устанут – так постоянно смотреть... Стоп, надо именно смотреть, а не о ерунде думать!..

Все-таки полезная это вещь – серьезные игры в войну, зря их по телику ругать начали почему-то. Я сумел переключиться и со сноровкой, приобретенной за два лета «войны», мерил взглядом свою сторону. Наверное, мы оба странно выглядели в своем снаряжении – и современной одежде. Сергей подходил к образу больше – в своей самоделковой куртке. Ну ничего, как-то я буду выглядеть к концу лета – если останусь жив, конечно...

* * *

На дневном привале мы смолотили остатки продовольствия – наверное, от нервов. После чего во весь рост встал вопрос пропитания – тут в магазин не сбегаешь.

– В принципе, – Игорь Северцев аккуратно вытер пальцы о траву, – кочевники жили охотой, постоянно передвигаясь.

– И скотоводством, – добавил я. – Покажи мне свое стадо, и я с тобой соглашусь.

– Мальчишки, – сказала Ленка Власенкова (она всегда отличалась рачительной хозяйственностью и была неофициальным завхозом нашей группы). – Вы как хотите, а ужинать нам будет нечем. Если только Олеговыми консервами – по глотку бульона. И по волоконцу мяса. Предлагаю Кольке не шагать тут с нами – никто нас не украдет. А пойти на охоту – и вечером встретимся.

– А я что, я не против, – покладисто поднялся Самоду-

ров. – Только у меня патронов-то всего полсотни...

– А давай я с тобой пойду, – охотно сказала Валька Северцева, поднимая аркебузу. – Я же хорошо стреляю.

– Э, погодите. – Север проявил некие признаки оживленности – то ли за сестричку забеспокоился? – А где мы встретимся, если они пойдут на охоту? И вообще – вдвоем отпустить...

– Я, между прочим, карту хорошо помню. – Колька переломил «зброевку». – Высота 189 за урочищем Каменевка – ну, где пруд, из него еще приток Ломовиса течет – помните? – В ответ закивали. – Вот дотуда дойдете и ждите, а мы догоним.

– Километров двадцать пять отсюда, – с точностью курвиметра определила Танюшка. Она полулежала на траве, жуя былинку, и мне снова почудилось, что мы просто в походе.

– Ну, договорились? – Самодуров уже нетерпеливо поглядывал по сторонам, устраивая в петле на поясе боевой топор.

– Жрать-то надо. – Андрюшка Альхимович махнул рукой. – Двигайте. Только не потеряйтесь.

Парочка ушла – довольно бесшумно. Я задумчиво сказал, глядя им вслед:

– Может, еще кому с ними... – но получил точный и очень болезненный удар локтем под ребра от Танюшки. Смолчал, потому что вспомнил, как еще на Зем... *там* Колька и Валька держались чаще рядом, чем порознь.

Я задумался над этим вопросом, используя последние ми-

нуты отдыха. Вадим, хоть и был старше меня на три года, подружки в нашей компании не имел, если не считать «отношений» с Наташкой Крючковой. Санек – тоже. И Арнис. Игорь Мордвинцев не очень активно ходил с Иркой Сухоручкиной. По-моему, его отпугивало то, что она отличница. Север прочно дружил с Кристиной, но, кажется, скорее на почве некоторого элитаризма, чем еще по каким-то причинам. Сашка – Бэн – больше пока думал о беготне по улицам, чем о девчонках. Сморг дружил с Наташкой Бубненко или присматривал за ней для брата, не поймешь. Андрюшка Альхимович жил себе и жил без девчонки. Олег Фирсов тоже. Игоря «Басса» интересовали только стихи, походы и мужская дружба. Олег Крыгин, кажется, был слишком стеснительным, с девчонками общался только по необходимости. С Андрюшкой Соколовым дружила Ленка Черникова, с Сергеем – Ленка Чередниченко. У девчонок Ленка Власенкова, Наташка Мигачева, Ольга Жаворонкова и Ленка Рудь не проявляли к парням никакого интереса, кроме «общедружного».

Интересно, а как будут развиваться дела дальше? Мне подумалось, что, если мы останемся тут на длительный срок (да навсегда, Олег, навсегда!), то... Дальше мыслей не было – одни образы.

Пожалуй, даже хорошо, что надо было идти дальше.

Высота 189, урочище и небольшой пруд возле него – в этом мире все оказалось на месте, и мы добрались туда к восьми вечера. Лес сменялся похожими на зеленые языки луговинами, которые мы старались пересекать в максимально быстром темпе.

– Гнездо Соловья-Разбойника, – определил Игорь Басаргин, когда с одной из таких луговин мы увидели высоту, увенчанную тремя дубами. В нашем мире их не было, да и кругом лежали рассеченные лесополосами колхозные поля.

Около подножия холма мы нашли старую могилу. Кто-то выложил прямо на земле каменный крест из четырех гранитных брусков, на котором вырезал уже неразличимые буквы. На камни вполз сырой мох. Сморч попробовал было расчистить камень финкой, но Наташка тронула его за плечо:

– Не надо, оставь. Не все ли равно, кто здесь... Могила и есть могила.

Сморч охотно поднялся с колена, убирая финку. Санек, не проявивший к могиле ни малейшего интереса, предложил всем натаскать дровишек, а сам, нахально отказавшись от работы, полез сперва на холм, а потом – на самый высокий из дубов. Кажется, его захватила мысль, поданная Игорем. Кто-то из девчонок ближе к урочищу набрел на чудовищные россыпи грибов. Кроме того, они притащили кучу свежих

молодых листьев заячьей капусты. Во всяком случае, жареные грибы (соль у Танюшки еще была) с зеленью нам были обеспечены.

Саня, как и следовало ожидать, спустился со своего нэста, когда все уже было готово. Но вел он себя так, словно занимался единственно важным делом в то время, как все остальные ваньку валяли.

– В общем, чудищ ваших нигде не видно, – заявил он, садясь к огню. – Зато Колька с Валюшкой волокутся, чего-то несут. Минут через двадцать будут здесь.

– Слава коммунистической партии, – выдохнул Игорь. Судя по всему, он и правда беспокоился за сестру.

Наши охотники появились раньше, чем через двадцать минут, – усталые куда больше нашего, но довольные. Да и как же иначе – Колька тащил на плечах крупненькую косулю, уже выпотрошенную.

– Дичи – еще больше, чем на прежнем месте, – восторженно докладывал он, усаживаясь возле огня. – Тут для охотников – рай!

Выяснилось, правда, что косулю убил не он, а как раз Ленка – одной пулей из аркебузы. Как она объяснила – убивать косулю ей было очень жалко, но сильно хотелось есть.

Ее слова сопровождались сочувственными репликами. Косулю под шумок освежевали, оттапали копыта и голову, после чего она перестала вызывать сочувствие и на импровизированном вертеле была водружена над огнем. Затем

все расположились у костра и довольно примолкли. Косуля шкворчала, капая жиром. Расставленные у огня котелки (они были у всех – оттуда же, откуда и оружие) побулькивали и пахли малиновыми листьями.

– А все-таки здорово, ребята, что у нас кое-какие навыки есть, – довольно заметила Ирка Сухоручкина. – Иначе сидели бы мы на грибной диете и слушали, как животы поют.

– Давайте и правда споем, – предложил Сергей, – пока косулька жарится. Чтоб заглушить животы.

Вокруг засмеялись. У нас петь любили не меньше и не больше, чем в любой туристской компании (другое дело, что у нас, в отличие от большинства таковых, имелся *свой* поэт – Игорек Басаргин). Вообще это здорово – собравшись вечером у огня рядом с друзьями, ощутить себя действительно единой компанией, где один за всех и все за одного. А лучшего средства, чем песня, для этого нет. Не придумали пока...

Солнце садится за лес на востоке. Небо розовое, как неоновая лампочка. Вокруг холма – уже ночь с ее странными звуками и осторожной жизнью, не всегда понятной и временами страшноватой. Но огонь горит, топлива запасено на всю ночь и больше, лица друзей вокруг, вкусные запахи расползаются, утверждая, что и здесь человек – хозяин. А еще это странное чувство, которое не передашь словами. Нет, не любовь, а... что-то *такое* ко всем, кто рядом, из-за чего они становятся самыми близкими в мире.

Даже если не вспоминать, что в *этом* мире у тебя и правда нет никого ближе...

...Интересно, а те, чья могила – там, у подножия, в сгустившейся темноте, – у них *тоже* были такие вечера?..

...Как отблеск от заката, костер меж сосен пляшет.

Ты что грустишь, бродяга? А ну-ка, улыбнись!

И кто-то очень близкий тебе тихонько скажет:

«Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!»⁶

Допели... Помолчали... Ленка Черникова со смехом спросила Игоря:

– Басс, ты «Зверя Кикизела» ведь дописал? Окончание прочитай, а?

Все оживились, посыпались просьбы. Игорь не стал ломаться – взмахом руки установил тишину, сделал серьезное лицо...

...Сучья жареные трещали,

И стонали голодные дети:

«Ах, как хочется есть, Ванюша!»

«Хлеба нет ни куска, Надюша!»

Тут подходит к ним Зверь Кикизел.

Говорит он им: «Здравствуйте, дети!

Что в лесу этом вы потеряли,

Среди нечисти дикой и злобной?»

⁶ Слова и музыка О. Митяева.

«Здравствуй-здравствуй, товарищ Мясо!!!» —
Закричали голодные дети —
И набросились, и сожрали,
Только-только чуть-чуть обжарив...
...Вот идут тропинкой волки да лисы.
Несут бабке обгорелые кости.
Вот идут и дорогой рыдают:
«Ой зачем ты гулял по лесу, Кикизел?!
Аль не знал, кого в чаще ты встретишь?!
Пионерия – наша сила!
Пионерия – наша слава!
Пионерия – наши дети!
Наши лучшие дети на свете!»

– Программа «Взгляд», – оценил Вадим, когда все просмеялись, после чего на редкость гнусным голосом проревел первые строчки из наутилусовской «Хлоп– хлоп» – раньше, чем Наташка Крючкова заткнула ему рот.

Наташка Мигачева попросила, тыча в косулю коротким ножом:

– Олег, может, ты чего-нибудь прочитаешь?

Нельзя сказать, чтоб у нас собрались такие уж любители стихов. Но как я читаю, слушать любили – если исключить тот случай, когда я на спор с только-только появившимся у нас Андрюшкой Альхимовичем читал стихи два с половиной часа без перерыва и остановился только после коллективных настойчивых просьб и угроз применить ко мне физическую

силу.

На этот раз все одобрительно промолчали. Я поднялся, ощущая некоторое подергиванье внутри, как всегда, когда мне надо было читать стихи, — и, еще не поднявшись до конца, уже решил, что буду читать «Молитву» Булата Окуджавы.

Пока Земля еще вертится,
Пока еще ярок свет,
Господи, дай же каждому,
Чего у него нет:
Умному дай голову,
Трусливому дай коня,
Дай счастливому денег...
И не забудь про меня.

Пока Земля еще вертится —
Господи, твоя власть! —
Дай рвущемуся к власти
Навластвовать всласть.
Дай передышку щедрому
Хоть до исхода дня.
Каину дай раскаянье...
И не забудь про меня.

Я знаю, ты все умеешь,
Я верую в мудрость твою,
Как верит солдат убитый,
Что он проживает в раю,

Как верит каждое ухо
Тихим речам твоим,
Как веруем и мы сами,
Не ведая, что творим!

Господи, мой Боже,
Зеленоглазый мой!
Пока Земля еще вертится
И это ей странно самой,
Пока ей еще хватает
Времени и огня,
Дай же ты всем понемногу...
И не забудь про меня.

* * *

Странно, но я проснулся минут за пять до того, как мне надо было заступать на дежурство. Но костер горел еле-еле, возле него базарили, посмеиваясь, Колька и Арнис. Колька читал литовцу разную похабень, которую при девчонках в нашей компании толкать было не принято – до меня донеслось: «У Адама шишка – во, а е...ть-то некого...» Я усмехнулся и удобней устроился под одеялом. Я выпался. Хотелось отлить, но, раз уж сейчас вставать, то полежу. Арнис захихикал, потом спросил: «Сколькоо врэммени?» – и отправился будить нас с Сергеем и Олегом Фирсовым. Я решил не

доставлять ему удовольствия отвесить мне пинка по ребрам и сел за секунду до того, как он занес ногу.

– Доброе утро, – кивнул я, хотя было два ночи. – Вы еще посторожите, а я пойду по делам.

Все по той же укоренившейся уже туристской привычке мы отрыли яму для туалета – за кустами ниже по склону, где можно было чувствовать себя в относительном уединении. Кто-то уже разместил на развилке дуба «указатель» – палку, концы которой с вырезанными буквами указывали на две стороны ровика:

Посмеиваясь, я начал делать свои дела – и...

А это что?! Мне в какую-то секунду показалось, что уже рассветает, – в принципе, в начале июля это можно различить уже в два ночи. Но, во-первых, для рассвета это зарево было слишком уж ярким и локальным.

Во-вторых, как ни крути, а рассветов на юго-востоке не бывает.

Я так обалдел, что продолжал стоять, когда, зевая, подошел Фирсов и пристроился рядом. (Я, если честно, терпеть

не могу делать свои дела при ком-то еще, даже при мальчишках.)

– Ты чего, окаменел? – Он толкнул меня плечом и снова зевнул.

– Смотри. – Я щелкнул резинкой штанов. Олег еще не вполне проснулся, поэтому тупо уставился мне между ног, и я дал ему подзатыльник: – Да вон туда!

Надо сказать, в проснувшемся виде Фирс кое-какие вещи соображал быстрее моего.

– Пожар, – сообщил он.

– Лес горит? – Мы поменялись ролями, теперь я плохо понимал, что к чему.

– Да какой лес... – озабоченно сказал Олег. – Настоящий пожар. Дом горит... или еще что-то... но построенное что-то...

– Часовые, блин! – рявкнул Колька. – Ну мы же спать хотим!

Мы сменили ребят, так ничего им и не сказав. Больше того, я и Сергею ничего не сказал – уж не знаю, почему. Мы посидели минут пять. Фирс употребил это время на то, чтобы отхватить от остатков косули кусок остывшего мяса. Сергей долго и уныло-сонно о чем-то думал, потом встрепенулся и сообщил:

– Пойду умоюсь.

Он исчез куда-то по направлению к роднику. Через минуту поднялся и я:

– Пройдусь вокруг холма... А ты кончай жрать, завтракать будет нечем.

Естественно, что первым делом я устремился смотреть на зарево. Оно имело место по-прежнему, хотя вроде бы пригасло как-то...

– Между прочим, – Сергей подошел почти бесшумно, – наш костер видно издалека.

– Не так далеко, как это. – Я вытянул руку. – Видел?

– В кино так горят дома, – тихо сказал Сергей. – Давно?

– Я встал – уже горело. А ребят я не спрашивал.

– Как думаешь, далеко? – быстро спросил Сергей.

– Кто его знает... Ночью огни кажутся ближе... Нет, не знаю, – решительно помотал я головой. – Но завтра мы идем почти туда.

– Ну, завтра и увидим, – хлопнул меня по спине Сергей. – Пошли к костру?

– Я пройдусь вокруг холма, – решил я все-таки исполнить свое первоначальное намерение.

– Давай...

...От страха перед ночной темнотой леса меня излечила раз и навсегда моя первая и последняя одинокая ночевка в лесу на берегу Прорвы. Конечно, тут не Прорва, и тут есть не воображаемые страхи; вон кто-то утробно взревел где-то за луговиной. Интересно, Фирс знает, кто там ревет?

Гулко отозвалась земля. Послышалось многоголосое ржание, я ощутил ногами вибрацию, а через минуту различил на

луговине текущую реку конского табуна. Это было красиво, мне всегда нравились кони; больше их только волки и собаки. Я даже мечтал научиться ездить верхом, но у нас в Кирсанове было негде.

Кони резко ушли куда-то влево, в урочище. Я продолжал стоять на месте, всматривался и вслушивался. Нет, ничего. Нигде – ни единого признака человека... кроме пожара. Неужели потеряли наш след? Хорошо бы...

Я вздохнул и зашагал вверх, к костру.

* * *

Жарко было с утра, и жара была нехорошая, душная – явно собирался дождь, хотя на небе не возникло ни облачка. Но летние ливни в наших местах (а это, как ни крути, *наши* места!) налетают молниеносно.

– Вода – проблема, – печально сказал Андрюшка. – В котелках не поносишь, а фляжка только у Кольки есть.

– В принципе, – я затянул ремень, – можно сделать кожаные фляжки, как в Англии. Уайнскины они называются. Только, – признался я, – я вообще-то не знаю, как их делали.

– Иди ты, – уныло предложил Андрюшка, и я пошел – снова в головной дозор, только теперь с Сережкой.

Санек со Сморчком отстали – им приспичило выяснить насчет погони, и они обещали соблюдать максимальную осторожность, а потом догнать остальных. Дело вообще-то нуж-

ное, хотя и опасное – но я про них думать забыл. То ли погода так подействовала, то ли еще что, но я находился в невероятно напряженном состоянии. Сергей, похоже, тоже. Я заметил, как он то и дело касается рукояти своего палаша. Смешно это не выглядело – я-то свой и вообще нес в руке.

Мы шли в полнейшем молчании и наконец устали от этого. Ясно было, что сейчас кто-нибудь не выдержит и заговорит на отвлеченные темы, чтобы развеять напряжение.

Но посторонний разговор так и не успел начаться. Сергей, шедший впереди, вдруг как будто споткнулся, уставился себе под ноги, а потом резким взмахом руки подозвал меня. Я оказался рядом в два прыжка.

Сергей молча указал в папоротник подлеска. Я посмотрел туда – и ощутил стремительный спазм желудка.

Сняв телом – как упал на бегу, с размаху – целую полосу сочных листьев, около наших ног лежал парень постарше нас. Вернее, это я сообразил, когда разглядел его повернутое вбок белое лицо. А в тот момент я увидел две вещи: запутавшуюся в светло-русых волосах свежую дубовую веточку и две торчащие в спине рукояти – пустые, из двух параллельных прутьев, завершенных кольцом.

Точно под левой лопаткой. Брошенные с такой силой, что маленькие овальные гарды вдавились в кожаную куртку.

В правой руке у парня был длинный широкий кинжал, запятнанный кровью. А левая – левая сжимала отрубленную человеческую кисть, такую же гипсово-белую, как и лицо

убитого...

Второй труп мы нашли почти тут же – за двумя дубами. Это была девчонка – наших лет. Без руки и голая, только то, что она голая, не вызывало никаких мыслей...

Опомнился я за кустами, где меня стошнило – в несколько приемов, пока я не начал давиться жгучей кислятиной лезущей из опустевшего желудка желчи. Судя по звукам, с Сергеем творилось то же самое.

К этим трупам мы не вернулись, но выиграли немного. Разве что сумели удержать девчонок, и то хорошо. А так уже через полкилометра (когда стал отчетливым запах дыма, да и, очевидно, тянуло его с другого берега ручья, к которому мы вышли) прямо в воде мы нашли груды изрубленных тел, у которых даже пол опознать не представлялось возможным – ручей вымывал кровь и тек дальше розовым... Поодаль на берегу горкой лежали отрубленные головы. Кто-то – до сих пор не знаю кто – нашел в себе силы их посчитать и сказал: семь голов, пять мальчишек и две девчонки в возрасте 12–16 лет.

Оба берега ручья были черными от крови. Мы буквально насильно заставили девчонок идти стороной, а сами двинулись напрямик. У меня по-прежнему жутко выкручивало желудок и шумело в ушах, то морозило, то швыряло в горячечный жар, а перед глазами со свистом летели – обрывками киноплёнки – кусочки увиденного только что...

Тут, на высоком берегу ручья, было поселение – пять по-

луземлянок с крышами из хвороста и дранки, окруженных невысоким частоколом. Все это было развалено, обгорело или даже еще чадило. Тут тоже все напрочь оказалось забрызгано кровью. Странно – меня больше не рвало.

Наверное, просто было нечем...

...Валялась обгоревшая щепка, какие-то перья, изломанное оружие... Девчонка с аркебузой – как у наших – смотрит левым глазом в небо, вся остальная голова снесена чудовищным ударом топора, мозг стынет в пыли подтеками, из ладони выпали две пули... Что-то, похожее на ворох черных сучьев (не сучья, но не хочешь думать – *что*), – у входа в одну из полуземлянок... Мальчишка года на два младше меня, привязанный лицом вниз к грубой крестовине из бревен, – лицо залито пеной, которая засохла серой коркой, дерево у губ изгрызено и окровавлено, кровью залиты ноги, земля между них, а в спину с равнодушной точностью вбито короткое копьё с широким наконечником – и правда негритянский ассегай... (Кажется, я спросил, что с ним, и *не понял* Саниного ответа, что его изнасиловали.) Еще совсем не остывший костер, разбросанные кости с ошметками жареного мяса, а над этим – прибитая к покосившемуся бревну частокола голова девушки – ножом через обе щеки...

Кто-то из нас, кажется, плакал, я не мог понять – кто. Мне плакать не хотелось. Я ощущал чудовищное изумление. Именно изумление, которое не проходило, пока Вадим не затряс меня за плечо, что-то шепча и тыча рукой в сторону

ручья.

Сквозь листву я увидел тварей.

Это было вполне закономерно – я даже не удивился. Несправедливо было бы, если бы они ушли отсюда. Это было бы нарушением каких-то законов... ну, высшей справедливости, что ли?

Их было около десяти, и они появились по ручью – по течению. До сих пор не знаю, были ли это те же, что сожгли селение. Да и не важно это. Они шли вооруженные, но беспечные по воде и перекликались скрежетом и скрипом.

«Переговаривались» – не подходило. Переговариваются люди. А тут... вот прошлым летом мы стреляли крыс в развалинах собора недалеко от кинотеатра. Когда они стрекотали, перебегали с места на место и, поблескивая глазками, смотрели на нас, я испытывал нечто похожее: отвращение и азарт, смешанные с легким опасением – вдруг бросятся?

Нет. Опять немного не так. Если бы те крысы правда начали бросаться на людей, я бы испытал нечто подобное чувству, которое посетило меня, когда я наблюдал за идущей по ручью группкой существ. (Теперь я видел в подробностях, что они – не люди. Кожа – хотя и того же цвета, что у негров, – была мелкочешуйчатой, морды напоминали морды полукабанов-полуящериц, если только возможно такое сочетание...)

Отвращение. Страх.

И – доминирующее – желание уничтожить опасных тва-

рей.

У Сергея были белые губы. Вадим резко покраснел, даже побурел.

– Ребзя, – Олег Крыгин говорил спокойно-спокойно, только почему-то употребил это словечко, которым мы не пользовались уже года два, – знаете, их надо убить.

Помню, что я взвел курок и выстрелил. Еще – что рядом ахнула вертикалка Кольки, взвизгнула дробь, и я еще отметил: чудом не влетел под залп. А дальше я оказался внизу, и передо мной, визжа и поливая берег ручья мочой и кровью, пятилась высоченная тварь – он бросил оружие и с вибрирующим визгом хватался за мой палаш, до половины вошедший ему в живот.

Что же ты так визжишь? Кажется, тебе больно? Похоже, тебе не хочется умирать? Жаль, жа-аль. Тем, кого вы убили, тоже не хотелось...

Подыхай, гадина!!!

Никогда в жизни я не ощущал такого всплеска ненависти. Кого мне было ненавидеть, за что? Все мои прежние чувства выглядели бледными тенями в сравнении с этим – я ничего не видел, оглох и был бы наверняка убит, так как даже не заметил взлетевшего над моей головой топора. Но Андрюшка Соколов ахнул противника по затылку своим мечом-бастардом, занеся его обеими руками, – меч попал плашмя, вот только сила удара разmozжила твари череп...

Больше я никого не убил, хотя еще с минуту искал, оттал-

кивая и не узнавая своих же. Кто-то матерился; кого-то била дрожь так, что он уронил оружие и сам сел там, где стоял; кто-то, наоборот, – рассматривал свой клинок с интересом и удовольствием; кто-то – так же, как я – искал, кого бы еще приколоть... Убитые лежали в ручье и по берегам, как мешки с красной краской, каждый из которых подтек сразу в нескольких местах.

А еще потом мы увидели девчонок. Они стояли на берегу – подальше, – и даже отсюда было видно, какой у них в глазах ужас.

* * *

Тяжелый был вечер. Нет, девчонки нас ни в чем не упрекали. Но само собой получилось так, что мы расселись двумя полукружьями по разные стороны костра, и говорить было не о чем. Никто не шутил, не пел, вообще все молчали.

Словно между нами выросла стенка из трупов. Аккуратная такая.

Подтекающая кровью.

Молчание становилось невыносимым. В результате я оказался на ногах, что интересно – без единой мысли, вообще не понимая, о чем собираюсь говорить. А на меня смотрели все. Внимательно и выжидающе.

Грешен, считаю импровизацию вершиной ораторского искусства. Даже в школе я никогда не готовился к выступле-

ниям, считая, что вдохновение важнее гор перелопаченной литературы. Но тут – честное слово! – я не знал, о чем говорить. Знал только, что в нашу команду вогнали мощный клин...

– Девчонки нас боятся, – сказал я. – Наши девчонки... – Я нагнул и обеими руками поднял палаш, на треть выдержнув его из ножен. – Вот. Этим клинком я убил одного. А до этого еще одного застрелил... И еще одного – до этого, когда спасал себя и Танюшку. Я никогда никого не убивал. Только на охоте, вы же все знаете. И еще. Ни на одной охоте я не видел того, что видели мы сегодня. Мне бы очень не хотелось увидеть такое еще хоть раз. И делать то, что я делал, не хотелось бы тоже. Но, боюсь, мы попали в такой мир, где все это – часть повседневности. Нам и дальше придется убивать... и, возможно, умереть той смертью, которую мы видели. Мне не хочется этого говорить, мне даже и думать об этом не хочется. Я, как и вы, о таком только в книжках читал и в кино смотрел. Но я хочу жить. И для этого я буду жить так, как получается здесь. Я не дам за здорово живешь отрезать себе голову. И сделаю все, от меня зависящее, чтобы ни единого волоска не упало с голов наших девчонок. Даже если, – я смерил их спокойным долгим взглядом, – даже если они и дальше будут на меня так смотреть. – Я аккуратно вдвинул палаш в ножны и, сев, негромко попросил: – Тань, дай соль, пожалуйста. Грибы что-то недосоленные.

Грибы были посолены в меру. Я ел пересоленные и без-

мятежно улыбался.

* * *

В эту ночь мы четверо – Вадим, Сергей, Андрей Альхимович и я – не спали долго. Сидели у костра, понемногу под-держивали его и разговаривали.

Разговоры были печальными и деловыми. Начались они, естественно, с обычных рефлексий на тему, как все это было ужасно – в общем, «я его колю – а он мягкий...». Но доволь-но быстро перешли на вопрос, как нам тут дальше жить. Пят-надцать мальчишек, двенадцать девчонок, постоянная оппо-зиция в лице Сани. Тяжелая, если можно так выразиться, внешнеполитическая ситуация. Напряг с едой...

На «напряге с едой» Вадим проурчал нечто пессимисти-ческое животом и слегка разрядил обстановку, если не счи-тать, что в следующие десять минут разговор вертелся во-круг кафе «Север», домашней кухни и прочего. Пришлось приложить усилия, чтобы с этой темы съехать.

– Нам бы ням-ням бы, буль-буль бы нам бы, – задумчиво произнес я в заключение фразочку из «Музыкальной хрони-ки». А Вадим вдруг негромко, но очень прочувствованно за-тянул:

Степь да степь кругом —
Путь далек лежит...

Там, в степи глухой,
Замерзал ямщик.
И среди пурги
Чуя смертный час,
Он товарищу
Выбил левый глаз...

Его выслушали с интересом. Но потом Андрей попросил:
– Заткнись, а?

– Хорошо, – покладисто согласился Вадим. – Но я одно знаю: мы влезли в чужую войну, ребята. И что делать – так и остается вопросом, сколько бы мы ни говорили.

– Почему? – возразил Сергей и, поднявшись на ноги, гибко потянулся. – Договорились ведь. Идти к Волге. Идти вперед. И Олег правильно сказал: воевать так воевать. Ведь ясно же, что другой жизни тут не будет. А чужая война, нет ли, это, Вадим, разговоры. Как раз те, от которых ничего не изменится.

– Знаешь, – Вадим почесал нос, – я вот сейчас подумал. *Сейчас*, – с нажимом повторил он, бросил в огонь еще одну ветку и оглядел нас цепкими серыми глазами, – мы все друзья. Что нам друг другу-то врать? Мы сможем? Сможем тут жить? Так, чтобы не сойти с ума?

– Люди живут, – заметил Андрей.

– Видели мы, как они живут, – возразил Вадим. – Это все равно, что жить под расстрельным приговором.

– Ну, выбора-то у нас нет, – сказал я. – Или мы – часть

этого мира. Или мы – трупы. Трупы я видел. Стать им меня не тянет.

– Значит – идем к Волге? – Сергей упер руки в бока. – Держимся вместе, как в обычном походе?

– Как в *необычном* походе, – ответил Андрей. – Но в целом ты прав.

О чем поет ночная птица
Одна в осенней тишине?
О том, с чем скоро разлучится
И будет видеть лишь во сне.
О том, что завтра в путь неблизкий,
Расправив крылья, полетит,
О том, что жизнь глупа без риска
И правда все же победит.
Ночные песни птицы вещей
Мне стали пищей для души,
Я понял вдруг простую вещь —
Мне будет трудно с ней проститься.
Холодным утром крик последний
Лишь бросит в сторону мою.
Ночной певец, я твой наследник, —
Лети, я песню допою.

Константин Никольский

Рассказ четвертый

Наша война

*Пожелай мне удачи в бою,
Пожелай мне
Не остаться в этой траве...*

Группа «Кино»

– Двадцать третье июля. – Вадим облизнул потрескавшиеся губы. – По расчетам мы уже должны выйти к Волге.

Я промолчал, придерживая рукой ножны палаша. Последние две недели мы шли непрерывно, по 25–30 километров в день, в основном – бесконечными лесами. Мы отошдали, хотя питались не так уж плохо. Кроме того, у многих разваливалась не приспособленная для дальних переходов обувь, а одежда пострадала почти у всех.

За это время мы не видели ни тварей, ни людей, ни каких-либо признаков того, что эти места обитаемы. Вообще, если кто не знает, такой поход – довольно утомительное занятие. Подъем в шесть. Завтрак, туалет – и в семь выходишь. С полудня до трех – привал на обед (одно название!) и отдых. В восемь начинаем искать место для ночлега, в девять – уже устраиваем лагерь, всегда однообразный, типовой, ужинаем и в одиннадцать спим. (Ночные дежурства – по трое по три

часа.) Утром – все сначала. Особенно тяжело это, когда цель призрачная. Свободное время было заполнено в общем-то ничего не значащими разговорами, и с Танюшкой я разговаривал не больше, чем с остальными...

...Здоровенное ополье походило на кусок степи. Я временами начинал сомневаться, а не забрали ли мы лишнего к югу? Да и Вадим был в целом прав – мы должны были выйти к Волге если не позавчера, то вчера. Вместо этого мы тащились по этому чертову пространству – иначе и не назовешь.

Вчера. И позавчера тоже.

Меня это ополье раздражало еще и потому, что на нем мы были хорошо различимы. Едва ли тут есть воздушные средства наблюдения... и все-таки мерзкое чувство.

– Мимо Волги пройти невозможно, – заметил я. – Рано или поздно, а мы все равно к ней выйдем; она же через всю Россию тянется, от Каспия чуть ли не до Полярного круга.

– Утешил, – проворчал Вадим. – Нам что, до Каспия шагать? – И он ускорил шаги, нагоняя остальных...

...Сколько буду жить, буду помнить этот переход. Хотел бы – не забуду. Возникало ощущение, что у ополья нет конца и края, а солнце уже не просто жарило – давило, как крышка давит карасей на сковородке. Тут и там под ноги попадались теплые лужи с цвелою водой, в которой плавали гроздь лягушачьей икры и личинки комаров. Настоящее комарье висело над нами уже не тучей – сплошной завесой, словно черной кисеей. Я даже сперва не понял, что это, и думал

– плохо с глазами, когда отошел в сторонку за кусты. Потом мысленно ужаснулся, но деваться все равно было некуда и оставалось только шагать, радуясь тому, что под ногами не сплошное болото.

Мы шли шестой час, если не считать отдыха после полудня. Даже раздеться было нельзя – комары пришли бы в восторг. Пить уже не просто хотелось – это желание выпало в подсознание и сделалось направляющим и определяющим. Возникало даже ощущение, что впереди – смерть от жажды, хотя это, конечно, было смешно. Не пустыня, в конце-то концов.

Но близко к этому.

– В принципе – конец этому должен быть, – как-то без особого энтузиазма сказал Санек. – Где-нибудь за следующим бугром...

– Это точно, за следующим бугром конец и будет. Всем, – загробным голосом сказал Вадим, отдуваясь. Его лицо, руки ниже подкатанных рукавов, грудь в широко распахнутом вороте имели цвет поспевающей малины.

– Вес сбрасывай, – безжалостно сказал я и наступил в лужу. У меня затекли плечи отмахиваться от комаров. Настроение было поганое, но даже ругаться толком сил не оставалось. Танюшка, впрочем, шагала очень хорошо – чуть подавшись вперед и подсунув большие пальцы под ремни скатки. Но в целом я заметил, что отряд начинает превращаться в «хвост». Угнетали духотища и монотонность пейзажа.

Почти через силу я нагнал Игоря Северцева и пихнул его локтем:

– Север, – шепнул я, – спасай положение...

Он повернулся ко мне. От кожаной куртки пахло чем-то живым и горячим.

– Думаешь, получится? – но ответа ждать не стал. Приотстав, подождал Кристину, на ходу о чем-то с ней пошептался. Та кивнула и, подождав Ленку Рудь, замахала Танюшке... Девчонки обнялись, Игорь (откуда взялся задор?!) повернулся к ним лицом и, шагая спиной вперед, начал. Серебристый мальчишеский голос взвился не хуже, чем у солиста Детского хора СССР, а через миг слаженно вступили три девчоночьих сопрано, и весь отряд зашевелился, прислушиваясь:

Пускай нам понемногу лет —
Но кто сказал, что права нет,
Что смысла нет нам с бою брать вершины?!
Кто так сказал – он поспешил,
Он это зря за нас решил,
Он это так решил, а мы не так решили!⁷

И пошло! Пели хором, пели все подряд. Пели – и шагали...

...– Что ж ты стоишь на тропе, что ж ты не хочешь уйти?..

...– Вот это – для мужчин – рюкзак и ледоруб...

...– Раскройте рты, сорвите уборы – на папиных «Волгах»

⁷ Стихи В. Крапивина.

мальчишки-мажоры!..

...— За синим перекрестком двенадцати морей, за самой ненаглядною зарею...

...— Перемен требуют наши сердца!..

...— Спокойно, дружище, спокойно — у нас еще все впереди...

...— Но если покажется путь невезуч, и что на покой пора...

...— Не обнять российское раздолье...

...— Марш, марш — левой!..

...— Подари мне рассвет у зеленой палатки...

...— Здесь вам не равнина, здесь климат иной...

...— Среди нехоженных путей один путь — мой...

...— Помиритесь, кто ссорился...

...— Долой, долой туристов...

...— Улыбнитесь, каскадеры...

...— Сползает по крыше старик Козлодоев...

...— Britons — strike home!..

...— Знаешь ли ты, как память в эти часы остра?..

...— Дороги — как боги...

...— Не вдоль по речке, не по лесам...

...— Прощай, позабудь — и не обессудь...

...— На коня — и с ветром в поле!..

...— Хлопнем, тетка, по стакану!..

А дорога через ополье все не кончалась, и жара не спадала. Судя по всему, уже и до вечера оставалось недолго, и Се-

вер начал иссякать в своем песенном запасе, да и подпевали уже через силу, если честно. И вот настал момент, когда последнюю, наверное, песню Север допевал с несколькими самыми стойкими. Остальные вновь уныло растягивались в «хвост». Я с каким-то болезненным интересом прислушивался к голосам друзей и думал, что если сейчас не случится что-нибудь сверхъестественное и песня кончится, то начнется моральное разложение, писк, упадничество, и поднять настроение станет почти невозможно.

Вот сейчас допюют. И крантец.

– Родник, ребята!!! – заорал Сережка. – Родник!..

...Вы можете себе представить вкус родниковой воды в те часы, когда от жары готова расплавиться кожа?

Родник бил из-под корней здоровенной сосны, росшей в начале крутого косогора – тут был небольшой борок, сухой и чистый. К роднику все бросились разом, обалдев от одного вида воды. Было какое-то идиотское, животное состояние. Все забыли друг о друге – вернее, просто не оставалось сил о ком-то помнить. Но продолжалось это состояние всего несколько секунд – девчонок пропустили вперед, по рукам пошли мгновенно заledenевшие котелки. Мы пили и не могли напиться.

– Лагерь разобьем здесь, – махнул рукой Саня, – лично у меня сил нет дальше идти.

С ним никто не спорил. Все разбрелись за хворостом или обустривать место, скидывая поклажу и мокрую обувь.

Солнце садилось за косогор, по равнине пролегли длинные тени. Вокруг растущей груды хвороста раскатывали сплошным ковром одеяла.

Олег Фирсов, забравшийся дальше всех по косогору, вдруг завопил, чтобы все шли туда, к нему. Похватав оружие, все бросились вверх, спотыкаясь и перекликаясь.

– Волга! Волга! – заорал более членораздельно Фирс. – Эй, тут Волга!

За косогором был обрыв. А под обрывом влево, вправо и вперед отражала заходящее солнце речная гладь.

Мы добрались до Волги. Правда добрались.

* * *

Наконец все улеглись вокруг костра. По рукам пошли холодное мясо, щавель и камышовые корни – печеные, но, естественно, холодные тоже.

– Уф, ну и переход, – выдохнул Вадим. – Думал, все, помру.

– Уже и песен не осталось, – добавил Игорь Северцев и лениво подбросил в пламя хворост.

– А ты здорово придумал – петь, – одобрила Наташка Мигачева. – Вовремя.

– Да это не я придумал, – усмехнулся Север.

Если честно – мне всегда нравилось, когда меня хвалят, хотя я умело это скрывал и слыл «очень скромным мальчи-

ком». Но Север промолчал, и я, слегка разочарованно вздохнув, занялся едой.

– Это же ты придумал, – щекотнул мне ухо Танькин шепот. Она сидела возле меня и смотрела понимающими глазами. Отсвет костра падал на них как-то так, что глаза лучились изумрудным живым светом, и я задохнулся, но тут же бодро отозвался:

– Да ну, ерунда! – подумал и добавил: – Все равно спасибо... – Я помедлил и решился: – Тань... ты очень устала?

Ее глаза заискрились, и она, чуть прикусив уголок губы, посмотрела куда-то в сторону:

– Пошли погуляем. Я правильно поняла?

* * *

– Волга. – Танюшка чуть шлепнула босой ногой по воде, слегка плескавшейся у песчаного берега. Я стоял чуть позади и сбоку, мучась желанием ее обнять. Потом вдруг вспомнилось, как почти месяц назад мы вот так же ходили по берегу другой речушки, и Танюшка думала, что порезала ногу...

– Тут хорошо гулять босиком, – сказал я. – Ни банок, ни бутылок...

– Не то что на Пурсовке, а? – Танюшка плеснула ногой в мою сторону, но я не принял игры.

– Мы так мало говорили... ну, за эти две недели... – Я присел на корточки. Танюшка, подумав, опустилась рядом

со мной, подобрала несколько галек в песке. Подумала еще, кинула одну в воду. Я молча протянул руку, она отсыпала три. Я тоже кинул. Сказал: – Вот и Волга. Если честно, никак не соображу, куда нам дальше...

– А это не все равно? – Танюшка кинула еще одну гальку. – Мир большой... Олег, я не хочу сейчас про это.

– Извини, – немного смешался я.

– Ничего... Я искупаюсь, а ты подожди тут, ладно? – Она, сев на песок, начала стягивать джинсы. Я отвернулся и посмотрел вновь лишь когда Танюшка уже входила в воду, касаясь ее ладонями разведенных в стороны рук. – Теплая, – сказала она, не поворачиваясь, потом гибко подскочила и нырнула. У меня дух захватило – сам-то я плавать не умел и всегда боялся, когда плавала Танька. Но она уже вынырнула подальше, отфыркиваясь и вертя головой. Слышно было, как она смеется.

Противоположный берег виднелся черной полоской, из-за которой выкатывалась луна. Наверху плясали на древесных стволах отблески костра, слышались голоса, смех – похоже, наши отошли от перехода.

Танюшка выбралась наружу и, прыгая на одной ноге, начала натягивать джинсы прямо на мокрое тело. Я молча протянул ей свою куртку, Танюшка благодарно закивала и принялась вытираться ею. А я смотрел...

– Почитай мне те стихи, – попросила Танюшка, когда мы

отошли по берегу почти на километр. – Те, про Жанну...

Я сразу понял, о чем она говорит. Кивнул, помолчал, собираясь с мыслями и стараясь подстроиться под шаг, начал читать:

Барабана тугой удар
Будит утренние туманы, —
Это скачет Жанна д'Арк
К осажденному Орлеану.

Двух бокалов влюбленный звон
Тушит музыка менуэта, —
Это празднует Трианон
День Марии-Антуанетты!..

Танюшка покусывала длинную прядь волос и слушала – задумчиво, как она всегда слушала это стихотворение.

Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели!

Так же колокол звонко бил,
Затихая у барабана...
В каждом братстве больших могил
Похоронена наша Жанна!⁸

⁸ М. Светлов «Рабфаковке».

Танюшка всегда хотела быть на нее похожей.

* * *

– Смотри.

Зрение у Игоря Мордвинцева всегда было отличным. И сейчас он заметил суда первым.

Это были именно суда – не лодки, а суда, как в учебниках по истории, где рисуют корабли викингов и славянские ладьи. Два, под красно-золотыми парусами, они держались на стрежне реки. На палубах можно было различить движение, но не больше. Люди не гребли, их нес легкий ветер.

– Ничего себе, – сказал Андрюшка Соколов. – Вот это лучше, чем пехом.

– Ты грести не пробовал? – заметил Игорь. – Вот и молчи. Мы стояли на берегу недалеко от места лагеря.

– Может, покричим? – предложил я. Игорь покосился на меня:

– А если причалят? Кто его знает, что за люди.

– Может, и правильно, – подумав, согласился я.

Неясно было, видят нас с кораблей или нет. Во всяком случае, эти путешественники никаких признаков интереса не проявляли. Разглядеть людей на таком расстоянии на фоне береговой зелени с воды вряд ли было возможно. Но у нас как-то поднялось настроение при виде кораблей – ясно, что

плывут люди, и видно, что никого не опасаются...

...На берегу Волги на нас напала не то что апатия – просто лень, как будто это место в самом деле было местом нашего назначения и больше никуда идти не требовалось. Разленились все. Охота в окрестностях была отличной, врага не наблюдалось, хватало грибов и разной съедобной зелени, в которой неплохо умели разбираться мы все, а девчонки – особенно. Сушняка тоже оказалось полным-полно, лагерь уже к концу первых суток обрел привычно-жилой вид – с навесом, туалетом, аккуратным кострищем... А уж на третьи сутки вообще всем казалось, что мы отсюда никуда и не двинемся...

* * *

– Ладно, – сказал я Игорю и Андрюшке, – давайте, тащите грибы в лагерь, а я пройдуся чуть-чуть.

– Один? – обеспокоился Андрей, берясь за импровизированный мешок из своей куртки. – Не находился, что ли?

– Да я недалеко, просто так. – И я успокаивающе положил руку на кобуру нагана. В таком положении я сам себе нравился – весьма героический вид. Сразу видно, что я – человек очень серьезный.

Ходить просто так мне всегда очень нравилось. А тут еще было много интересного. Не знаю, была ли Волга в этом мире шире, чем в нашем, но что красивее – наверняка. Честное

слово. Вчера во время вот такой нашей пешей прогулки – правда, в другую сторону, – я обнаружил совершенно неземной красоты, как из фантастической книги, мелкую заводь, где в зеленоватой воде среди бело-розовых цветков кувшинки бродили какие-то большущие существа, похрюкивавшие, точно огромные свиньи. (Кажется, я таких вот видел на картинках в «Палеонтологии», а Олег Фирсов наверняка смог бы назвать их точно.) Они выбирали из заводи водоросли и не очень портили общую картину.

Кстати, диких животных я не очень боялся. С чего им на меня нападать? Дубиноголовых динозавров тут явно нет, а млекопитающее еще надо разозлить...

Я отмахал «недалеко» километров десять по ощущению и подумал, что обо мне скоро начнут беспокоиться. Словно бы в подтверждение этому дорогу мне преградила широкая река, впадавшая в Волгу, – на противоположном берегу был все тот же лес. Я какое-то время постоял у воды, пытаюсь сообразить, что это может быть. Так и не додумался – повернул, настраиваясь на то, чтобы сегодня вечером поднять разговор о дальнейших действиях.

С этой благой мыслью я успел сделать десяток шагов, не больше...

...Они шли прямо мне навстречу. Их было около дюжины – столько я мог насчитать среди деревьев. Они были без масок, щиты – за плечами. Шли, переговариваясь, и их внешний вид, их взвизгивающая, скрежещущая речь – все это ка-

залось до предела, до последнего неуместным среди русской природы. Как какие-нибудь инопланетяне из «Вокруг света» или иностранных книжек...

...Нет. На меня вновь накатило ощущение, что я каким-то чудом оказался в «Хранителях». Это было недоброе чудо. Сколько раз я мечтал хоть глазком посмотреть на мир, придуманный английским писателем! И вот – пожалуйста. Только я не Арагорн, не Боромир, не эльфийский воин. Я четырнадцатилетний пацан с оружием – почти бесполезным, потому что мне очень страшно.

Я присел быстро, но плавно. Отодрал крышку кобуры, достал наган, стиснув в мгновенно вспотевшей руке. Перед глазами неслись обрывки того, что я видел в разоренном поселении. А в голове с бешеной скоростью крутилась мысль, похожая на заевшую дорожку пластинки: «Прогулялся, дурак... прогулялся, дурак...» Потом ее разбавила неоформившаяся, на уровне ощущения, безумная надежда: пройдут мимо, не заметят!!!

Твари не умели ходить по лесу. Хруст и скрежет шагов и голосов окружили меня. Я стиснул зубы, обливаясь потом и сжавшись в заряженный невероятным напряжением комок: еще шаг, другой – и они начнут удаляться! А я уйду. Обязательно уйду, со мной ничего не может случиться!

Металлический крик удивления над самой моей головой был неожиданным. Но неожиданным оказалось и для самого существа то, что он буквально споткнулся о мальчишку,

сжавшегося в кустарнике.

Только удивиться он и успел. Скорее со страху и от отчаяния, чем осознанно, я выстрелил ему из нагана прямо между глаз, откатился, уворачиваясь от грузно падающего тела, и рванул с низкого старта. Справа оказался еще один черный – он попытался меня схватить, но я даже ускользнуть не стал, а с расстояния в два шага вlepил ему пулю в грудь и перескочил через падающее тело, чудом удержавшись на ногах.

Сзади завыли, заухали; слышно было, как за мной с хрустом ломится погоня. Что-то прогудело над моим плечом, и через секунду, пробегая мимо большого дуба, я увидел дрожащий в его коре метательный нож – хорошо знакомый. Возникший при виде его страх подстегнул меня, как удар кнута.

Я не сразу понял, что шум несется не только сзади. А когда понял – было, как говорится, фатально поздно. До появившихся впереди врагов оставалось метров пять, когда я их заметил...

Я шарахнулся вбок – странно, но мысль-то была вполне трезвой, проскочить между двумя сближающимися линиями облавы. Вернее, она казалась мне трезвой, на самом-то деле это и была настоящая паника. В следующую секунду я понял: не получится, и первый раз в жизни закричал от страха. Твари ответили усиленным хрипом и визгом: до них дошло, что я попался, чуть ли не раньше, чем до меня самого.

Вообще-то я не знаю, почему действовал так, как действовал. Я переброшил револьвер в левую руку, а правой выхва-

тил палаш. Никакой особой смелости во мне не было – просто уж слишком страшно казалось просто так взять и умереть. Ну, как курице под топором, что ли...

С такого расстояния промахнуться я не смог бы даже с левой. Даже с закрытыми глазами.

Помню, что я вертелся и стрелял – казалось, очень долго, хотя ну сколько там времени нужно, чтобы выпустить пять пуль? Потом я еще дважды нажал на спуск, и боек щелкал в уже пустые гильзы, а со всех сторон были черные, какие-то *нечистые* лезвия – топоры, ятаганы, короткие копья... Я взмахнул палашом, пронзительно взвизгнула сталь – снова и снова, а потом что-то очень сильно, но совсем не больно ударило меня в затылок.

* * *

В шалаше отвратительно воняло. Сквозь дырявые крышу и стену вкривь и вкось пробивались толстые и твердые лучики света. За такой шалаш следовало оторвать руки – немедленно и под корень.

Только чем отрывать, если ты валяешься в этом шалаше голый, связанный по рукам и ногам, голова болит, а тело буквально зудит от того, как тебя облапали эти вонючие твари?

Первые несколько минут после того, как я пришел в себя, мне просто не верилось, что все это произошло со мной. Только после того, как внутрь, откинув вонючую шкуру, за-

глянуло существо и, потыкав меня под ребра древком копья, что-то со смехом сказало наружу, – только тогда я поверил.

Я не разревелся лишь потому, что окаменел и как бы раздвоился – сам про себя смотрел кино, сидя в безопасном кинозале, и кино было даже интересным, потому что ясно же главного героя в любом случае спасут. Или даже если он погибнет, то под красиво-трагическую музыку, навалив вокруг себя кучи врагов, а за его гибель отомстят...

Только я-то, кажется, сейчас просто навалю кучу. Под себя. От страха.

Я напрягся, пробуя разорвать ремни. Ничего подобного; да и сделал-то я это скорее от отчаянии. Подтянув колени к подбородку, я увидел, что связан именно тонким кожаным ремнем, а не веревками. Я попытался передвинуть руки вперед через ступни, но обнаружил, что мне связали не запястья, а выше, середину предплечий. Тем не менее я еще какое-то время дергался и рвался, шипя сквозь зубы, – так было не до такой степени страшно, чем если просто лежать неподвижно и ждать.

Когда я вспотел и содрал кожу на руках и щиколотках, мне осталось только успокоиться. Точнее, успокоился я внешне. Внутренне у меня наличествовали все унижительные признаки страха – крутило и сжимало живот, ритмично подкатывало сладковатое желание помочиться, во рту был кислый вкус близкой рвоты, кровь бухала изнутри в виски. Плюсом было то, что прошла головная боль.

Лучше бы убили сразу, подумал я. Представил, как я валяюсь там, в лесу – со страшными ранами, подтекшей кровью, запрокинув оскаленное лицо, – и заснул. Нет, это было ужасно, все было ужасно, любой выход, кроме одного – немедленно оказаться среди своих...

Я заставил себя оборвать нытье. И только теперь обнаружил, что в шалаше не один. Вообще-то это было не так уж удивительно – я уже сказал, что внутри царил полумрак, сам шалаш – не маленький, а мне – не до соседа, лежавшего очень тихо. То ли он был без сознания, то ли наблюдал за мной – не поймешь, но в тот момент, когда я обратил на него внимание, он был вполне в себе и наблюдал за мной левым глазом – внимательным и серым, похожим на прибитый росой пепел, под которым еще есть огонь: не ройся – обожжешься!

Мальчишка был моих лет, темно-рыжий и длинноволосый, лежал ничком, связанный точно так же, как и я. Щекой он прижимался к мятой траве. Видная мне щека была расцарапана – так, что кожа повисла рваными бурыми лоскутами.

– Ты кто? – выдохнул я, замерев на боку. – Ты наш, русский?

Он повозил щекой по траве и тихо, тоже со вздохом, ответил:

– Нэм руссу... ромэн...

– Румын? – Это я понял. – Тебя тоже схватили? Слушай, а если попробовать перегрызть ремни? Ну, хоть на руках?..

Меня понесло. Румын со стоном привстал и тяжело сел, подогнув ноги. Он был весь в синяках, на правом бедре багровела сочащаяся кровью рана, к ней прилип разный мусор. Покрутил головой и тоже что-то сказал, дергая плечом.

Мы друг друга не поняли. Да, собственно, я даже не успел узнать, как мальчишку-румына зовут. Шкура у входа сорвалась, внутрь, сгибаясь, протиснулись несколько существ и со своими обычными звуками потащили нас наружу.

Горел посреди круга из полудюжины шалашей костер – возле него был вбит в землю столб примерно в два человеческих роста. Я почему-то думал, там будет, как в книжках, круг из вопящих и ритмично лупящих по земле дикарей. Но там было только две твари – они стояли у костра и рассматривали нас.

Меня шваркнули наземь так, чтохватило дух – но перевести его я не успел. Цепкая лапа – четырехпалая! – схватила меня за волосы, и я заорал от боли – меня волоком тащили дальше под злорадный хохот, потом снова бросили, и сильный толчок в плечо перевернул меня на спину. Я оказался в перекошенном положении – мешали связанные руки – и смотрел снизу вверх на «негров», втягивая воздух сквозь зубы. Румына швырнули рядом со мной. Я видел боковым зрением и его лицо – на нем был не страх, а ненависть.

– Этот новенький, – сказал кто-то, и я даже сперва не понял, кто тут говорит по-русски, – посмотрел влево-вправо недоуменно. Лишь потом до меня дошло – говорит одно из

существ. – Говори, как тебя зовут?

– Олег, – кашлянул я. Сверху опустился ассегай и уперся мне в живот. Я непризвольно напрягся, с ужасом ощущая сосредоточенную на кончике острия смертоносную тяжесть.

– Хорошо, – наклонила увенчанную перьями голову тварь. – Где твои товарищи?

– Я... – мне пришлось сделать над собой усилие. – Я один.

– Хорошо, – снова кивнула она. Я поразился: неужели поверила?! Тварь что-то скрежетнула тем, которые притащили нас. Меня подняли, развязали руки и, швырнув к столбу, вновь связали – но уже подвесив меня на какой-то крюк в 20–30 сантиметрах от земли за связанные сзади руки. Больно почти не было, но ремень ощутимо врезался в кожу. – Ты сейчас посмотри, – голос звучал почти дружелюбно. – А потом ночку подумаешь. И утром поговорим как следует.

Он взмахнул ассегаем, еще что-то крикнул. Остальные вздернули румынского мальчишку, вцепились в него...

Я зажмурился. Так, что перед глазами поплыли стремительные хороводы огней. Но все та же странная тварь, подойдя сбоку, сказала: «Смотри!» – и насильно подняла мне веки, безжалостно прижав их пальцами. Я попытался мотать головой, но еще кто-то, придвинувшись сзади, зажал мою голову ладонями.

Стыдно, наверное, об этом говорить, но я не мальчишку жалел, а был в ужасе при мысли, что подобное может произойти со мной. Я не плакал и ничего не говорил, только тя-

нул воздух широко открытым ртом...

...Одна из тварей присела над румыном, доставая метальный нож. Примерилась и начала резать горло.

Я был бы очень рад потерять сознание. Только не получалось. Мальчишка с бульканьем колотил по земле ногами. А та, что держала меня, спокойно и доброжелательно сказала: – Ну, ты подумай. До утра.

* * *

Вывернутые руки уже не болели – они онемели, и временами мне казалось, что я вишу в воздухе как-то сам по себе. Но я мучился даже в те минуты, когда терял сознание (или засыпал?).

Сильнее любой боли меня мучило ее ожидание.

Оно было полным и безнадежным, это ожидание, – как черный туннель, в конце которого не свет, а *пламя*... но не идти в него нельзя, это от тебя не зависит. У меня было хорошее воображение – и сейчас, ничем не удерживаемое, но затуманенное мучениями, оно выстраивало – и наяву, и во сне – вереницы тех пыток, которые ждут меня с рассветом.

Никто меня не спасет. Вот это все, это конец, наступает мое последнее утро, вместе с которым придет такая боль, которой я в жизни не знал.

Да и что я вообще знал в жизни?! Сколько ее было, той жизни?! Я заревел – тихо, но безнадежно, весь подергиваясь,

и слезы вымывали из меня остатки мужества.

Когда они придут утром – я заору, я им все скажу! Я на колени упаду, я просить, умолять буду, я на любые вопросы отвечу, я... я сам им зад подставляю, только бы не мучили – ведь нельзя же от человека требовать, чтобы он был героем в четырнадцать лет! Я не хочу! Да нет, я просто и не смогу, как эти разные пионеры-герои! Я же все равно «расколюсь», только перед этим вытерплю много боли – зачем же мучить себя?!

Я вспомнил, как во время игры в войну – не так уж давно, вот ужас-то?! – меня тоже захватили в плен и только *собирались* сделать «велосипед», а я уже был готов рассказать все... и только появление Сани с его «зондеркомандой» меня спасло...

Ну боюсь я боли! Боюсь!!! Что теперь?!

Я снова начал плакать. Я не плакал давно и считал себя – вроде бы заслуженно – выдержанным и спокойным парнем. Вот они – мои выдержка и спокойствие, чего они стоят!

Я тихонько завыл от ужаса – даже крох стыда, и тех не осталось. Слышат? Да пусть слышат! Мне страшно! Я жить хочу!..

...Когда я в очередной раз пришел в себя – было утро, и я почувствовал, что дрожу мелкой дрожью. То ли от холода, то ли от страха, а скорее – и от того, и от другого. А еще от взглядов двух убранных белыми перьями и султанами тварей, стоявших рядом со мной.

На миг я увидел себя их глазами – с опухшей от слез рожей, со взглядом, в котором остался только ужас, с подтеками на лице, висящего на скрученных руках, как сосиска. Сейчас как раз и было самое время – заорать, что я все скажу, и начать говорить. Ничего иного они от меня и ожидать не могли – за несколько ночных часов мои собственные мысли скрутили меня, как мокрую тряпку, смяли в бесформенный комок.

И я уже почти услышал свой истеричный, тоже заплаканный, срывающийся голос, выкрикивающий ответы на вопросы, которых мне еще не задали даже.

– Таким ты мне больше нравишься, – удовлетворенно сказала одна из тварей, и я узнал ту, которая допрашивала меня вчера. – Весь в соплях и слезах и думающий уже только о том, как больно будет и как бы этого избежать. Ведь так, а?

Как чисто говорит, даже странно, краем сознания мелькнула мысль. Я кивнул – кого тут обманывать?

– Говорить будем? – У твари была усмешка – не их оскал, а именно усмешка победителя. Она еще ничего не спросила, я еще ничего не сказал – но она уже победила.

Презирая себя, я кивнул.

– Не слышу? – угрожающе спросил он.

– Буду, – буркнул я. Презрение жгло глаза, выжимая из них слезы, но я знал, что, если отказаться – будет боль, и презрения не останется, останется только страх... – Только не убивайте, – добавил я и заплакал снова, стараясь вытереть

слезы о плечо.

Они рассмеялись – шипяще и презрительно.

– Скажешь все – не уьем, – пообещал мой «собеседник». – Побалуемся с тобой, как с вашей девкой, – и отпустим.

Я продолжал реветь. Тварь брезгливо приказала:

– Хватит. Рассказывай.

– Ч... то? – Я подавился коротким словом, как хлебной коркой. А хлеба-то мне больше не есть никогда... и эти смеются мне в лицо...

– Первое – где ваш лагерь и сколько часовых, где они стоят?

Тот же самый вопрос, на который я готов был ответить *тогда*. И сейчас готов. Я сейчас скажу... и они пойдут в лагерь, убьют...

Убьют моих друзей. С которыми я пел песни у костров, помогал друг другу, смеялся и горевал. И думал, что так будет всегда-всегда, даже здесь. Но сейчас я скажу – и их убьют. Не как в игре, а по-настоящему.

Как могут убить меня, если я вздумаю молчать! Никто же из них, из моих друзей, не знает, что такое огонь, палка в безжалостной руке, раскаленная сталь! А я – я могу со всем этим познакомиться! И я же все равно заговорю, только это будет противней, дольше и страшнее... я снова представил себе это и открыл рот...

А еще – они убьют Танюшку. Сперва – сделают с ней *это*.

Потом – убьют. Это я тоже себе представил – нетрудно с хорошим воображением.

И эта картина была ужасней всего, что я представлял раньше о самом себе. Почему-то непредставимо ужасней, так, что я понял: если она станет реальностью, я не смогу жить.

Не смо-гу.

Но если я все равно умру – то по крайней мере не стану трусом и предателем.

Да, будет больно. Наверное, непереносимо. Но... ведь это только так говорится – непереносимо. А на самом деле это можно выдержать.

И, наверное, это будет не так страшно, как видеть Таню... после *этого*. И знать, что это – уже не твоя фантазия, а реальность, в которой виновен *ты*.

По крайней мере – я попытаюсь.

Я поднял мокрое лицо. Как трудно говорить, обрекая самого себя на смерть... Слова – словно глотаешь кипяток. Но что же я – совсем не человек? А все, что я читал, смотрел, о чем говорил? Мусор все это, и только во мне и есть, что этот жидкий ужас?

Ждете? Ладно.

– Ничего я не буду говорить.

– Вот даже как? – Существо протянуло руку... лапу и взяло меня за лицо. – Даже не «не знаю», а «не буду»?

– Не буду, – повторил я. Почему-то из головы вымело все

чувства, даже страх – осталась только звонкая переливчатая пустота.

– И не надо, – покладисто сказала оно. – Говорить ты и правда не будешь, а будешь ты кричать. День, два – где-то так. Сперва кричать, потом горло сорвешь и станешь сипеть, а когда не можешь кричать – боль еще сильнее... Видишь? – Он отошел чуть в сторону. – Это – для тебя.

И я увидел кол. Его принесли четверо, еще один нес деревянную колотушку. Кол был свежий, острый, не очень толстый, но длинный.

Все. Глаз от него я отвести уже не мог, а язык примерз к небу. По всему телу, покрывшемуся гусиной кожей, выступил ледяной пот.

– Может, скажешь? – раздался откуда-то. – И иди. А то ведь знаешь – это такая боль, что у многих от крика рот рвется...

– Сволочи, – сказал я. – Зверье, садисты... Ничего, и до вас доберутся. Жаль, я сам вас мало успел убить... гады...

Я снова заплакал. От острой горечи при мысли, что Танюшка не узнает, что она для меня, и увидит только то, *что* от меня останется. И тоже будет плакать...

Но – будет *жить*.

Только надо молчать. И я, готовясь к страшной и долгой боли, зажмурил глаза.

Потом я закричу, конечно. Но это будет просто крик, а не трусливый визг предателя... Может быть, Сусанин тоже

кричал, когда его убивали поляки. Вот только обратной дороги он им не показал.

И я не покажу...

...Когда я открыл глаза – обе твари уже падали к моим ногам. В полном обалдении я – уже начисто ничего не понимая! – наблюдал торчащие у них в затылках – у того и другого – рукояти цельнокованных металлических ножей. На мои ноги и землю лилась кровь.

Потом откуда-то слева выплыл Саня – и я услышал, как валлонка в его руке с коротким стуком перерубила веревку над моими ладонями.

Я рухнул в объятия подскочившего Вадима, не понимая, умер я все-таки... или каким-то чудом жив?..

* * *

– Смотри, что у него с руками. Синие...

– Давай я разотру... Эй, девчонок там придержите, тут такое!..

– Ты ему руки сначала опусти. А то смотреть жутко...

А руки-то у меня, оказывается, есть... И болят! Ооой, как болят! Вот оно, начали пытаться... свои-то, свои за что пытаются, я же их не выдал, ничего не сказал! Плечи выкручивала, растягивала, сжимала, жгла и морозила беспощадная боль, и так же начинали под чьими-то пальцами болеть и запястья.

– Б-б-больно-о... – прохрипел я, не открывая глаз, потому

что еще не понял, в сознании я или без. И вообще – живой или нет? Да это и не казалось важным – боль нарастала. – Ну за что?! Перестаньте, хватит... больно, не трогайте!..

– Живой, живой! Серега, Серый! Он живой!..

– Три, три, он же без рук останется...

– Дай я сменю...

– Дайте ему попить, у него губы белые...

Вода. Настоящая вода! Тоже пытка – сейчас капнут несколько капель, и... нет, поят, поят!

Я открыл глаза. Улыбающиеся физиономии окружали меня стеной – точнее, куполом, сверкающим зубами и родным. Вадим держал мою голову на коленях и массировал плечи. Арнис растирал запястья.

– Ожил!!! – заорал из-за его плеча Олег Крыгин и замахал рукой: – Живой!!!

– Ты еще рывкни: «Все сюда!», чтобы девчонки прибежали, – хрипло сказал я и облизнул губы: – Дайте еще попить, раз уж живой. И оружие с одеждой найдите, если можно.

– Уже нашли, нашли! – заорал Бэн, с широченной улыбкой сваливая возле меня мое барахло.

– А этих гадесов, – Саня, держа в руке окровавленную валлонку, хлопнул меня другой по плечу, – мы всех прикончили. Они даже из своих халабуд повыскакивать толком не успели.

– Как ты... сказал? – переспросил я.

Санек насторожился:

– А чего я сказал? Гадесов.

От уже подзабытого детского словечка повеяло чем-то таким, от чего я широко улыбнулся... а потом облегченно расплакался навзрыд. Ребята вокруг притихли сочувственно и растерянно, а я все никак не мог остановиться.

Это был последний раз, когда я плакал, на много лет вперед.

* * *

Четырнадцать лет хороши среди прочего тем, что все пережитые ужасы перестают казаться ужасными через какие-то сутки после их окончания. Если ты не свернул себе шею – вскоре ты будешь вспоминать это уже как приключение, не больше. Поэтому ночь я спал совершенно спокойно, а под утро проснулся от того, что ощутил: кто-то на меня смотрит.

Смотрела на меня Танюшка. Я вечером с ней толком и не поговорил – она держалась от меня на странном расстоянии. Другие девчонки, сидевшие в лагере, как на раскаленной плите, бросились на меня толпой, а она... словно я был ярким пламенем: хочется подойти вплотную и боишься обжечься. А я завалился спать раньше всех, едва поел.

И вот Танюшка сидит возле меня, и я неплохо различаю ее лицо, потому что уже утро.

– Я тебе зашила куртку, – сказала она, едва увидев откры-

тые глаза и мою невольную улыбку. – Нитки и иголку у Ольки взяла... – Она пожала плечами и вздохнула. Потом сказала, глядя мимо меня: – Ты очень храбрый, оказывается, Олег. Я не знаю, кто бы еще из наших мальчишек так смог.

– Я? Как так? – искренне удивился я и вздрогнул, ярко вспомнив короткий и страшный плен.

– Мальчишки же не сразу напали на гадесов, – тихо сказала Танюшка. – Они окружили их лагерь, лежали и видели все: как тебя спрашивали, а ты отказался отвечать... чтобы нас не выдать, как настоящий герой!

«Это ты дала мне сил промолчать», – сказал я. Вернее – испугался, что сказал. Но Танюшка глядела на меня по-прежнему, и я облегченно перевел дух. Сказать такое было бы... о-го-го! А вслух я сказал:

– Да ну, герой... Ты не знаешь, как я перетрусил.

– По-моему, во всех книжках говорится, что герой не тот, кто ничего не боится, а тот, кто свой страх преодолевает, – воинственно сказала Танюшка.

– Если бы ты знала... – вырвалось у меня, но я тут же исправился: – Нет, тебе лучше никогда не знать, Тань, как это – преодолевать свой страх.

Я умолк, а сам подумал про румына. От него ничего не осталось, я даже имени не узнал... Вспомнилось, как его жарили и ели, и комок прыгнул к горлу. Я сел, скрестив ноги. Танюшка тревожно смотрела на меня, но молчала. Наверное, поняла, что я вспомнил произошедшее.

Но я уже думал о другом. Странно – «негр», допрашивавший меня, отлично говорил по-русски. И что вообще тут происходит, в конце-то концов?! Сверхжестокая глобальная игра в средневековую войну...

Я дотянулся до револьвера. Кто-то позаботился выбить пустые гильзы и снарядить оружие заново. Теперь у меня осталось двадцать четыре патрона – три полных барабана плюс еще три патрона. На три попытки самоубийства, неожиданно мрачно подумал я. Но наган-то мне – слов нет! – сослужил хорошую службу... Я поймал себя на том, что уже и не вспоминаю убитых гадесов – не до них...

Танюшка все еще смотрела на меня. Я заметил, что девочка сильно загорела. Нет, она и до... в Кирсанове загорала, но тут загар был как у людей, постоянно живущих на свежем воздухе. Хотя – где же мы еще-то живем? На свежем воздухе...

– Чуть больше чем через месяц кончатся каникулы, – вспомнила Танюшка. – Знаешь, это будет первое первое сентября, когда я не пойду в школу.

– Ты пойдешь в школу, – мягко поправил ее я и все-таки прикоснулся к ее голому локтю. Танюшка напряглась на миг, а я ощутил, прежде чем отнять пальцы, прилив чего-то невероятно сладостного, как это бывало всегда, если я прикасался к Танюшке. Но сейчас он был намного сильнее, чем обычно, – меня буквально пробило, голова легонько закружилась... Я поспешил снова заговорить, пока это не сдела-

ли мои глаза: — В одну со мной... если не соврала все-таки. — Она улыбнулась и щелкнула меня в нос коротко подстриженным ногтем. Я сморщил нос, прикрыв глаза (радуясь, что есть повод), и продолжал: — Но чем здесь хорошо — так это тем, что мы вообще все время вместе. Даже спим... недалеко. По крайней мере не в квартале друг от друга.

Я открыл глаза. Танюшка ждала этого момента, потому что я получил еще один точный щелчок.

— Ого. — Я потер нос. — Распухает. Подуй, а?

— Я тебе не подую, я тебя вздую, — многообещающе сказала Танюшка, одним движением поднимаясь на ноги. — А сейчас пойду умываться. А ты — как хочешь.

Она побежала к ручью. Я смотрел ей вслед и улыбался.

Да, ты можешь быть скучной,
Можешь быть злой,
Но когда твой номер молчит,
Я беседу мысленно только с тобой —
И никто нас не разъединит.
Если я не один — разве это беда?
Если нужно — она подождет.
Я же слышу, как страшно трещит под тобой
Ненадежный октябрьский лед!..

Есть одна любовь — та, что здесь и сейчас,
Есть другая — та, что всегда!
Есть вода, которую пьют, чтобы жить,
И есть живая вода!

Да, он смел, как бог, я бы сам так не смог —
Целый день ходить, как в кино!
Не твоя вина, что ты хочешь вина —
И что он имеет вино...
Но когда твои губы сухи поутру —
Чем ты смоешь с них пепел побед?
И когда все дороги замкнутся в кольцо —
Как ты выйдешь на правильный свет?!⁹

* * *

В этот раз головным дозором шли Саня и Бэн. Они и прибежали к основной группе, причем взволнован был даже Сянек.

– Гадесы?! – подобравшись, выкрикнул я.

Саня махнул рукой:

– Нет, обычные ребята! Столько же, сколько нас, кажется... Нас заметили.

Мы быстро сбились в плотную кучку, оглядываясь и осматриваясь. Андрей первым махнул рукой:

– Ладно, пошли навстречу! Чего ждать?..

...Ребята остановились метров за пятьдесят от нас. Их было меньше – десятка два, девчонок – почти половина, и пар-

⁹ Группа «Nautilus Pompilius».

ни как бы прикрывали их (а наши стояли вместе с нами, и я подумал с какой-то обидой, что это неправильно), но внешне эта компания выглядела внушительней, чем мы. Более обтертой этим миром, что ли? На всех на них оставались какие-то элементы «нормальной» одежды, но они причудливо сочетались с самодельными куртками, штанами, сапогами и прочим. Почти у всех на шее висели какие-то медальоны и украшения. Большинство мальчишек и девчонок были светловолосые, и волосы у тех и у других – длинные – сплетались в переброшенные на грудь косы.

Но смешным это не выглядело. У всех в руках было оружие. Три девчонки в заднем ряду держали арбалеты. На флангах первого ряда стояли мальчишки с длинными луками – готовыми к стрельбе.

– Нас больше, – сказал тихо Олег Фирсов.

– Они сильнее, – ответила Ленка Черникова.

– Чего это?! – взъерошился Олег, но Вадим поморщился:

– Не спорь, они правда сильнее. Если будет свалка – мы проиграем.

«Мы будем убиты», – мысленно поправил я, изучая противника. К этой мысли было нелегко привыкнуть. Точнее – ее нелегко было принять как реальность.

Эти тоже переговаривались – непонятно только, на каком языке. Огнестрельного оружия у них не было, а наше они, конечно, видели. Раньше, чем они до нас доберутся, я и Колька уложим половину.

– Отступать все-таки как-то фигово, – как раз Колька и заметил.

Санек его поддержал:

– Тогда решат, что нас можно кидать через колено.

– Мальчишки, ну это же люди, – не выдержала Ленка Рудь. – Вот так сошлись – и сразу драться насмерть?!

– Ленк, если ты еще не поняла – тут это образ жизни, – процедил Санек.

– Но ведь тогда были гадесы...

– Не будь расисткой, – усмехнулся он. – Что будем делать все-таки?

Но ситуация разрешилась сама. Из плотного ряда напротив вышел рослый мальчишка – за его спиной прекратились разговоры. Обведя нас быстрым взглядом, он прокричал:

– Вэр’ст зи? Вохин’ст ду?

– Он спрашивает, – быстро и тихо прошептала Ленка Вла-сенкова, – кто мы и откуда... Ребята, они немцы или австрийцы.

– Видим, – сквозь зубы сказал Вадим. – Отвечай, Лен.

Ленка тоже что-то прокричала – с запинкой, но достаточно бодро. Лично я разобрал только «руссише». Немец что-то неразличимо сказал своим, потом снова повысил голос. Ленка перевела:

– Он говорит, что они все немцы из племени баваров...

– Из племени? – недоуменно спросил Колька Самодуров. – Они что, одурели?!

– Или одичали, нам не легче, – заметил Вадим.

– Подождите, он еще говорит, – вмешалась Ленка.

Я ощутил пожатие пальцев Танюшки, она встала рядом, держа в правой руке аркебузу, и, не поворачиваясь, сказал:

– Если что – держись сзади. Не спорт!

– Его зовут Хунтер... Гюнтер, – продолжала говорить Ленка, – он конунг. Он предлагает не устраивать свалки. Если я правильно понимаю, он хочет... да, он говорит, что готов сразиться с нашим вождем. Кто проиграет – уступит дорогу.

– Дебилизм! – фыркнула Черникова. – Давайте просто развернемся и уйдем, ребята.

– Не факт, что они нас отпустят, – заметил Санек. – И будет точно свалка.

– Ты пойдешь драться? – почему-то очень агрессивно спросила Танька. Санек развел руками:

– Он меня убьет.

– У него такой вид, что он убьет любого из нас, – поправил Вадим.

– Мошет бит – яа? – Арнис шагнул вперед, но я коротко вздохнул и, ловко освободившись от руки Танюшки, шагнул раньше него, бросив:

– Держите Таньку.

Сергей сместился к ней, но лицо Танюшки сделалось злым, и она, прошипев мне: «Урод, дурак!» – пихнула Сергея и ушла назад. Мальчишки переглядывались. Арнис по-

ложил мне руку на плечо:

– Тавай яа. Он сдоровий.

Я только улыбнулся в ответ, и литовец отступил, сконфуженно улыбаясь. Танька глядела через плечо Сергея злыми и несчастными глазами. Вадим сказал Ленке:

– Давай скажи, Лен. Олег будет драться. Наш... князь.

Мне стало немного смешно. Но в целом я ощущал себя, как всегда перед поединком, – слегка потряхивало и было весело.

Гюнтер сбросил перевязи, стягивавшие белую куртку мехом наружу, без рукавов. Скинул и ее тоже. Невысокая, но стройная девчонка, выбежав из общего ряда, подняла все брошенное, на миг прижалась щекой к плечу немца и медленно пошла обратно – ее обнял кто-то из парней.

У Гюнтера осталась в руке валлонская шпага – шириной и длиной как мой палаш. Немец вытянул оружие ко мне – и я понял: предлагает схватку только на длинных клинках.

Я кивнул и начал расстегивать ремни. Немец ждал – он был выше меня, хотя и не слишком, зато шире в плечах и мощнее. Грудь слева у плеча перечеркивал заметный даже на расстоянии широкий шрам.

– Давай. – Подойдя, Вадим принял у меня снаряжение и куртку. Серые глаза его были внимательны и серьезны. Подумав, я снял майку – на белом кровь будет очень заметна – и вытянул из ножен палаш. – Держись. Ты сможешь его победить.

Он пожал мне запястье. Я молча ответил тем же – говорить не хотелось – и пошел навстречу Гюнтеру, забирая чуть вбок.

Мы остановились точно посередине луговины. Глаза немца напомнили мне глаза Вадима – серые, серьезные и внимательные, без насмешки или злости. Сейчас я мог различить еще несколько шрамов, и то, что его медальон – это каменный молоточек со знаком-руной, висящий на волосяном шнурке. Мне вдруг захотелось спросить, давно ли он здесь – но Гюнтер не знал русского, да и не для разговора мы сюда пришли.

Мне почему-то подумалось: сейчас он будет поднимать оружие к небу, обращаться к богам, все такое, но немец отдал мне салют, энергичный и точный, фехтовальный, какому учили и меня. Я ответил тем же – и мы приняли боевую стойку довольно далеко друг от друга. Замерли.

Я держал палаш в своей любимой четвертой позиции. Немец принял третью – и меня кольнуло недовольное беспокойство.

Терпеть не могу неупотребительных позиций – первой, третьей, пятой... Всегда надо думать, что сделает противник – а в фехтовании думать нельзя, оно слишком молниеносно для мысли. Тело должно отвечать автоматически.

Острие валлонки смотрело мне в правое колено. Гюнтер приглашал – коли, вот он я.

Я уколую, он возьмет вторую... а дальше? Не забывай,

Олег, у вас оружие, которое рубит лучше, чем колет... Рубанет по голове слева? Немцы любят рубить в голову, так в книжках пишут... Или в правый бок?.. Прекрати думать, придурок!!!

Раз-раз – сохраняя позицию, Гюнтер стремительно пошел вперед. Я отступил ровно на столько же. Раз-раз – в ответ я сместился вправо, тут не дорожка. Гюнтер – раз-раз, вот подлец! – снова пошел вперед. Выводит из себя, похоже. Иди ты с этими фокусами... в младшую группу. Я угадал его новый шаг вперед и, сам рванувшись навстречу, был вознагражден тем, как немец поспешно отступил...

Да черта с два! Упругим толчком он тут же вновь рванулся вперед, целя мне снизу в живот, – поменял позицию так же естественно, как человек моргает.

Я ответил третьей круговой и нанес рубящий удар в правый бок. Гюнтер взял вторую защиту и рубанул слева по голове. Я закрылся шестой и уколол вниз. Гюнтер опять взял вторую и тоже уколол вниз. Я не принял защиты и вышел из схватки, вернувшись в четвертую.

– Зер гут, – сказал Гюнтер. Он менял позиции, как течет вода – 1–2 – 3–4 – 5–6 – 1–2 – 3... Казалось, это доставляет ему удовольствие. Я никак не мог заставить себя поверить, что этот мальчишка хочет меня убить. И еще не мог заставить себя попытаться убить его...

Он опустил валлонку к ноге. Я тоже опустил оружие – палаш не полукилограммовая рапира, попробуйте его поддер-

жать в стойке долго!

Самый страшный звук боя – это свист, свист вражеского клинка, разрезающего воздух, тонкое, поющее «ззухх», похожее на насмешливое посвистывание человека. Сначала – свист, потом – тяжелый удар, одновременно с которым раздается уже лязг. Стальные клинки не «звонят», это вранье, они гулко и жестко лязгают.

Руки немца были сильнее. И ни о каком фехтовании речь уже не шла – он рубил, наступая, гипнотизируя меня этими тяжелыми ударами, а потом – свирепо и коротко колол без отскока. И не достал меня сразу только потому, что я не испугался. А не испугался я потому, что не верил, по-прежнему не верил...

Несколько раз я видел, как из-под клинков брызжут бледные искры. Два или три раза его клинок ударялся о мой эфес, а один раз мы столкнулись эфес на эфес лицом к лицу – и я увидел по краям его носа редкую россыпь веснушек. Ноздри раздулись и отвердели, но глаза остались бесстрастными.

Я надеялся, что по крайней мере не выгляжу совершенно беспомощно – до меня никак не могло дойти, что я проигрываю жизнь. С обеих сторон орали – и наши, и немцы... Они – что-то очень похожее на «зи'хайль!». Наши – нечто неразличимое, но в целом жизнеутверждающее.

А я... я вдруг понял. Это было как резкая, короткая вспышка молнии среди ясного неба – потрясающе красивая и неожиданная, но в то же время страшная... в общем, от

которой дух захватывает.

Этот парень – конунг. Он дерется за своих. Но и я – князь. Это не слово. Вадим знал, что говорил, а мне показалось, что он посмеялся.

Я – князь. И я дерусь за своих. Это не фехтовальный поединок на дорожке.

Это... это Суд Божий. Так говорили наши предки.

Падая на правое колено, я круговым ударом подсек Гюнтеру ноги – свирепо, размашисто, сам от себя такого не ожидал. Немец не успел отбить удар – подпрыгнул, а я вернул руку уколom вперед-вверх.

На груди отскочившего Гюнтера – от ребер слева до правого соска – вскипела кровью алая полоса.

– У-ухх!!! – ахнули немцы, подаваясь вперед. Гюнтер что-то коротко рывкнул, мазнул ладонью по ране и показал мне окровавленную руку.

Он улыбнулся. Нехорошо улыбнулся. И пошел ко мне так, что мне на миг захотелось убежать.

На миг. Потом я понял, что скалюсь ему в ответ.

А еще потом я ударил навстречу его удару...

...Во время очередного отбива он ранил меня в левое плечо. Я даже не понял, что ранен, – что-то хрустнуло, совсем не больно, и я, скосив глаза, увидел кровь – она стекала под мышку и к локтю из линзовидного прокола, похожего на приоткрытый рот.

Потом мне показалось, что в плечо снова воткнули – толь-

ко раскаленный прут, и течет из пореза не кровь, а что-то кипящее, обжигающее кожу. Больше всего захотелось закричать и зажать порез ладонью.

Но в правой руке у меня был палаш.

А еще я услышал, как закричала Танька. Так страшно закричала...

Словно это ее ранили...

...Следующим ударом он хотел меня добить. Но я поставил скользящий блок – шпага немца соскользнула, он сам, увлекаемый тяжелой силой удара, упал на колено. И только сумасшедшая ловкость немца спасла его – он забросил руку с оружием за спину и отбил мой выпад, а потом вскочил, очертив у моего живота сверкающий полукруг. Из раны на груди у него текла кровь, но вяло.

На какой-то миг мы опять перешли в классический фехтовальный поединок, и он чуть не обезоружил меня атакой на оружие, но я, недолго думая, ударил его в скулу кулаком.

– Молодчина! – узнал я голос Сережки. Гюнтер отшатнулся, но тут же полоснул крест-накрест передо мной... и это была *защита*. Поспешная и даже испуганная. Сама мысль о том, что он меня испугался, заставила усилить напор. Я забыл о крови, текущей по руке, о боли, которая дергала плечо при малейшем движении. Наверное, мне в жизни еще не было так больно.

И в то же время – я не помню за собой такого подъема. Во мне словно разворачивалась – оборот за оборотом! – пружина.

на, лежавшая до сих пор туго сжатой. И каждый освобождающийся виток этой пружины был – удар.

Гюнтер опомнился и «уперся» – встал, парируя мои удары встречными. Это было опасно, он оставался более сильным. Но во мне выключилась неуверенность, и сила его ударов больше меня не пугала.

Хрясть!!! Клинки столкнулись над эфесами – и я еле успел отклонить голову. Гюнтер «перехлестнул» оружие через мой палаш и едва не раскроил мне лицо. Но взамен промаха он пнул меня в живот с такой силой, что я отлетел на-земь и проехался спиной по траве.

Больно не было. Просто нечем стало дышать, а ноги не действовали. Мелькнула холодная мысль: а ведь тренер говорил, что надо укреплять пресс.

Поздно. Гюнтер шел ко мне – как-то неспешно шагал, широко ставя ноги и держа шпагу на отлете. Приколет к земле?

Ноги заработали. Я отбил удар, поднявшись на колено, немец безжалостно сбил меня снова – пинком в грудь, от которого захватило дыхание. Следующим движением Гюнтер прижал мое запястье...

Я ударил его обеими ногами в живот – немец не ожидал этого и полетел кувырком, а я смог вскочить. Но, наверное, все-таки слишком медленно, потому что Гюнтер оказался на ногах одновременно со мной. Мы еще несколько раз тяжело, с лязгом, скрестили клинки, стоя друг против друга и только отшатываясь назад при ударах. В сущности, тянули время,

чтобы восстановиться. На животе немца краснел сдвоенный отпечаток моих туфель.

Палаш в правой руке немца вдруг загудел звуком большого вентилятора, начиная бешеное вращение, – и Гюнтер пошел на меня, крутя оружие то сбоку от себя, то перед собой, то над головой. Вокруг него возник серебристый тонкий кокон.

Врешь, устанешь, устанешь... Я несколько раз быстро выбрасывал клинок ему в ноги – серебристый кокон с гулом опускался... Верти, верти...

Кокон вдруг выплюнул серебряное жало, похожее на атакующую змею. Гюнтер рассчитывал проколоть меня в солнечное сплетение...

В спортивном фехтовании не делают того, что сделал я. Но мы ради шутки отрабатывали это – «как по-правдашнему». И немец, скорее всего, не ожидал этого.

Поворачиваясь *спиной* к нему на выставленной вперед *левой* ноге, я перехватил его запястье левой же рукой и нанес сверху вниз рубящий – в полную силу! – удар в основание клинка, одновременно ударив головой назад. Валлонка упала мне под ноги, вывернутая из захвата силой удара.

Когда я повернулся – немец пытался подняться с земли. Я упер конец палаша ему в горло – и под загорелой кожей мальчишки выступили и запульсировали голубоватые артерии. Лицо Гюнтера окаменело, но губы улыбнулись. Резиновой улыбкой.

– Штильгештатн, – с трудом переводя дыхание, выплюнул я всплывшее в памяти слово из какой-то книжки.

– Найн, найн, найн, бите, найн! – закричал высокий девчончий голос, и возле нас на колени упала, обхватив Гюнтера поперек груди одной и отталкивая мой палаш другой рукой, та самая девчонка. Я отшатнулся; еще несколько немцев бежали к нам с оружием, кто-то натягивал лук, сбоку оказался Колька со вскинутым ружьем...

– Фертихь! – крикнул, перекрывая общий шум, Гюнтер. И засмеялся. Уже по-настоящему.

* * *

Огромный костер плевался в небо искрами и целыми столбами огня – кто-то водрузил в центр дубовый пенёк, и тот, с воем всосав в себя половину костра, работал, как печная труба. Вкусно пахло шашлыками, и девчонки, разом перезнакомившиеся, тараторили на мгновенно образовавшейся смеси немецкого, русского и... английского. Мальчишки, как ни странно, хором ревели «Калинку» – знаменитую тем, что в ней нет ни единого непроизносимого для немца русского «р».

Наверное, я тоже немец, кисло подумал я и, удобнее устроив ноги, прислонился спиной к камню. Луна проложила по воде Волги дрожащую «дорожку к счастью», откованную из листового золота.

Плечо коротко и тупо дергало. Танюшка хорошо наложила повязку... но лучше бы она сама осталась со мной. А она убежала к костру. Правда, звала с собой, и очень настойчиво. Мне не хотелось к людям, я огрызнулся. Она, кажется, обиделась. Может, стоило попросить прощения – она бы тогда наверняка осталась. Но для меня извиниться – все равно что раскусить лезвие: теоретически возможно, практически – не хочется пробовать.

Светлое от луны небо перечеркнули сразу несколько падающих звезд – метеоритов. Мне почему-то хотелось сразу плакать и смеяться.

Я чувствовал себя неуютно. Словно я в чужой одежде.

– Почему ты сидишь один, князь?

Я вскинул голову. Лунный свет превратил лицо подошедшего мальчишки в серебряную маску с черными пятнами. Он говорил по-русски с сильным акцентом, но правильно.

– Я присяду тут? – мальчишка указал на камень возле меня. Я кивнул, немец сел, и я вспомнил его – когда мы знакомились, он представился то ли Йенс, то ли Лэнс... Но тогда и не намекнул, что говорит по-русски. – Так почему ты один, князь?

– Не называй меня так, – поморщился я. – Не князь я никакой.

– Князь – это слово, – сказал Йенс-Лэнс. – Можно сказать «конунг», «вождь», «князь» – или вообще ничего не говорить. Важно быть. Ты вышел драться, значит, ты князь.

– Да просто я один учился фехтовать, – отмахнулся я и охнул от боли.

– Когда меня ранили первый раз, я визжал, как поросенок. – Он засучил ветхую джинсовую штанину и показал грубый шрам над левым коленом.

– Слушай, – признался я, – я забыл, как тебя зовут...

– Йенс Круммер, – не обиделся он. Устроился поудобнее и поставил подбородок на кулак упертой в колено руки. Левой Йенс придерживал у паха рукоять недлинного широкого меча с простой крестовиной. – Я у Хунтера что-то вроде комиссара. Хочешь, – он повернулся ко мне, – я расскажу тебе кое-что интересное об этом месте? – Я кивнул. – Начнем вот с чего: вы уже догадались, что мы – это реплики?..

...Больше года назад девятнадцать мальчишек и двенадцать девчонок из баварского города Регенсбург во время похода оказались в окрестностях своего города – но в *этом* мире. Их, в отличие от нас, забрали всех разом.

Весь этот год они странствовали – от Атлантики до Урала, нигде подолгу не задерживаясь и часто вступая в стычки. В этом мире было много гадесов – тут их называли урса, как они сами себя, – настоящими ордами приходивших с юга. И не так уж мало отрядов, подобных людям Гюнтера – подобранных именно по национальному признаку. Некоторые странствовали. Некоторые оседали на местах, приглянувшихся им. С некоторыми можно было договориться мирно.

Объединяло всех одно – это были дети и подростки. Безумие, но *тут не выросли!!!* И никто не мог объяснить, как и почему это происходит, – а ведь не все гибли в боях...

Но это была лишь одна из загадок странного и редконаселенного мира. Йенс обладал умом, который называют «аналитическим», однако и он мало что понял, хотя очень старался. И о многом рассказал мне – возле реки, недалеко от праздничного костра, в эту ночь...

...– Это не совсем Земля, – говорил Йенс, откинувшись к камню возле меня. – Тут есть странные места и странные существа. И вообще много странного. Держитесь подальше от Сумеречных Мест – это такие... ну... как будто серый туман, они где угодно могут быть, войдешь – и не вернешься.

– Здесь совсем нет поселений? – спросил я. – Я имею в виду – как в книжках, брошенных городов, все такое?

– Я понял, про что ты... Нет, тут никогда не было своей какой-то цивилизации. Никаких брошенных городов с их тайнами и опасностями... Хотя – подожди... – Йенс задумался и свел брови; его лицо стало похожим на иллюстрацию к приключенческой исторической книжке. – Семь месяцев назад мы добрались до Евфрата. И нашли в тех местах парнишку-болгарина. Он был при смерти и умер, но перед этим бредил. Я кое-что понял. Он говорил о Городе Света. И плакал, что смог бежать один. Но я так и не понял, о чем он.

Мы помолчали. Йенс обнажил меч до половины и рассматривал его.

– Вот еще загадка, – сказал он. – Откуда тут оружие? Почему именно такое? Огнестрельное иногда попадает сюда с Земли с хозяевами. А это, холодное?

– Загадки, загадки... – пробормотал я. – Послушай, Йенс. Как ты думаешь, есть ли у всего этого цель? Или это какие-то случайности?

– Не знаю, – признался Йенс. – Один голландец, мой друг, считает, что все это, – немец повел рукой, – огромная военная школа. Ребята и девчонки копируются какой-то цивилизацией, их помещают сюда, через какое-то время тех, кто остается жив, забирают куда-то на службу.

– Вообще-то похоже... но глупо, – заметил я. – Все пущено на самотек – мол, живите, как хотите... Ну ладно, ты не знаешь, но что ты думаешь?

– А ты скажешь мне, что думаешь *ты*? – Я кивнул, Йенс вздохнул: – Хорошо. Я не верю в инопланетян и все такое прочее. Мне кажется, мы просто попали в какой-то пространственный разлом, канал, называй, как хочешь.

– Знаешь, я думаю так же, – сказал я. – Но это ни фиги не объясняет всего остального. Оружия, того, что здесь, ты говоришь, не взрослеют...

– Объяснить можно все, – возразил Йенс.

– Притянуть за уши можно все, – ответил возражением я. – Ты не знаешь, давно ли все это действует?

– Точно не знаю, – покачал головой Йенс. – Но мы находили могилы начала XVIII века.

– А тут что, по одному отряду из каждой страны? – продолжил расспросы я.

– Нет, – ответил немец. – Неразбериха с этим, как и со многим другим. Но не по одному – точно. И не спрашивай о попытках объединения. Слишком много людей, слишком огромны расстояния. Если отряд встречается другой во время схватки с урса – так почему-то называют здесь чернокожих тварей, – помогает, чтоб по-другому было, я не слышал даже. Но это все. Ну, есть еще друзья в разных отрядах, не без этого. Но встречи нечасты, случайны даже. Знаешь, тут многие возвращаются к обычаям предков. – Йенс потянул себя за одну из кос. – А кое с кем просто становится опасно иметь дело... В какой-то степени это Нэверленд, страна, где никогда не вырастают. Читал про Питера Пэна?

– Да, – кивнул я. – Скажи, Йенс, а тут... м-м... рождаются дети?

– Ты скучаешь по дому? – вместо ответа спросил он. Я снова кивнул. – А хочешь вернуться?

– Нет, – ответил я. И объяснил: – Мне хочется домой, Йенс. Очень хочется, до... до слез. Но я понимаю, что теперь я там лишний. Я люблю маму, но она меня не может любить. Я скучаю по ней, но она по мне не может скучать. Для меня она пропала, но я-то для нее не пропадал... Если я вдруг вернусь, что я скажу ей? Она разве что поразится невероятному сходству и скажет: «Мальчик, иди домой. Олег в школе, он скоро придет...» Мне – всем нам – придется жить здесь.

И я хочу знать, как и для чего.

– Как и для чего... – повторил Йенс. – Как и для чего – это вопрос... Знаешь, по чему я больше всего скучаю? По своему видеомэгнитофону. Я всего месяц им попользовался. Знаешь, что такое видео?

– Нет. – Я покачал головой.

– Эх ты, человек из-за железного занавеса, – необходимо усмехнулся он. – Это магнитофон, но воспроизводит не только звук, но и... изображение.

– Ого, – вежливо сказал я. – А откуда ты знаешь русский?

– Я его начал учить в восемьдесят пятом, когда у вас началась перестройка, – объяснил Йенс. – Думал съездить в Россию.

– В каком-то смысле твоя мечта сбылась, – заметил я.

Йенс хмыкнул:

– Да уж...

– Слушай. – Я сел удобнее. – А сколько вообще тут можно... ну, протянуть?

– Говорят, в среднем – пять лет, – спокойно ответил Йенс. – Я видел одного финна, он попал сюда в начале века...

– В начале века?! – на этот раз я действительно был потрясен.

– Да. Но это не просто исключение. Это потрясающий случай. В среднем пять лет, – повторил он. – Хочешь еще один совет? Тренируйтесь. Учитесь стрелять. Учи своих фехтовать. Сам учись боксировать, бороться, и другие пусть учат-

ся. Учитесь метать ножи. Учитесь. Учитесь. Учитесь. *Тренируйтесь*. И лучше не оставайтесь на одном месте... У тебя есть блокнот или бумага?

– Нет, – покачал я головой.

– Черт... – Он достал из кармана самодельной куртки потрепанный толстый блокнот с огрызком карандаша. – Смотри, я начерчу и напишу кое-что...

Луна светила ярко, да еще и отражалась от воды. Йенс стал быстрыми и точными движениями набрасывать карту – Европа, север Африки, Малая Азия... Местами он ставил крестики и, задумываясь, писал мелким почерком по-русски – объяснял, кого можно встретить в этих местах. Указал он и несколько постоянных поселений.

– Та зеленоглазая с аркебузой, – вдруг спросил Йенс, вырывая двойной лист из блокнота, – которая подбежала к тебе, а потом перевязывала – твоя девчонка?

– Да, – коротко ответил я. (Танюшка-то не слышит.)

– Береги ее, русский. Ты спросил – могут ли тут рождаться дети? Нет, не могут. Заниматься сексом – да, тут это делают, часто и неплохо, но дети – почему-то нет... Ну что ты смутился?

– Я? Глупости... Родиться тут, чтобы вырасти с мечом в руках и умереть? Знаешь, Йенс, я никогда не думал о своих детях. Но не уверен, что хочу для них такой жизни. Я хочу *разобраться*. И сделать так, чтобы... не знаю, как. – Я сбился и умолк.

– Я сказал тебе, что не верю в пришельцев и прочую чушь. – Йенс почесал нос. – Я не верю, это так. Но я не верю и в то, что здесь все происходит само по себе. За этим кто-то стоит. Это видно хотя бы по тому, как действуют урса. И еще по тому, как они интенсивно атакуют тех, кто забирается слишком далеко к югу. Мы это на себе испытали.

– Значит, есть что-то на юге? – быстро спросил я.

– Может быть, – согласился Йенс.

– Город Света, про который говорил болгарин?

– Не знаю, – признался немец. – Все, что угодно. Или все-таки ничего... Знаешь, в чем беда нашего образования? – вдруг спросил он. – Чем больше ты знаешь, тем труднее тебе принять решение. Туповатым всегда легче с этим... Вот это все, что я могу рассказать тебе.

Мы снова надолго замолчали. А костер горел, и смеялись вокруг него ребята и девчонки, и с десятков луженых мальчишеских глоток грянули:

Тренируйся, бабка,
Тренируйся, Любка,
Тренируйся, ты моя
Сизая голубка!

А в ответ Игорек Северцев в ужасе завопил:

– Замолчите, несчастные! Как вы поете?!

«Пять лет, – подумал я. – В среднем пять лет». Мне стало холодно, словно от реки подул ледяной ветер.

– Олег. – Я почувствовал, как рука Йенса легла на мое колено. – Я раньше тоже думал об этом. Ты прав, мы живые люди, мы хотим жить, и как-то не утешает та мысль, что *дома* еще кто-то остался. В начале всего этого я просыпался в поту и плакал: «Меня не будет!» А сейчас этого нет. Просто печально – столько хочется увидеть и узнать, а времени может не хватить...

– Я не о себе подумал, – скомканно сказал я. – Знаешь, Йенс, правда не о себе... Понимаешь, эти ребята и девчонки – они не просто мои друзья. Они... как бы сказать? Попробуй понять. У меня много... было много знакомых, мне даже казалось, что они – мои друзья. А потом я понял, им было все равно, какой я. Они мной вполне довольствовались, не пытались заставить меня быть лучше, чем я есть. А с этими, – я мотнул головой назад, – я ссорился и ссорюсь. Потому что им *не все равно*, какой я и что со мною. И мне не все равно... Не все равно, что с ними будет...

– Я понял, – тихо ответил Йенс. – Тогда учи их фехтовать.

Начинается

плач гитары.

Разбивается

чаша утра.

Начинается

плач гитары.

О, не жди от нее

молчанья,

не проси у нее
молчанья!
Неустанно
гитара плачет,
как вода по каналам – плачет,
как ветра под снегами – плачет, —
не моли ее
о молчанье!

– И тополя уходят, —

ответил я, улыбаясь,

– Но след их озерный светел.
И тополя уходят,
Но нам оставляют ветер.
И ветер утихнет скоро,
Обтянутый черным крепом,
Но ветер оставит эхо,
Плывущее вниз по рекам.
А мир светлячков нахлынет —
И прошлое в нем потонет,
И крохотное сердечко
Раскроется на ладони...

– Ты знаешь Гарсиа Лорку?! – обрадовался Йенс.

– Я вообще люблю стихи, – признался я.

Йенс поднялся и гибко потянулся:

– Пойду искупаюсь... Пошли?

– Я не умею плавать, – признался я.

Немец наставительно сказал:

– Учись... Эй, а хочешь, сейчас попробуем?

Я посмотрел на лежащую поперек Волги золотую дорожку.

– Пошли.

Что помню, то помню, хотя и не знаю,

В чем суть всего, если только суть

Не связана с необходимостью прошлое

Сделать опять настоящим.

Помню

Желание войти в ночное озеро и выгребать

К дальней луне. Помню белое пламя

У темной норы перед тем, как взглянул

В высокое небо, знойно дрожащее в мареве белизны.

И еще иногда —

на рассвете обычно —

я вспоминаю крики в горах.

Но все, что могу, – это быть очевидцем.

Олег Чухонцев

* * *

Костер еще не прогорел – угли давали самый хороший

жар, пень не переставал постреливать струйками пламени, похожий на раскоряченного черного осьминога. И наши, и немцы спали вокруг костра кольцом, ногами к пеплу, закутавшись кто во что и прижавшись друг к другу.

– Часовых не поставили, – сказал я. Йенс не успел ответить, мы увидели Андрюшку Соколова, он сидел у деревьев подальше и коротко махнул рукой. Наверное, и немец-часовой тоже где-то был...

А в следующий миг в предрассветном сумраке, пропитанном плавающим туманом, я различил, что спят не все.

Танюшка сидела у костра, скрестив ноги и спрятав руки под мышками. На плечи у нее была накинута Сережкина куртка, а он сам спал под одной с Вадимом. Когда мы подошли, она только посмотрела из-под спутанных волос – и снова уставилась в угли.

Йенс молча обогнул костер и улегся где-то среди своих, я сразу перестал его различать, да и забыл о нем, если честно. От реки тянуло холодком. Я сел рядом с Танюшкой и молча начал разуваться.

– Поешь, – тихо сказала она, протягивая две палочки шашлыка, уже покрытого белесым жиром, а на них – тонкий ломоть лепешки. – Это немцы дали, из чего-то-там дикого. Почти как хлеб... Я рецепт постаралась запомнить... Ешь, ешь. Хорошо поговорили?

– Я потом расскажу всем, Тань, – пообещал я и занялся шашлыком.

Не люблю, когда на меня смотрят во время еды. Но Танька смотрела. И мне не было неприятно.

– Я очень за тебя испугалась, – сказала она. – Я так испугалась. Ты даже не представляешь, как я за тебя испугалась.

– Надо привыкать, Тань. – Я бросил одну палочку на угли, и жир на ней вспыхнул сине-рыжими язычками. – Тут по-другому не бывает. Я это до конца только вот сейчас понял, когда с Йенсом поговорил.

– Всю ночь протрепались, – укоризненно сказала она. – У тебя же есть часы, видел же, который час! – и вдруг она фыркнула, а потом засмеялась.

Я понял, что она вспомнила нашу первую встречу – в парке, год назад, когда мы с ребятами спросили у незнакомой девчонки, который час, а в ответ из кустов вымахнул здоровенный черный дог. И как мы спрашивали, можно ли нам теперь идти дальше...

– Ты сама-то ела? – все еще улыбаясь, спросил я.

Танюшка закивала:

– Ела, ела... Ты тоже ешь и ложись спать.

– Тань, – я очистил вторую палочку и подобрал с ладони хлебные крошки, – ты *меня* ждала? – Она наклонила голову. – Спасибо, – еле слышно добавил я.

– Вместе укроемся, – проговорила она, снимая куртку. – Вот, Сережка позаботился.

Я не понял, услышала ли она мое «спасибо»...

...Мы улеглись спина к спине и подоткнули куртку с бо-

ков, вытянув ноги ближе к неостывшему костру.

– Спи, Танюшк, – неожиданно ласково сказал я, и у меня почему-то защипало в носу. Она повозила плечами и как-то удовлетворенно вздохнула.

А я подумал, что спать не буду – я и не устал вроде, и совсем не хочу.

Только вот думал я все это уже во сне.

* * *

– Куда пойдете?

Немцы уже уходили по тропинке – головами все еще в тумане, над чем я хотел пошутить, но сообразил, что Йенс не поймет. Поэтому спросил то, что спросил.

– Пойдем в Сибирь, – сказал Йенс, держа обе ладони на рукояти своего меча. – Зазимуем где-нибудь на Урале, наверное. А вы?

– Пока не решил, – ответил я, пожимая ему руку первым. Он задержал мои пальцы:

– Так пойдете с нами?

– Нет, – отказался я с сожалением. – Спасибо, конечно, но... нет.

– Как знаете. – Он сильно тряхнул мою руку и широким шагом отправился догонять своих. Потом остановился, обернулся, крикнул: – Увидимся еще! Время будет – увидимся!

Я махнул рукой. И, повернувшись к своим, улыбнулся им, стоящим какой-то печальной стеночкой шагах в двадцати.

– Ребята, – сказал я, – надо серьезно поговорить. Обо всем сразу.

Все закивали, хотя тему я сформулировал крайне расплывчато. Но мы толпой потянулись на место нашей стоянки.

– Душевные люди, – оценил немцев Саня. Остальные молчали. Странно, но почему-то после моих слов на всех накатило серьезное настроение с размышлениями о своей будущности.

Танюшка держалась рядом со мной. Искоса посматривала – иронично и в то же время задумчиво. Потом сказала:

– Никогда не думала, что мне доведется зашивать куртку князю... Княже, а что-нибудь еще зашить не надо? Али постирать?

– А что, откажешься? – спросил я.

Танька свела брови, честно обдумывая вопрос. Потом призналась:

– Постираю с удовольствием... А то я, кстати, не стирала! Но сейчас-то – добавочная честь! Не кого-нибудь обстирывать, а князя!

– Из грязи в князи, – буркнул я.

Когда я закончил говорить, наступила тишина. Ее можно было щупать руками, как плотный темный занавес. Я видел, как девчонки невольно подались к пацанам, которые сидели ближе, – без разбора и рефлекторно. Мальчишки держались за оружие и были хмурыми, точно осеннее небо.

Я еще раз обвел их всех взглядом и почему-то испытал облегчение. Может быть, потому что все это были мои друзья? «Ничего, прорвемся!» – уже почти спокойно подумал я, не совсем отдавая себе отчет, о чем думаю.

– Если я князь, – сказал я вслух, – то вы все – вече. Понимаете, ребята? И нечего замирать, как мыши перед ужом. Даром мы, что ли, ходили в походы? Представьте себе, что и это – такой же поход.

– Длинною в жизнь? – усмехнулась Ленка Черникова.

– Хотя бы и так, – ответил я. – Можно и с этой точки зрения смотреть. И вообще – тут у нас выбора нет.

– Этот мир – реальность, данная нам в ощущении, – добавил Вадим. – Те, кто постарше, поймут, что я сказал, а остальным и не надо.

– Олег, – подал голос Андрюшка Альхимович, – а как называлось племя, которое жило на тамбовских землях?

– Мордва, – ответил я.

Игорь Мордвинцев потряс рукой.

– Сам ты мордва. Славянское!

– Вятичи, – понял я. Андрей усмехнулся и повел вокруг рукой:

– Племя вятичей.

– Кочевое племя, – добавил Санек задумчиво. Его худое, большеглазое лицо заострилось еще сильнее. – У меня есть предложение. Не знаю, как кто, а я очень хочу разобраться, с какой тут стороны ветер дует.

– Судя по тому, что рассказали немцы, – с юга, – заметил я.

– Именно, – кивнул Санек. – Вот туда и надо идти. И искать разгадку.

– В принципе я с тобой согласен, – тут же сказал Вадим. – Но мы мало знаем и не освоились тут. Я предлагаю найти постоянное место, а уж оттуда организовывать экспедиции.

– Какие еще у кого предложения? – Я опустил руку на эфес и понял, что это движение сделалось уже автоматическим.

– Искать союзников, – коротко сказал Сережка. – Своих, русских. Да и вообще всех, кто захочет... Если впереди – вечность, то можно действовать неспешно.

– Создавать государство? – посмотрел на него Вадим. Сергей кивнул.

– Олег, а что ты думаешь? – спросила Оля Жаворонкова.

– Перемещаться с места на место и собирать сведения, – медленно начал я. – Прости, Сергей, но ни в коем случае

пока не обрести союзниками. Если Йенс был прав, то этим мы привлечем внимание – и гибель. А на очередную группу кочевников никто не обратит внимания.

– Четыре предложения, – задумчиво сказала Кристина. – Голосуем?

– Девчонкам слова не давать, – объявил Олег Фирсов.

Ленка Власенкова съездила ему по затылку.

– Ставлю на голосование предложение Сани, – прервал я начавшуюся дискуссию. – Идти на юг сразу, разбираться с проблемой.

– Суть которой мы ни фига не понимаем, – вздохнул Колька.

– Без комментариев, – попросил я.

Колька поднял руки.

За Саню проголосовали Сморгч и Бэн – да и то подозреваю, что из личной солидарности. Даже Наташка развела руками:

– Извини, Саш.

– Предложение Вадима, – продолжил я. – Создать базу, обжиться.

Руки подняли Арнис, Игорь Мордвинцев, Андрей Альхимович, Андрей Соколов, Лена Черникова и Лена Рудь.

– Предложение Сергея о создании государства, – снова подал голос я.

Колька, Ирина, Кристина и Лена Чередниченко проголосовали за Сергея. Я довольно посмотрел в землю, потом еще раз обвел всех взглядом:

– Мое предложение прошло, кажется. Значит, отправляемся в путь... Но я хочу сразу кое-что прояснить. Если кто-то не хочет идти... – но общий шумок прервал мои излияния в самом начале. – Тогда вот что. Вы меня выбрали князем. Вы – вече. Решать все будем вместе. Но в экстремальной ситуации я буду приказывать. И повседневные вопросы стану решать сам. Опять-таки – кто против?

Снова одобрительно зашумели. А я вдруг с испугом подумал, что взваливаю на себя тяжелую ношу. Не слишком ли тяжелую?! И почему? Потому что умею фехтовать? Не самый сильный, не самый старший, не самый храбрый... Или прав был тот, кто сказал: «Власть не берут – ее подбирают!»?

Но мне не нужна власть над моими друзьями! Я стиснул зубы и снова заговорил, с трудом заставляя себя успокоиться:

– Значит, дальше. С завтрашнего дня у нас вводятся обязательные тренировки – по стрельбе, метанию ножей, фехтованию, боксу, самбо... Вообще – кто что умеет, тому и будет учить остальных. Это – обязательно.

– Это все хорошо, – сказал Сергей. – Но куда мы отсюда пойдем дальше?

– А вот это давайте решим вместе, – я (с облегчением, если честно) сел, и Танюшка потихоньку пожала мне запястье.

Предложения посыпались градом – я даже слегка обалдел. Не знаю, чего тут было больше – обычной придури, ребяческой увлеченности или искреннего желания посмотреть но-

вые земли. Санек, например, предложил отправиться в кругосветку – через Сибирь на Аляску...

– На берегу Атлантики построим корабль и вернемся в Европу с запада, – совершенно спокойно уверял он, – если с зимовками – года через четыре вернемся...

Санек в нашей компании был известен как прожектор чувовищных масштабов. Но на этот раз все моментально притихли и уставились на него. Саня заморгал:

– Да вы чего, я пошутил!!!

– А по-моему – хорошая идея, – сказал Андрюшка Альхимович. – Чего у нас тут навалом – так это времени.

– Не так много, как хочется думать, – неожиданно резко сказал Вадим и, вогнав в пенек финку, обвел всех взглядом. – Мы, по-моему, подзабыли, что тут идет война. И дадут ли нам шастать туда-сюда – это вопрос. Мне кажется, излишнее любопытство тут наказуемо.

– Нас еще надо суметь наказать, – ответил Сморг.

Вадим покосился на него:

– Думаешь, это будет так трудно?

– Это не тот вопрос, – вмешался я. – Ну куда вы опять съехали?! Мы решаем, куда идти. А не с кем воевать.

– Это, кстати, само собой решится, – поддержал меня Сергей. – Но мне идея с кругосветкой по душе. – Он улыбнулся. – Всегда мечтал, если честно.

– Балдеж, – выразилась Ленка Рудь. Я видел, что глаза у всех отчетливо загорелись. Да и самого меня начало знако-

мо подергивать изнутри – как бывало всегда, если впереди поход и решение на маршрут принято.

В конце концов – разве этого мало?

– Так, так, так! – сумел я снова прорезаться и овладеть общим вниманием. – Погодите орать, постойте! Лен, – окликнул я Власенкову, – вот что. Бери на себя хозяйство в нашем племени. Одежда там, продукты и прочее. Ну, ты же этим занималась всегда, вот и...

– «Всегда» под боком были какие-никакие магазины, – заметила Ленка. – Ладно, что тут говорить, дело-то общее...

– Оль... – повернулся я к Жаворонковой.

Она вздохнула и махнула рукой:

– Ясно... Медицина на мне? Чувствую, ждут меня веселые времена.

– Мы все не соскучимся, – обнадежил я ее. – Дальше. Я предлагаю двигаться на запад. Где-нибудь к середине сентября доберемся до Карпат, оккупируем пещеру, запасемся продуктами и зазимуем. А весной разберемся, что делать дальше.

Кое-кто начал выступать за Сибирь снова, но Вадим подал голос:

– Тогда и надо было с фрицами идти. А раз не пошли – так «последуем, дружина, за князем».

– Личная просьба, – вздохнул я. – Я *очень* прошу до минимума свести мое титулование. Если кто забыл – меня зовут Олег. В крайнем случае – Леший.

Рассказ пятый

Дорога

*У похода есть начало —
А конца походу нет.
Мы прошли дорог немало,
Но огромен белый свет...*

Туристская песня

Я читал рассказы Паустовского про Мещеру, и мне она нравилась заочно. Я даже подумывал подбить ребят на поход в те места.

Теперь и подбивать не пришлось. Мы третьи сутки шли по этой красоте. Пейзажи отличались только степенью заболоченности – от «по щиколотку» до «по грудь». Были, впрочем, еще места, где через таинственные, полные темной торфяной и очень теплой водой протоки приходилось переправляться вплавь. Для меня это было мучительно – хотя плавать и оказалось несложно, но я это так и не полюбил.

Со вчерашнего вечера шел дождь. Ночь мы кантовались на каком-то относительно сухом пятачке – в смысле, в болото ложиться не пришлось. Во сне все пригрелись друг о друга под наваленными одеялами, но стоило пошевелиться – вновь наваливался сырой холод, от которого сперва про-

сыпались, а потом, замучившись, перестали, но и во сне понимали: плохо, холодно, неудобно! Досаждали комары – это когда уже проснулись. Костер развести оказалось невозможно, вяленое мясо подернулось плесенью. Его жевали, меланхолично отплевываясь. Обувь, одежда – все было сырое, я с трудом заставил не то что всех – себя самого вычистить оружие. Сталь ржавеет без ухода...

Потом опять волочились по заболоченным километрам, которых тут на всех хватит. И то ополье у Волги, которое казалось концом света, сейчас вспоминалось, как легкий отдых.

Вообще – это чудовищно. Ноги давно одеревенели, ступни совершенно ничего не чувствовали. Болели бедра и плечи – от постоянного напряженного движения. От нас то и дело шарахались по воде ужи – серыми зигзагами, они плыли необычайно быстро, разбивая воду на широкие брызги. Сверху лило – комары, и те разбежались по кустам. Плавали над водой клочья тумана, и мы дважды с опаской огибали «нехорошие места».

Вот уж кого тут не могло быть – так это урса. Но еще денек вот так – и взмолишься, чтобы они появились...

Реальная опасность зазимовать в этих болотах выводила из себя. Кроме того, я опасливо подумывал (не афишируя свои мысли) – а что, если в этом мире мещерские болота тянутся, тянутся – и плавно смыкаются с белорусскими и карельскими? Хорошо еще не заболел никто; Ольга усиленно

пичкала всех отвратно-горькой ивовой корой, высушенной и перетертой в порошок. Не знаю, это ли помогало или что, но малярия (а в этих местах она была!) нас пока обходила стороной. Я молился всем, кому возможно, чтобы и дальше никто не приболел – в этом случае наше медленное передвижение грозило превратиться в переползание.

Меня нагнал Санек. Толкнул локтем и негромко сказал:
– У Бэна зуб болит. По-моему, застудил ночью.

Я невольно потянул воздух и подумал о двух своих пломбах. Потом повел глазами, нашел Бэна. Тот тащился с кислой физиономией и то и дело прислонял левую щеку к плечу.

– Коренной? – хмуро поинтересовался я. Саня кивнул. – Ну, а я что могу? Анальгина у меня нет. Вообще ничего нет. Пусть терпит, может, сам пройдет.

– Угу, или заражение какое схватит, – многообещающе-зловеще предположил Саня.

– Выбей ему зуб кистенем, – предложил я. Санек начинал меня злить. Кажется, он это понял и отстал в прямом и переносном смысле. Я ускорил шаг и догнал идущую впереди Ольгу, по пути сказав Олегу Крыгину, который вздумал тащить скатку Ленки Власенковой: «Верни, каждый несет свое». Подумал: этот мой тезка старше меня почти на три года – мог ли я недавно предположить даже, что я вот так буду ему *приказывать*?

– Оль, – окликнул я ее. Ольга повернула большеглазое, еще сильнее похудевшее лицо, тряхнула «хвостами» на вис-

ках. – У Бэна зуб разболелся, ничего нет?

– Ничего, – огорченно и озабоченно развела она руками. – И сейчас взять негде – тут ни фиалки, ни чеснока, ни хрена...

– ...Ни хренá, – задумчиво переставил я ударение. – Плохо, товарищ санинструктор. А если боец окочурится?

– Ну, я что-нибудь попробую, – без особой надежды пообещала Ольга.

Я кивнул и побрел вперед, в голову колонны, смотреть, как там остальные.

Если честно – «никак». Это слово лучше всего определяло состояние нашей компании, как, например, отлично подходил нынешнему дождю высказанный Саней в его адрес эпитет «мокрый». Вы не замечали, что бывает просто дождь, а бывает дождь *мокрый*? Это если цель пути очень далеко, негде высушиться и не светит приличный ночлег...

Не дай бог, кто-нибудь все-таки заболает.

* * *

Мы шли до самой темноты, надеясь набрести хоть на пятачок относительно сухого места. Ничего подобного, шиш-два-оп. Стемнело окончательно, передвижение стало вообще невозможным, и мы остановились.

По колено в воде. Под дождем.

– Что ж, – вздохнул я в темноту. – Надо располагаться на ночлег.

Ответом было вдумчивое сопение и неясные реплики. Потом Валька Северцева спросила:

– А как?.. Коль, возьми куртку, тебе же холодно...

– Ничего, – ответил Самодуров, – все в норме...

– Разбираем остатки мяса, – скомандовал я. – Никто не потерялся?

– Больно, блин, – отозвался Бэн хнычущим голосом. – Очень. Я рот-то еле открываю, а тут есть надо...

– Не ешь, – бесчувственно заметил Олег Фирсов.

Мясо я различал плохо, и слава богу – на ощупь оно осталось склизким даже когда я промыл его в воде. Танюшка с плюханьем подошла ко мне, жуя на ходу. Я протянул ей половину куска, которую не успел сжевать:

– Хочешь?

– Нет, ешь. – Она помотала головой. – Ну что, нам, кажется, правда тут спать?

Я запихнул остаток мяса в рот и, наклонившись, сполоснул пальцы. Передернул невольно плечами:

– Не «кажется», Тань, а «точно»...

...Такой жуткой ночевки у меня до сих пор не было. Мы не спали и не бодрствовали. К счастью, вокруг росло множество кустов – плотных, как матрас – и мы просто ложились на них, раскинув руки крестом. Сверху лило и капало. Кусты постепенно разъезжались под тяжестью тел – минут через десять просыпаешься от тошнотного чувства падения и меняешь место. Прошлая ночь казалась теперь верхом удобства.

Окружающее превратилось в тягостный дурной сон. Помню, что Бэн начал подвывать часа в два. Он бродил вокруг по воде и издавал звуки, при которых у меня возникали стойкие ассоциации с призраком. Его вяло ругали и одновременно жалели. Я слышал сквозь дрему, как Бэн плаксиво заорал. «Да сделайте что-нибудь-у-у-удь!!!» Открыл глаза и обнаружил, что постепенно и неохотно начинает рассветать. Дождь прекратился, но небо по-прежнему скрывали тучи. Хотелось есть.

Бэну разнесло щеку. Судя по всему, он уже успел пореветь как следует. Ольга исследовала его открытый рот. Рядом с заинтересованным видом стоял Саня.

Я потащился чистить зубы, попутно сломав веточку и разлохматив ее кончик...

...— Надо драть, — сказал Саня, снова и снова промывая и вытирая свой складник. Бэн, пританцовывавший на месте, неистово закивал. Он, судя по всему, был согласен с чем угодно, лишь бы прекратилась боль.

— Чем? — спросила Ольга.

— Подрежу десну, — невозмутимо сказал Саня. — Ник, — окликнул он Кольку, — дай свой нож.

Колька подошел, доставая из ножен охотничий нож. Санек жестом фокусника открыл на ножнах клещи для гильз.

— Господи. — Ольга поморщилась.

— Да я сам все сделаю. — Саня пощелкал клещами, повернувшись к Бэну: — Ну как, рвем? — Бэн снова закивал со ско-

ростью дятла. – Подержите его.

Я, если честно, отвернулся. Бэн замычал. Санек что-то буркнул, потом послышался отчетливый хруст. Мычание перешло в вопль, тут же оборвавшийся. По звукам ощущение было такое, словно Бэна прирезали.

Я повернулся. Бэн отплевывался струйками крови, но лицо у него было счастливое!

– Пеестаэт боэть, – радостно объявил он и вновь сплюнул в воду. К быстро расходящемуся кровавому пятну плыла пиявка. Саня с интересом рассматривал, держа в отставленной руке, щипцы с зубом. Можно было различить, что зуб с солидным «дуплом».

– Регулярно посещайте стоматолога, – сообщил Саня и подал зуб Бэну: – На. Проденешь нитку и будешь носить на шее.

Бэн шарахнулся от зуба, как от змеи. Продолжая сплевывать, наклонился к воде – прополоскать рот, но Олька не поленилась отвесить ему пинка:

– Инфекцию занесешь, дебил! Подожди до стоянки, кипяченой прополощешь...

– Жрать нечего вообще, – доложила Ленка Власенкова, мало обращавшая внимания на страдания Бэна и операции Сани.

– Придется харчить дары природы, – сказал Андрюшка Альхимович. – Вон рогоза сколько кругом...

...Ближе к вечеру местность пошла на подъем, стала по-

суше, появились сосенки, а потом нашим глазам открылась озерная гладь. Узкое лесное озеро в рамке лесов лежало перед нами, как брошенный в зеленый бархат клинок. Вдали было видно, что это озеро узкой протокой переходит в еще одно.

– Не помню такого, – сказал Андрей. Он стоял рядом со мной, и его лицо отражало настоящее смятение. – Не помню, чтобы в Мещере были такие озера...

– Отдохнем здесь, – со вздохом сказал я, тяжело сбрасывая на траву скатку и ремни. Как по заказу – в центре неба, прямо над головами, в зените, возникло круглое, пронзительно-голубое пятно, похожее на глаз, и пошло расширяться во все стороны, странно и красиво. Плеснуло солнцем – и вот уже небо над нами полностью чистое, насколько видит глаз. В лесу обрадованно заорали птицы, и я так же обрадованно крикнул:

– Собираем дрова!..

...Собрали не только дрова – отыскились грибы и щавель, а Игорек Мордвинцев, появившийся последним, приволок здорового линя, встреченного восторженными воплями. Сырые дрова не желали гореть, но после упорных долгих усилий занялись целых два костра – один для нас и готовки, второй – для сушки вымокшего, в первую очередь – одеял. Как обычно бывает с сырыми дровами, костер давал много жара. По краю забулькали котелки с супом, и Ленка Власенкова уже досадовала, что нет большого котла. Линя обмазы-

вали глиной...

– Соль кончилась...

– Кинь мне нож, я свой на ремне забыл...

– А что, тут неплохо вообще-то...

– Слушайте анекдот...

– Еще бы постираться...

– У меня носки поехали...

– Вот интересно, когда кончатся эти болота?..

– А как мы на ту сторону попадем?..

– Я вот думаю – лучше тут не задерживаться...

Солнце садилось в воду. От него легла по воде алая дорожка; местами играла рыба. На противоположном берегу озера появилось небольшое стадо оленей – они спустились на водопой.

– Сколько же тут все-таки живности, – немного удивленно произнесла Кристина. Она сидела, привалившись спиной и затылком к спине и затылку Севера. – И ради бога, мальчишки, ни слова об охоте!

Колька Самодуров, уже открывший рот, захлопнул его с отчетливым стуком. Все засмеялись.

– Значит, – философски решил Андрюшка Соколов, – мы не такие уж и голодные... Щусина, прекрати плевать.

– Ему нужно, – вступилась Олька, пододвигая ближе к огню ноги и шевеля пальцами. Наша медсестра уже успела подсунуть что-то для полоскания, чем Бэн и плевался.

Разговора в целом не получилось. Прошлые две ночи на-

валились на нас, как только мы поели. Едва перетаскивая самих себя, мы начали устраиваться на ночлег у костров, заворачиваясь в высохшие, жесткие, горячие одеяла. У меня вяло шевельнулась мысль, что надо бы расставить часовых, но внезапно не стало сил даже ворочать языком. Хотелось надеяться, что болота кончились, но слабо верилось в это. Впрочем, это и не беспокоило почти совсем — я так намотался, что уснул, даже не устроившись толком.

* * *

— Проснись, Олег, проснись.

Шепот ввинчивался в уши надоедливо и упрямо. Я хотел было отмахнуться, но сообразил, что это шепот Вадима, повернулся на спину и, открыв глаза, отпихнул одеяло с лица.

Вокруг был туман — я лежал в этом тумане и не мог различить, где шевелятся его пласты, а где — лицо Вадима. Солнце, судя по всему, еще не вставало.

— Что случилось? — Я поднялся на локте, а левой рукой нашарил наган.

— Урса, — выдохнул Вадим. — За двести метров отсюда, на берегу. Я поссать отошел, а они как раз причаливают.

Я уже сидел.

— Сколько?

— Три лодки, штук восемнадцать. А костер-то у нас еще дымит. В тумане воняет же!

– Поднимай всех, скорее. – Я вскочил, хватая от костра штаны. – И тихо! – добавил я через плечо.

Сейчас я слышал урса. И они, судя по всему, нас не видели, не слышали и не чуяли – по крайней мере разговаривали они громко и назойливо, чем-то хрустели, булькали и стучали. За двести метров было слышно, значит – точно не знают о нас... Вокруг уже возилась вся наша компания, слышались перешептывание и стальной шорох.

– Девчонки, оставайтесь здесь. – Я не стал надевать куртку, взвел курок нагана об эфес палаша.

– Может, не надо нападать? – быстро спросила Валька.

– Они все равно начнут шарить кругом и нас найдут, – отрезал Саня, примеряя на руке дагу. – Олег, ты бы нас поучил двумя руками фехтовать.

– Потом, – отрезал я, разминая ногу с носка на пятку. – Пошли. Держитесь плотнее.

И я первым пошел через туман...

...Вообще-то мы успели убедиться, что урса – довольно фиговые бойцы. Они громко вопят, скалят зубы и активно размахивают железками, но легко побиваются даже с минимальным опытом дворового «фехтования», если к нему приплюсовать решимость и безоглядный напор. Главное – не дать себе испугаться. А тут и вообще делать нечего, нас – пятнадцать, их восемнадцать...

...Нет, урса точно были полными лохами в лесных делах. Уж не знаю, как они в тумане за двести метров могли не учу-

ять еще дымивший костер, но это факт. Они выволокли на берег три украшенные сухими головами лодки и сами начали разжигать костер, перекликаясь и скрежещуще хохоча. Я, кстати, подумал обеспокоенно, что урса-то, как ни крути, обнаглели по какой-то причине до предела, раз забираются в такие места, как мещерские болота.

Первый урса попался нам навстречу – с охапкой хвоста, из-за которой ничего не видел. Я заколол его одним ударом, отметив равнодушно, что уже совсем ничего не испытываю от убийства – кроме удовлетворения от точного выпада.

Наверное, это страшно. Но, может быть, так и лучше...

Я показал руками в стороны, чтобы разошлись в цепь. Слышно было, как мальчишки с легким шорохом разбегались в стороны. Я даже заметил, какое недовольное лицо у Андрюшки Альхимовича: – на его взгляд, наши слишком шумели.

Урса нас не слышали. Кто-то у разгорающегося костра начал диким голосом орать – до меня не сразу дошло, что это просто зовут пропавшего.

– Все, – пробормотал я, перекладывая наган в правую руку и вонзая палаш в землю у ног. Поднял оружие обеими руками. Колька, возникший рядом, держал наготове свою вертикалку. – Два выстрела, и хватит, – прошептал я ему. До урса оставалось шагов полсотни, и у меня было сильнейшее желание опустошить по ним барабан... Странное чувство – думать о патронах. Зимой я купил ведро насыпкой с верхом

у сторожа института ГА за бутылку водки 0,75. Ведро патронов к своей «тозушке». Сейчас бы ее сюда...

«Два выстрела, – решил я, целясь в вылезающего из лодки высоченного урса с куском мяса – по-моему, оленьей ляжкой. – Вот первый...»

...Выстрелов «нагана» я не слышал – их глушил грохот Колькиной «зброевки», выбрасывавшей в утренний туман целые снопы пламени. Но я видел, как урса с ляжкой, словно поскользнувшись, упал в воду, и второй, в которого я целился, схватился за плечо и закрутился волчком. А дальше я бежал, ухитрившись запихнуть наган в кобуру и выхватить дагу. Саня просил научить драться обеими руками, а я и сам умею это только по книжкам...

Кто-то попал – специально, случайно, не поймешь, – в костер, разлетелись взрывающиеся искрами головешки. Длинное тело урса перелетело через лежащий на прибрежной траве хворост, сверху прыгнул кто-то из наших... Лязгнула в первый раз сталь. О мой палаш ударился ятаган урса с вытращенными, какими-то белесыми, как у вареной рыбы, глазами. Удар был сильный, я его едва удержал и тут же перерезал локоть урса ударом даги – ага, а я и не думал, что она достаточно тяжелая, чтобы рубить... Урса согнулся, и я, не глядя, махнул его палашом по шее. Ко мне мчался еще один, но вдруг в середине лба у него открылось круглое отверстие, из которого толчком прыгнула струйка крови, и урса завалялся ничком. Выстрела я не слышал, но, оглянувшись, уви-

дел на линии кустов фигуры девчонок – кто-то из них разрядил аркебузу...

– Вот так всегда! – Я сердито махнул палашом, крутнувшись на месте. – Так всегда – разойдешься, а драться, блин, уже не с кем!

Живых урса вокруг в самом деле не осталось. Или они притворялись, или и правда все были убиты. Я вместо того, чтобы проверить это, заорал на Танюшку:

– Ты чего сюда приперлась?! – потом переключился: – Вы все вообще чего сюда, девчонки, ну?!

– Я его застрелила, – вместо ответа обморочным голосом сказала Ленка Рудь и, уронив аркебузу, села на траву. Я растерянно замолчал; девчонки окружили ее жалеющим кольцом.

– Меня зацепили, – кривясь, сказал Олег Крыгин. Совсем рассвело, и я увидел, обернувшись, что он очень бледный. Длинная шпага лежала у его ног, обутых в кроссовки, а правой рукой с широко расставленными пальцами Олег зажимал левое плечо. На одежде расплывалось темное, длинное, масляно блестящее пятно.

– Олька! – закричал Вадим, поддерживая моего тезку, хотя он вроде бы не очень-то в этом и нуждался. – Да Олька же!

– Меня тоже задели, – спокойным голосом сказал Санек. Около него топтался Сморч, неуклюже пытавшийся помочь. Саня был ранен в грудь, но выглядел совершенно обыкновенно.

Первой из девчонок к Олегу успела Ленка Власенкова. Я на это обратил внимание, но тут же переключился на Кольку Самодурова. Он стоял, упершись руками в колени, и сплевывал в траву, снова и снова мотая головой.

– Ты чего? – подошел я. Колька еще раз сплюнул и с усилием качнул головой в сторону лежащего в траве трупа. Я взглянул, и мне все сразу стало ясно – ударом своего «бородатого» топора Колька размозжил урса голову. Зрелище было еще то даже для привычного охотника, каким он был. К нам уже спешила Валюшка, лицо у нее выглядело встревоженным, и я подтолкнул Кольку к ней: – Иди, иди, топор потом заберешь... Давай, Коль, приходи в себя... Оль, что там?!

– Не мешай, – отозвалась Ольга. Она что-то делала с плечом сидящего на носу лодки Олега Крыгина.

Стоявшая рядом Ленка спросила жалобно:

– Больно?

– Жжет и дергает, – информировал Власенкову Олег.

– Тебя не задела? – услышал я и, обернувшись, увидел Танюшку. Она держала на плече разряженную аркебузу.

– Нет, – сердито ответил я. – Ты зачем прибежала сюда?

– Так. – Она пожала плечами.

– Я думал, это ты выстрелила, – признался я.

Танюшка помотала головой:

– Я не успела.

– Ну и хорошо, – буркнул я, отворачиваясь. Я хотел еще

добавить, что девчонки не должны убивать, но постеснялся — мне показалось, что это прозвучало бы патетически.

— Ну, вот и решился вопрос с переправой, — вполне бодро сказал Андрей Альхимович, подходя ко мне. — В два рейса на лодках — и все.

Мы в такие шагали дали,
Что не очень-то и дойдешь.
Мы в засаде годами ждали,
Невзирая на снег и дождь.
Мы в воде ледяной не плачем
И в огне почти не горим:
Мы — охотники за удачей,
Птицей цвета ультрамарин!

Говорят, что за эти годы
Синей птицы пропал и след,
Что в анналах родной природы
Этой твари в помине нет,
Говорят, что в дальние страны
Подалась она навсегда!
Только мы заявляем прямо —
Это полная ерунда!

Синей птицы не стало меньше.
Просто в свете последних дней
Слишком много мужчин и женщин
Стали сдуру гонять за ней.

И пришлось ей стать осторожной,
Чтоб свободу свою спасти, —
И вот теперь почти невозможно
Повстречать ее на пути.

Стала пуганой птица-удача
И не верит чужим рукам...
Да и как же ей быть иначе?
Браконьеры и тут и там!
Отвернешься — она обманет,
И вот уже навсегда ушла...
И только небо тебя поманит
Синим взмахом ее крыла!

Андрей Макаревич

* * *

Андрей Альхимович не ошибался, когда говорил, что не помнит в Мещере таких озер. Мы, переправившись на другой берег, бросили лодки и настроились было снова на болота, но вместо этого местность резко пошла на подъем, болотная растительность сменилась плотными, кряжистыми дубами, стройными ясенями, можжевельником, и Наташка Мигачева вдруг удивленно сказала:

— Эй, это же Воробьевы горы!

Мы все остановились и заоглядывались. Больше полови-

ны из нас бывали в Москве, а кто не бывал – видел, конечно, фотографии и кино.

– Так мы что, в Москве? – удивленно спросил кто-то.

– Это точно Воробьевы горы, – уверенно сказала Наташка. – Вон там, – она вытянула смуглую руку, – университет стоит. Только тех озер, – она ткнула за спину, – в наших местах нет.

Мы притихли, снова и снова оглядываясь и привыкая к мысли, что в самом деле находимся там, где должна располагаться Москва. Если честно, сделать это оказалось нелегко.

– Ребята, – задумчиво подал голос Андрюшка Соколов, – а может, тут зазимуем? Я помню, где-то читал, тут есть пещеры...

– Есть, – подтвердил Вадим. – Карстовые, но в них не зазимуешь. Это просто дырки в земле... По-моему, отсюда надо держать южнее, тогда мы выйдем к Карпатам через Белоруссию.

– Придется переправляться через Десну, Днепр и Припять, – вспомнила Танюшка, наш образцовый географ, – а потом идти полесскими болотами.

– Ну, через реки все равно переправляться, – возразил Вадим. – А если брать в обход болот, то мы до ноября будем идти.

Мы разговаривали, уже продолжая идти. Я, кстати, мысленно корил себя, что не приказал восстановить нормальный порядок движения, едва мы вышли из болот – так и шли тол-

пой... Ладно, потом.

Я сам в Москве не был и не ожидал, что Воробьевы горы такие высокие – правда горы. Или, может, так мне показалось после болот, кто его знает. Но, во всяком случае, видно было во все стороны великолепно. На юго-западе равнинный лес плавно поднимался на холмы Среднерусской возвышенности и таял в голубой дымке августовского полдня.

– Дым, – Игорь Басаргин поднял руку. – Смотрите – там... и там.

Мы вгляделись. Игорь был прав. В десятке километров на запад и примерно в два раза больше – на юго-запад тянулись вверх дымки. А еще через несколько секунд я увидел километрах в трех, на лесной проплешине, приземистую каменную башню.

После долгих недель почти полного безлюдья местность перед нами казалась мегаполисом.

– Урсаитянские стоянки? – спросил Сергей.

– Вряд ли. – Игорь Мордвинцев смотрел, приставив ладони к бровям «домиком». – Знаете, вот тут... которая ближе... я, по-моему, вижу частокол.

– Пойдем сначала к башне, – предложил Олег Фирсов.

– Тань, – я подошел. – По-моему, эта башня похожа на ту. Ну, где мы оружие нашли.

– Похожа, – согласилась она. – Каменная... вот интересно, как же они тут из камня строят?

* * *

Башня в самом деле была похожа. Только она оказалась полуразрушена – на две трети обвалилась та сторона, которую мы не видели с Воробьевых. Неизвестно, кто приложил к этому руку, но подальше мы нашли семь могил, над которыми возвышались полусъеденные ржавчиной крестовины вонзенных мечей. Только по ним мы и опознали могилы – время давно превратило их в сглаженные зеленые бугорки.

Но над входом в башню я снова обнаружил английского леопарда. Мне вспомнились слова Йенса – о том, что тут не может существовать государственных образований. Но вот пожалуйста – на территории России, разделенные сотнями километров, стоят две каменные башни с одним и тем же геральдическим знаком...

...Никто из нас не испугался могил, да и глупо это было бы. Просто немного грустно стало смотреть на эти холмики, и все как-то сразу заторопились идти дальше.

* * *

Балок – приземистое, но широкое строение, окна которого были закрыты ставнями, крытое серым осиновым гонтом – отыскался в полукилометре от башни. К низкому крыльцу

вела полузаросшая тропинка, выходявшая из кустов малинника.

Внутри оказалось сухо, полутемно и пусто. Центр единственной комнаты занимал большой стол, окантованный скамейками, угол – очаг, не печка, сложенный из почерневших камней. Под закопченным потолком шли антресоли – вернее, это как-то по-другому называется, но мне вспомнились именно «антресоли».

– Ни фига себе, – присвистнул Санек, внимательно оглядываясь. – Приют странников...

Около очага оказались сложены дрова, а выше обнаружилось волоковое оконце. Пока ребята распахивали ставни на ременных петлях, девчонки начали копать на этих самых антресолях, перемазались сажей, но – к общему удивлению – обнаружили две пустые консервные банки, грубый берестяной туесок с солью, пачку свечей-самолепок (слегка подслипшихся, но вполне пригодных), ржавые ножницы, несколько мотков крепких ниток (ни единой иголки!) и целую россыпь каких-то твердо постукивающих черных пластинок размером в полруки. Эти пластинки мы опознали как закопченные до невозможности куски рыбы неизвестной национальной принадлежности (забегая вперед, скажу, что рыба так и не раскрыла тайны своего происхождения, но оказалась очень твердой и очень вкусной). С улицы всунулся Сережка и радостно оповестил:

– Э! Народ! А тут сзади баня прилеплена – настоящая,

честное слово!

Ленка Власенкова оживилась и испарилась с половиной девчонок.

– Сейчас заставят таскать воду, – проницательно заметил Смorch, – и дрова колоть до опупения.

Его сетований никто не поддержал. Если честно, мы, как и большинство мальчишек, не отличались особой чистоплотностью, но полтора месяца мыться только в речках, холодной водой, от случая к случаю – это слишком.

Бэн тем временем извлек из одной банки (где искал тушенку, надо думать) листок бумаги и озадаченно на него уставился.

– Дай сюда, пень! – перегнувшись через стол, я выхватил у него листок и быстро подошел к окну. В меня засопели сразу со всех сторон. – Свет не закрывайте!

Пожелтевший листок из блокнота был украшен в левом верхнем углу блеклым рисунком – плотина ДнепроГЭСа. Я такие блокноты знаю – на каждом листке изображено какое-нибудь здание, музей, памятник и прочее. Что-то, очень похожее на ностальгию, охватило меня при виде побледневших строчек, написанных самой обычной пастой... Я перевел дыхание и начал читать вслух:

– 23 июня 1985 года. Остаться здесь больше не можем. Уходим на ю.-з. – юго-запад, наверное... Если кто найдет то, что мы оставили, – пользуйтесь, и удачи вам, кто бы вы ни были. Не теряйте надежды и держитесь вместе. Может быть,

когда-нибудь вернемся. Игорь Дашкевич, 15 лет. Всего нас пятеро, из парней остался я один.

Я сложил бумагу и убрал ее в банку. Вадим, ни слова не говоря, достал складник и, открыв его, отошел к стене, где начал вырезать почти сакраментальное «здесь были...», приобретшее тут совсем иной смысл. Настроение как-то подскисло. Санек (он, по-моему, просто не хотел признавать, что его мучает рана) завалился в углу на одеяла. Олег Крыгин присел и начал осторожно высвобождать раненое плечо. Игорь Северцев с Кристиной, взяв аркебузы Танюшки и Вальки, объявили, что идут на охоту, с ними заторопился Андрюшка Альхимович, сказав, что попробует насторожить ловушки. Я крикнул им, чтобы далеко не уходили, но проследить не получилось – появился Игорь Мордвинцев и знаками вызвал меня наружу.

– Пошли посмотришь, – таинственно сообщил он. – Тут с полкилометра по ручью.

Я удивился, но поперся следом. Ручей тек недалеко, за теми кустами малины, из-за которых мы вышли, но в стороне. Вдоль берега была песчаная отмель, мы по ней и пошли, держа оружие наготове – это, кажется, стало уже привычкой. Игорь молчал, но явно волновался, и я заволновался тоже – что он хочет мне показать-то?! Редкостно огромную рыбу?

– Мордва, – не выдержал я, – мы куда премся?

– А вот, пришли, – тихо сказал он, отодвигая ветви ивы. – Смотри и удивляйся.

Нет, я не очень удивился. Просто на небольшой веселенькой полянке, где часто летали довольные жизнью пчелы, стояли в траве на пеньках шесть серовато-желтых ульев. Настоящих.

– Улы, – пожал я плечами. – Так мы же знали, что тут есть люди.

– Да я не про это. – Он отмахнулся. – Ну, ты же знаешь, у моего деда... – Он сбился, перевел дыхание и твердо продолжил: – У него в Дербене пасека.

– Ну, знаю. – Я вспомнил очень вкусный мед, который часто притаскивал Игорь, и тут же стал посматривать на улы с эгоистичным интересом. – И что?

– А то, что он про это дело – ну, про пчеловодство – целую библиотеку собрал. Ну и я читал, конечно... Ну, это. В наших местах все – и мордва, и русские – улы делали из обрубков колод. А тут смотри?

Я пригляделся и понял, что улы сплетены из соломенных жгутов – а я сразу и не сообразил.

– Понял теперь? – двинул бровями Игорь.

– По-онял... – протянул я. – Улы плели скандинавы, германцы... прибалты, кажется...

– Да не кажется, а точно, – кивнул Мордвинцев. – Тут где-то родня Арниса.

– Ну, не факт, может, и немцы, – возразил я. – А если прибалты – так это еще и лучше, они тоже из Союза.

– Может, и так, – кивнул Игорь. – Ладно, я просто тебе

хотел это показать...

...Баня в самом деле работала, и Сморч оказался пророком. Правда, дров оказалось немало запасено в предбаннике, но воду пришлось таскать котелками (!!!) и двумя рассохшимися бадейками, найденными там же. Меня это дело миновало, раненых – тоже (Олег Крыгин порывался помочь, а Саня, наоборот, сделал вид, что уснул, измученный страшными болями), поэтому я, помотавшись без дела, сел затачивать все подряд клинки осколком найденного еще у Волги песчаника.

Вжикая камнем по кромкам и стараясь уберечь пальцы, я думал о всяком-разном, благо, работа не мешала. Мысли отнюдь не все были радостные – всплыл образ могилы. Нет, все-таки страшно, если честно, думать, что рано или поздно, но неизбежно твоя жизнь закончится гибелью. Не просто смертью, а именно *гибелью* – и *неизбежно*.

Мерзкая мысль, можете мне поверить. Но я отпихнулся от нее и всерьез задумался, что зимовать можно и здесь, а не волочься на Карпаты, тем более что я про них просто так сказал.

Подошла Танюшка – в ковбойке с подвернутыми рукавами, подкатанных джинсах и босиком. Встала рядом, прислонившись плечом к дверному косяку, – молча, но это было уютное молчание, теплое, как наступавший летний вечер. Арнис, разведя неподалеку небольшой костерок, «отпускал» иголку, собираясь ее превратить в хирургическую по зака-

зу Ольги. За домом булькали водой, смеялись и неразборчиво переговаривались. Андрюшка Соколов с Ленкой Черниковой по-хозяйски возились с ремнями на ставнях.

– А вообще-то здорово, что мы все вместе, – тихо сказал я.

– Здорово, – согласилась Танюшка. Я посмотрел на нее снизу вверх – волосы упали мне на глаза. – А как ты оброс – я у тебя таких еще и не видала!

Это было правдой. У меня уже к началу каникул оказались длинные волосы, а прошло-то два с половиной месяца. Они отросли до кончика носа и до плеч. Ухаживать за волосами я не умел, да и проблематично тут это было. Поэтому я просто пожал плечами.

– А давай я тебе их подкорочу, – предложила Танюшка и чиркнула сзади по шее, – вот до сих пор. Я постараюсь поровнее.

От этого мимолетного прикосновения у меня захватило дух. Я смог только молча кивнуть. Татьяна сбегала в дом и, притащив ножницы, спихнула меня на нижнюю ступеньку, а сама устроилась выше и перехватила пальцами мои волосы сзади.

Я закрыл глаза и поплыл, мечтая только об одном – чтобы никто не полез с какими-нибудь неотложными проблемами или просьбой показать, как фехтовать. Только не сейчас... Пусть она там как хочет меня кромсает, только бы подольше вот так перебирала пряди волос, мимолетно касаясь шеи, висков, щек, лба и сосредоточенно сопя. Я даже не замечал,

что ножницы тупые и дергают.

– Вот так лучше, – сказала наконец Танюшка.

– Чего?.. – сонно спросил я и, помедлив, откинул голову ей на колени. На миг почувствовал, как напряглись ноги девочки... но тут же расслабились, и я, запрокинув лицо, увидел, что и она привалилась спиной к косяку, задумчиво глядя в лес своими зелеными глазами. А руку... руку, помедлив, положила мне на плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.